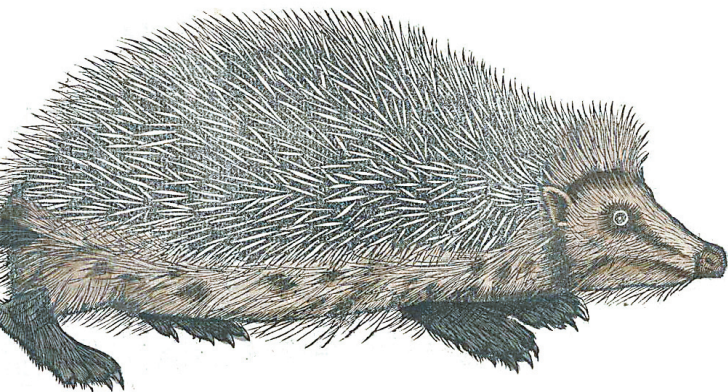

Партизанская республика

Акции протеста в Минске
19-25 марта 2006 года

Центр «Панорама»
2006

УДК 323(476)
ББК 66.3(4Бен)
П18

П18 Партизанская республика. Акции протеста в Минске 19-25 марта 2006 года /Д. Костенко, Фокс, А. Кашко и др./под ред. Е.Михайловской. - М.: РОО «Центр «Панорама», 2006. - 219 с.

ISBN 5-94420-023-5

В книге публикуются свидетельства участников мирных акций протеста против фальсификации итогов выборов президента Республики Беларусь 19 марта 2006 года. Хронологические рамки: 19 марта – начало апреля 2006 года. В издание включена краткая справка об истории, особенно новейшей, Республики Беларусь, и хроника основных событий со 2 по 25 марта 2006 года.

Для студентов-гуманитариев, историков, журналистов, политологов.

Издано при поддержке National Endowment for Democracy.

Дизайн: А. Петрушин

В оформлении обложки использована историческая символика Беларуси – герб «Пагоня» и бело-красно-белый флаг. В 1991 – 1995 годах они были государственными символами Республик Беларусь. Изображение ежа позаимствовано из *Historiae animalium* Геснера, Карронуса и Вольфа (1551-1587), courtesy of the National Library of Medicine.

Воспроизведение любой части книги разрешается.

<http://www.scilla.ru/>

ISBN 5-94420-023-5

РОО «Центр «Панорама», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ. Краткая справка.....	8
История.....	9
Независимая Беларусь.....	12
Переход к президентской республике.....	12
Референдум-1995 и межпарламентская пауза.....	14
Референдум-1996.....	18
Переформатирование парламента и несостоявшееся двоевластие.....	23
Выборы-2000.....	24
Второй срок.....	25
Выборы-2003/2004: полное поражение оппозиции.....	26
Референдум-2004.....	27
Третий срок.....	28
Политический режим.....	28
Союз Беларуси и России.....	36
Экономика.....	38
ХРОНИКА.....	42
Мартовские дневники Даши Костенко.....	49
Записи Фокса.....	143
Записи Александра Кашко.....	164
Записи ЖЖ-юзера zhannik.....	176
МАТЕРИАЛЫ.....	185

Как лучше всего быть готовым к митингу.....	185
Из памятки участнику митингов и демонстраций.....	190
На митинге.....	191
Как уходить с митинга.....	197
Рекомендации для немедика.....	199
При аресте	205
Меры против провокаторов и отморожков.....	209
Расклейка листовок.....	212
БОНУС.....	214

ПРЕДИСЛОВИЕ

19 марта 2006 года в Республике Беларусь прошли президентские выборы. Это были третьи президентские выборы с тех пор, как Беларусь стала независимым государством в 1991 году. Первые выборы прошли в 1994 году. На них в острой борьбе неожиданно победил борец с коррупцией, молодой депутат ВС Александр Лукашенко. Срок полномочий президента Беларуси – 5 лет. Но вторые президентские выборы состоялись не в 1999, а в 2001 году, потому что президент Лукашенко вел отсчет своего первого срока не от момента избрания, а от момента принятия на референдуме в ноябре 1996 года новой конституции страны. Эта конституция предоставляет президенту чрезвычайно широкие полномочия. Сам президент Лукашенко публично признает, что его правление является авторитарным (при этом, однако, неизменно отмежевываясь от определения «диктатура»).

На вторых президентских выборах 9 сентября 2001 года Александр Лукашенко получил 75,65% голосов. Те люди, которые могли составить ему конкуренцию – бывший вице-премьер Виктор Гончар, бывший министр внутренних дел Юрий Захаренко, вице-спикер ВС Геннадий Карпенко – в апреле-мае 1999 года либо бесследно исчезли (Гончар и Захаренко), либо внезапно скончались (Карпенко).

По Конституции 1996 года президент не мог баллотироваться на третий срок. Поэтому президент Лукашенко 17 октября 2004 года провел референдум, который разрешил ему баллотироваться без ограничений.

В выборах 19 марта 2006 года приняли участие четыре кандидата, в том числе два кандидата от оппозиции – Александр Милинкевич и Александр Козулин. Особенностью выборов стало то, что около трети избирателей проголосовали досрочно. Это, а также явное несовпадение официальных результатов выборов (по данным Центризбиркома, за Лукашенко проголосовали 83% избирателей при явке в 93%) и опросов на выходе из участков (по которым вроде бы получался второй тур), привело к всплеску протеста в столице страны.

В этой книге собраны свидетельства участников уличных акций 19-25 марта в Минске. Все они – молодые образованные горожане, ни один не занимается политикой профессионально и не стремится к этому. За исключением одного человека, остальные оказались вовлеченными в акции протеста более или менее случайно. Это голоса из гущи событий, снизу – иногда восторженные, иногда скептические, всегда – живые и непосредственные. Романтичная Даша Костенко в тюрьме рассказывает товарищам по камере миф об Одине и меде поэзии. Бывалый Фокс занимается исторической ретроспекцией, вспоминая то выборы 2001 года, то референдум-1994 и доисторическую эпоху бело-красно-белых флагов. Схваченный на выходе с площади Александр Кашко фиксирует диалоги омовцев с задержанными в лучших традициях документального театра. Аполитичная Жанник вскользь упоминает, что безобидный журнал «Итоги» в двухмиллионном Минске можно купить только в одном киоске. Из одного такого дневника, написанного по горячим следам, небрежно, сбивчиво, можно узнать о том, как живут в Беларуси, гораздо больше, чем из сотни репортажей, написанных профессионалами.

Другой тип документов, представленных в книге – это так называемые «памятки» и рекомендации для участников митингов. Они отражают настроения в среде протестующих, их ожидания по отношению к власти. Некоторые выглядят как инструкция МЧС. Другие проникнуты черным юмором – чего стоит совет, если отрежут ухо, быстро положить его в пакет и бежать в медпункт.

Для того, чтобы отечественному читателю были немного понятнее чужие реалии, мы включили в книгу небольшую справку о Беларуси с кратким изложением новейшей политической истории страны, а также краткую хронику событий перед выборами и сразу после них.

Источник, которым мы пользовались при отборе свидетельств – электронные интернет-дневники (блоги), за одним исключением, размещенные на популярном блог-сервере LiveJournal (Живой Журнал, или ЖЖ – по-русски). Тексты воспроизво-

дятся в авторской редакции. Некоторые авторы, с учетом политической ситуации в Беларуси, предпочли сохранить анонимность. Первый публикатор и вдохновительница «Мартовских дневников» – Наталья Буландо, коллега автора, Даши Костенко по команде «Что? Где? Когда?».

Авторы вводной справки – Илья Будрайтскис и Александр Ханукаев. Хроника составлена Юлией Смоляковой. В работе над книгой принял активное участие Игорь Яковлев.

При работе над книгой использована информация официального сайта посольства Республики Беларусь в России (<http://www.embassybel.ru/>), официального сайта президента Республики Беларусь (<http://www.president.gov.by/>), сайта Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь (<http://www.vybor.by>), сайта Международного валютного фонда (<http://www.imf.org/country/BLR/index.htm>), правозащитной организации «Хартия'97» (<http://www.charter97.org/rus/>), официального сайта КГБ Республики Беларусь (www.kgb.by), исследовательского центра ИПМ (<http://research.by/>) и др. Источники сведений о ранней истории Беларуси – История Беларуси с древнейших времен до наших дней. Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. Минск, Аверсэв, 2002, о современной истории – опубликованные «Панорамой» материалы Алексея Глубоцкого и Владимира Прибыловского, Wikipedia, Ежегодники Большой Советской Энциклопедии за 1989 и 1990 годы.

Мы хотели бы обратить внимание ценителей жанра на сводную памятку для участников митингов и демонстраций, размещенную в интернете по адресу <http://inventrice.livejournal.com/122136.html>.

Обычно предисловия заканчивают благодарностями за поддержку и помощь. В данном случае мы не можем назвать имен всех, кто нам помогал, а называть одних и умолчать о других – как-то странно. Поэтому мы благодарим всех, и надеемся, что наши слова будут услышаны.

Республика Беларусь

Краткая справка

Республика Беларусь расположена в центральной части Европы. По площади занимает 13-е место среди европейских государств. Территория Беларуси – 207,6 тыс. кв. км (38% – леса, 2% – вода, 44% – сельскохозяйственные угодья, 16% – прочие земли). Протяженность территории с севера на юг – 560 км, с востока на запад – 650 км. На западе страна граничит с Польшей, на северо-западе – с Литвой, на севере – с Латвией и Россией, на северо-востоке и востоке – с Россией, на юге – с Украиной.

В республике проживают 10.322.151 человек (данные на июль 2003 года), из них 71,5% – городские жители. В экономике заняты 4,3 млн. человек (72% населения трудоспособного возраста). Большинство населения – белорусы (81%), также живут русские, поляки, украинцы, евреи, татары и представители других национальностей.

Административно-территориальное деление – 6 областей (Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская), 118 районов, более 100 городов, 111 поселков городского типа, свыше 24 тыс. деревень. Столица – город Минск, занимающий площадь около 200 кв. км, с численностью населения, приближающейся к 2 млн. человек. В Бресте – около 300 тыс. жителей, в Витебске – 400 тыс., в Гомеле – 481 тыс., в Гродно – 317 тыс., в Могилеве – 350 тыс.

Государственные языки – белорусский и русский, денежная единица – белорусский рубль. Официальный обменный курс белорусского рубля к доллару на 2006 год установлен в диапазоне 2100-2200 белорусских рублей за 1 доллар США.

Беларусь находится в центральноевропейском временном поясе: GMT + 2 часа.

ИСТОРИЯ

Первые люди на территории Беларуси появились около 100 тыс. лет до н.э. Самые древние стоянки первобытных людей в Беларуси были обнаружены около деревень Бердыж и Юровичи Гомельской области. С VI-VII вв. н.э. начинается заселение страны славянами. На ее территории расселились три союза славянских племен – кривичи (в верховьях Днепра и бассейне Западной Двины), дреговичи (в бассейне Припяти) и радимичи (между Днепром и Сожем).

С распадом древнерусского государства на территории Беларуси образовались сначала Полоцкое, а затем Витебское, Турово-Пинское и другие удельные княжества. К началу XIV в. большая часть земель современной Беларуси вошла в состав Великого княжества Литовского, а после заключения польско-литовской унии в начале XV в. – стала частью Речи Посполитой. В XV-XVI вв. в большинстве городов страны действовало т.н. «магдебургское право», основанное на внутреннем самоуправлении. После разделов Польши 1772, 1793 и 1795 гг. белорусские земли были присоединены к Российской империи.

В конце Первой мировой войны, после подписания Брестского мира 25 марта 1918 года, в оккупированном немецкими войсками Минске было провозглашено создание Белорусской народной республики (БНР).

1 января 1919 года была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), в феврале – августе 1919 года временно объединенная с Литвой в Литовско-Белорусскую ССР (Литбел). Западная часть Беларуси (современные Брестская и Гродненская области) до 1939 года входила в состав Польши. С началом Второй мировой войны (1939) эти территории были заняты советскими войсками и присоединены к БССР.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) территорию Беларуси оккупировали немецкие войска. В тылу врага развернулась широкая партизанская и подпольная борьба. В то же время действовало и коллаборационистское правительство

(Белорусский центральный совет). В 1944–1945 гг. Беларусь была освобождена от немцев. За годы войны в Беларуси погиб каждый четвертый житель, страна потеряла более половины национального богатства. В июне 1945 года Белорусская ССР по предложению Сталина стала членом ООН наряду с Украинской ССР и СССР в целом.

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции (Украина, близ белорусской границы). Авария имела колоссальные экологические, социальные и экономические последствия (общие потери оцениваются в 235 млрд. долларов). Наиболее пострадавшие территории в Беларуси – в основном в Гомельской области – до сих пор отмечены высоким процентом смертности, сокращением населения.

Во времена перестройки и демократизации в СССР руководители белорусской компартии – первый секретарь ЦК КПБ Ефрем Соколов и сменивший его в 1990 году Анатолий Малофеев – занимали весьма реакционные позиции во внутрипартийной борьбе. Первым проявлением массовой оппозиционной активности стал организованный Товариществом молодых литераторов «Тутэйшыя» митинг 30 октября 1988 года, посвященный Дню памяти предков («Дзяды»), который был жестоко разогнан милицией. Съезд главной оппозиционной организации – Белорусского народного фронта (БНФ) – был запрещен и прошел в июне 1989 года в Вильнюсе.

В марте 1990 года состоялись первые альтернативные выборы в Верховный Совет БССР. В его состав (всего – 460 депутатов) были избраны около 50 представителей демократической оппозиции, объединявшейся вокруг БНФ. Один из них – профессор физики Станислав Шушкевич – был избран заместителем председателя ВС. Председателем ВС и формальным главой государства стал Николай Дементей (прежний председатель президиума ВС БССР, фактически – второе лицо в республике после первого секретаря ЦК КПБ).

27 июля 1990 года Верховный Совет БССР по примеру других союзных республик принял декларацию о государственном

суверенитете. В ней объявлялось о независимости республики во внешних отношениях и стремлении создать правовое государство. 17 марта 1991 года на проходившем во всем СССР референдуме по вопросу о сохранении Союза как федерации равноправных суверенных республик 82,7% голосовавших в Беларуси ответили на него положительно (в целом по СССР «за» проголосовало 76,4%).

Во время попытки государственного переворота в СССР 19 - 22 августа 1991 года руководство БССР выступило в поддержку т.н. Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), хотя в официальных газетах было опубликовано и заявление депутатского меньшинства с осуждением переворота, подписанное Шушкевичем. 25 августа 1991 года Верховный Совет БССР приостановил деятельность компартии Белоруссии и национализировал её имущество, а также принял закон «О придании статуса Конституционного закона декларации ВС БССР о государственном суверенитете» и постановление «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности БССР». Собственностью республики были объявлены предприятия и организации союзного подчинения, размещенные на ее территории. Председатель ВС Николай Дементей ушел в отставку, 6 сентября на этот пост был избран Станислав Шушкевич. Однако исполнительная власть осталась под контролем старой партноменклатуры во главе с председателем совета министров Вячеславом Кебичем.

19 сентября 1991 года внеочередная сессия Верховного Совета приняла решение изменить название республики и именовать ее «Республика Беларусь» или «Беларусь». Также было принято решение о принятии нового государственного флага – бело-красно-белого и нового герба – «Пагоня» (впоследствии на референдуме 11 мая 1995 года была принята нынешняя государственная символика).

8 декабря 1991 года в Вискулях руководителями Беларуси, России и Украины были подписаны т.н. Беловежские соглашения о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) и прекращении существования СССР.

НЕЗАВИСИМАЯ БЕЛАРУСЬ

После провозглашения независимости в Беларуси началось формирование новых органов управления. Союзно-республиканские ведомства были преобразованы в республиканские, комитет государственной безопасности перешел в подчинение Верховному Совету, в соответствии с постановлением ВР «О создании Вооруженных сил Республики Беларусь» началось формирование армии.

3 февраля 1993 года ВС Беларуси отменил свое постановление «О временном приостановлении деятельности КПБ-КПСС на территории Республики Белоруссия». После этого, наряду с возникшей в период запрета КПБ Партией коммунистов Беларуси (ПКБ), была воссоздана Коммунистическая партия Беларуси (КПБ) во главе с Виктором Чикиным.

26 января 1994 года большинством голосов депутатов ВС был смещен с должности председатель ВС Станислав Шушкевич. Депутатская комиссия во главе с Александром Лукашенко инкриминировала ему «непринятие мер по борьбе с коррупцией, отсутствие контроля за работой правоохранительных органов [арест в Минске лидеров компартии Литвы М.Бурокаявичюса и Ю.Ермолавичюса] и проявленную личную нескромность [ремонт за государственный счет своих квартир и дачи]». Новым председателем ВС был избран Мечислав Гриб, до избрания депутатом работавший в МВД.

Переход к президентской республике

15 марта 1994 года голосованием именными бюллетенями депутаты Верховного Совета приняли новую Конституцию, предусматривавшую введение поста президента, избираемого прямым всеобщим голосованием. Основным претендентом на пост президента считался премьер-министр Вячеслав Кебич.

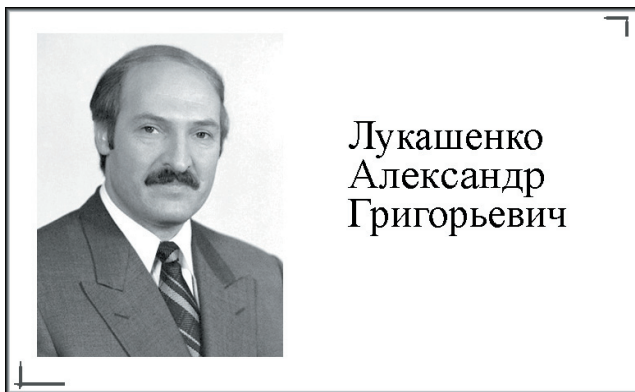
Первые выборы президента Республики Беларусь состоялись 23 июня 1994 года. В них участвовали шесть кандидатов. Демократическая оппозиция выставила сразу двух кандидатов, ни один из которых не прошел во второй тур. Вперед вырвался Александр Лукашенко – 44,82%. Вячеслав Кебич (председа-

тель совета министров) вышел во второй тур с 17,32%, Зенон Позняк (лидер БНФ) набрал 12,82%, депутат и бывший председатель ВС Станислав Шушкевич – 9,9%; председатель Союза аграрников Александр Дубко – 6%; секретарь Партии коммунистов Беларуси (ПКБ) Василий Новиков – 4,6%. Во втором туре – 10 июля 1994 года – Александр Лукашенко объединил голоса антиноменклатурного электората и набрал 80,2% голосов, В.Кебич получил 14,1%.

20 июля 1994 года А.Лукашенко был приведен к присяге. Вступая в должность, он высказался за «суверенитет родной Беларуси, но без границ и таможен, с добрыми соседями, и, прежде всего, с Украиной и Россией». 21 июля 1994 года ВС утвердил предложенный президентом состав кабинета министров во главе с бывшим председателем правления «Белагропромбанка» Михаилом Чигирем.

После победы на президентских выборах Лукашенко вначале высказывался за досрочные парламентские выборы. Выборы в новый Верховный Совет XIII созыва тем не менее прошли в срок, в два тура: 14 и 28 мая 1995 года.

К концу 1994 года в стране начался политический кризис, связанный с конфликтом президента и большинства Верховного Совета.

Официальное изображение президента

Референдум-1995 и межпарламентская пауза

В начале 1995 года президент выступил с инициативой проведения референдума по четырем вопросам:

- об изменении государственной символики (возврате модифицированных советских герба и флага)
- о поддержке интеграции с Россией
- о придании русскому статусу государственного языка
- о предоставлении президенту права распустить парламент

Оппозиция бурно отреагировала на инициативу президента: часть депутатов начали голодовку в зале заседаний парламента. Противники референдума заявили, что его проведение не консолидирует, а, наоборот, расколется общество и не будет способствовать улучшению жизни белорусского народа. Девятнадцать голодающих парламентариев остались ночевать в здании Дома правительства, где проходили пленарные заседания Верховного Совета.

11 апреля 1995 года депутаты Верховного Совета большинством голосов высказались за проведение 14 мая референдума, но выступили против вынесения на референдум вопроса о придании русскому языку статуса государственного наравне с белорусским. Не набрало нужного числа голосов и второе предложение Александра Лукашенко – провести референдум по замене государственной символики.

После того, как не прошли два первых вопроса, президент заявил, что дальнейшее голосование бессмысленно, поскольку его предложение по поводу референдума было комплексным. Тем не менее, голосование состоялось.

Вопрос о праве президента распустить парламент тоже не прошел; положительное решение было принято только по вопросу референдума об экономической интеграции с Россией. Президент заявил, что депутаты нарушили Конституцию, начав голосовать по предложенным вопросам, поскольку Верховный

Совет не вправе давать оценку вопросам президента, а может только назначить дату проведения референдума.

После того, как Верховный Совет отклонил три из четырех вопросов, предложенных Александром Лукашенко для референдума, президент заявил, что возьмет на себя ответственность за его проведение. Он также выразил намерение приостановить деятельность Верховного Совета в случае, если он не изменит свою позицию. Назначив дату референдума – 14 мая – и отклонив вопросы Александра Лукашенко, парламент оказался в ловушке. По предложению председателя ВС Мечислава Гриба была создана согласительная комиссия, в которую вошли члены парламентской комиссии по государственному строительству и представители президента. Они должны были выработать компромиссное решение, хотя президент однозначно заявил, что в любом случае берет на себя ответственность за проведение референдума.

После восьми часов вечера 11 апреля в комендантскую службу Дома правительства поступил звонок с сообщением, что здание заминировано. Прибыли две группы саперов, началась проверка, которая длилась почти до одиннадцати утра следующего дня. Мечислав Гриб и Александр Лукашенко были поставлены в известность о чрезвычайном происшествии. Председатель парламента распорядился эвакуировать всех, кто находился в Доме правительства, но голодающие отказались уходить. Попытки вывести депутатов из зала заседаний завершились только около трех часов ночи, причем для этого властям понадобилось применить ОМОН. Утром депутаты провели пресс-конференцию и заявили, что были избиты. Республиканская прокуратура даже возбуждала уголовное дело по заявлению группы депутатов об избитии их работниками милиции в Доме правительства.

14 мая 1995 года вопреки воле парламента состоялся референдум, по всем четырем вопросам которого были приняты положительные решения (при этом вопрос о праве президента распускать парламент носил консультативный характер, т.к. требовал последующего внесения изменений в Конституцию).

Официальные результаты голосования по вопросам референдума:

1. За одобрение вопроса «Согласны ли вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?» проголосовали 4.017.273 человека, или 83,3%

против проголосовали 613.516 человек, или 12,7%

192.693 бюллетеня в части этого вопроса признаны недействительными;

*

2. За одобрение вопроса «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?» проголосовали 3.622.851 человек, или 75,1%

против проголосовали 988.839 человек, или 9,39%

211.792 бюллетеня в части этого вопроса признаны недействительными;

*

3. За одобрение вопроса «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?» проголосовали 4.020.001 человек, или 83,3%

против проголосовали 602.144 человека, или 12,5%

201.337 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными;

*

4. За одобрение вопроса «Согласны ли Вы с необходимостью внесения изменений в действующую Конституцию Республики Беларусь, которые предусматривают возможность досрочного прекращения полномочий Верховного Совета Президентом Республики Беларусь в случаях систематического или грубого нарушения Конституции?» проголосовали 3.749.266 человек, или 77,7%

против проголосовали 857.485 человек, или 17,8%

216.731 бюллетень в части этого вопроса признан недействительным.

В списки граждан, которые имеют право участвовать в республиканском референдуме, были включены 7.445.820 человек, в голосовании на республиканском референдуме приняли участие 4.830.582 человека, или 64,8%.

В новый состав Верховного Совета из-за низкой явки было избрано только 119 депутатов из 260 (менее 50%). Ссылаясь на нелегитимность парламента, президент издал серию указов, вторгавшихся в полномочия законодательной ветви власти. Тринадцать указов президента Лукашенко были признаны Конституционным судом полностью или частично не соответствующими Конституции. После этого Лукашенко отдал всем руководителям исполнительной власти распоряжение исполнять его указы, признанные КС неконституционными. Позже, в январе 1996 года, выступая в парламенте, президент выразил сомнение в необходимости существования такого государственного института, как КС.

В сентябре 1995 года президент своим указом приостановил деятельность независимого профсоюза, который участвовал в забастовке минского метрополитена в августе и частично отменил депутатский иммунитет депутатов Советов всех уровней.

В октябре 1995 года Александр Лукашенко упразднил районные советы народных депутатов в городах и распорядился создать в городах местные администрации.

После довыборов в Верховный Совет в ноябре-декабре 1995 года число избранных депутатов достигло 199. Относительное большинство в парламенте получила фракция сторонников президента «Згода» («Согласие») – 59 депутатов; фракция коммунистов – 47, аграрии – 44, национал-либеральная фракция «Гражданское действие» – 17, «Социал-демократический союз» – 15.

В январе 1996 года новый Верховный Совет Белоруссии смог приступить к работе. Его председателем 10 января был избран председатель Аграрной партии Семен Шарецкий (вышедший вместе с ним во второй тур кандидат ПКБ Сергей Калякин призвал своих сторонников голосовать за Шарецкого).

Референдум-1996

8 августа 1996 года Александр Лукашенко официально обратился в парламент с предложением провести еще один референдум о внесении изменений в Конституцию. Из обращения А.Лукашенко к гражданам накануне референдума: «Конституция 1994 года дает возможность политическим реваншистам и ставленникам крупных кланов, игнорируя волю народа, блокировать действия Президента по наведению порядка в стране».

31 августа 1996 года в газетах был опубликован предложенный Лукашенко вариант конституции. По нему Верховный Совет преобразовывался в Национальное собрание, состоящее из Палаты представителей и Совета Республики. Из парламентской республики Беларусь превращалась в республику с сильной президентской властью. Конституционный суд переходил под полный контроль президента. Президент получал право назначать генерального прокурора, председателей Верховного и Конституционного судов и Национального банка, половину членов Конституционного суда и Центризбиркома, треть членов Совета Республики - верхней палаты Национального собрания, а также распускать обе палаты парламента по различным основаниям (например, за выражение вотума недоверия правительству).

В августе 1996 года семь руководителей политических партий Беларуси приняли обращение к гражданам «Об общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране». Впервые в истории независимой Беларуси под одним документом поставили свои подписи первый секретарь ЦК партии коммунистов Беларуси Сергей Калякин и заместитель председателя Белорусского народного фронта Юрий Ходыко. Бывший председатель Верховного Совета Станислав Шушке-

вич и бывший глава МИДа Петр Кравченко предложили приступить к сбору подписей для начала процедуры объявления импичмента президенту.

В октябре 1996 года Лукашенко согласился с предложенной парламентом датой референдума. Между различными ветвями власти не утихали споры, какую юридическую силу должны иметь итоги референдума. 5 ноября Конституционный суд вынес решение о том, что референдум по конституции имеет только рекомендательный характер, так как, согласно действовавшей конституции, на имеющий силу закона референдум могли выноситься только поправки к конституции, а не проект целиком. Основываясь на этом вердикте, Верховный Совет Беларуси также постановил, что результаты референдума по конституционным вопросам не могут быть обязательными. Однако 7 ноября 1996 года Лукашенко издал Указ №457, в котором итоги будущего референдума, вопреки решению КС, признавались имеющими силу закона.

На референдум, проводившийся с 9 (начало досрочного голосования) по 24 ноября 1996 года, были вынесены семь вопросов (четыре – по инициативе президента, три – по инициативе Верховного Совета). Важнейшие из вопросов референдума – о принятии Конституции 1994 года в новой редакции, о праве частной собственности на землю, о перенесении дня независимости на 3 июля (день освобождения Беларуси от немецких войск в Великую Отечественную войну).

14 ноября 1996 года специальным указом президента снят со своего поста председатель Центризбиркома Виктор Гончар, а на его место назначена Лидия Ермошина (возглавляющая ЦИК по сей день). Мотивом послужили неоднократные заявления Гончара о том, что в связи с многочисленными нарушениями он не подпишет итоговые документы по результатам референдума. В частности, даже после начала голосования смета на проведение референдума все еще не была утверждена. Распространение бюллетеней по округам шло без участия ЦИК, который даже не знал, сколько их было изготовлено. Конституционный суд признал решение президента неконституционным, поскольку по Конституции глава ЦИК назначается

и отстраняется от должности Верховным Советом. Однако сотрудники управления охраны при президенте утром 15 ноября выдворили Гончара из здания Центризбиркома с применением физической силы. Оппозиция организовала значительные демонстрации, одна из которых закончилась серьезными столкновениями с милицией.

18 ноября 1996 года подал в отставку премьер-министр М.Чигирь (его обязанности стал исполнять Сергей Линг), а депутаты ВС собрали 76 подписей (при необходимых 72) под заявлением о возбуждении в Конституционном суде дела об импичменте президента.

22 ноября 1996 года при посредничестве российского премьера Виктора Черномырдина президент Беларуси, руководство ВС и Конституционный суд подписали компромиссное соглашение «Об общественно-политической ситуации и конституционной реформе в Республике Беларусь», по которому президент должен был отменить свои указы об обязательном характере референдума, а ВС – отозвать из КС материалы по импичменту. В течение 20 дней должно было быть созвано конституционное собрание (по 50 представителей от президента и парламента), чтобы в течение 3 месяцев доработать и принять Конституцию на основе проекта, получившего большинство на референдуме. Однако при ратификации соглашения в Верховном Совете пропрезидентская фракция «Згода» по указанию Лукашенко не приняла участия в голосовании и таким образом сорвала его. Это позволило президенту обвинить парламент в срыве компромиссных договоренностей.

Официальные результаты голосования по вопросам референдума 24 ноября 1996 года

– по вопросам, предложенным президентом:

1. За одобрение вопроса «Перенести День независимости Республики Беларусь (День Республики) на 3 июля – день освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой

Отечественной войне» проголосовали 5.450.830 человек, или 88,18%

против проголосовали 646.708 человек, или 10,46%

83.925 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными;

*

2. За принятие Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями (новая редакция Конституции Республики Беларусь), предложенными Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко проголосовали 5.175.664 человека, или 70,45%

против проголосовали 689.642 человека, или 9,39%

316.157 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными;

*

3. За одобрение вопроса «Выступаете ли Вы за свободную, без ограничений, покупку и продажу земли?» проголосовали 948.756 человек, или 15,35%

против проголосовали 5.123.386 человек, или 82,88%

109.321 бюллетень в части этого вопроса признаны недействительными;

*

4. За одобрение вопроса «Поддерживаете ли Вы отмену смертной казни в Республике Беларусь?» проголосовали 1.108.226 человек, или 17,93%

против проголосовали 4.972.535 человек, или 80,44%

100.702 бюллетеня в части этого вопроса признаны недействительными.

– по вопросам, предложенным депутатами:

5. За принятие Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, предложенными депутатами фракций коммунистов и аграриев проголосовали 582.437 человек, или 7,93%

против проголосовали 5.230.763 человека, или 71,2%

368.263 бюллетеня в части этого вопроса признаны недействительными;

*

6. За одобрение вопроса «Выступаете ли Вы за то, чтобы руководители местных органов исполнительной власти избирались непосредственно жителями соответствующей административно-территориальной единицы?» проголосовали 1.739.178 человек, или 28,14%

против проголосовали 4.421.866 человек, или 69,92%

120.419 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными;

*

7. За одобрение вопроса «Согласны ли Вы, что финансирование всех ветвей власти должно осуществляться гласно и только из государственного бюджета?» проголосовали 1.989.252 человека, или 32,18%

против проголосовали 4.070.261 человек, или 65,85%

121.950 бюллетеней в части этого вопроса признаны недействительными.

*

В списки граждан, которые имеют право участвовать в республиканском референдуме, были включены 7.346.397 человек, в голосовании на республиканском референдуме приняли участие 6.181.463 человек, или 84,14%.

По вопросам принятия Конституции Республики Беларусь результаты голосования даны исходя из количества граждан, которые внесены в списки для голосования, а по остальным вопросам – исходя из количества граждан, которые приняли участие в голосовании.

Значительная часть депутатов Верховного Совета не признала результатов проведенного референдума из-за многочисленных нарушений. В частности, более половины избирателей проголосовали досрочно.

Переформатирование парламента и несостоявшееся двоевластие

29 ноября 1996 года президент Лукашенко объявил о преобразовании Верховного Совета в Палату представителей Национального собрания. В неё согласилось войти 110 бывших депутатов ВС. Председателем Палаты представителей был избран член ЦК КПБ Анатолий Малофеев (бывший первый секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии – фактический глава Белорусской ССР в 1990 году).

В январе 1997 года была сформирована верхняя палата Национального собрания – Совет Республики из 56-ти представителей территорий (6 областей и города Минска) и восьми прямых назначенцев президента Лукашенко. Председателем Совета Республики был избран руководитель Гомельского областного исполнительного комитета Павел Шипук.

В январе 1997 году новым главой правительства был утвержден Сергей Линг, занимавший пост и.о. премьера с момента отставки М.Чигиря.

Около 80 депутатов ВС отказались признать реорганизацию парламента и продолжили заседания Верховного Совета.

Виктор Гончар

16 мая 1999 года созданный сторонниками оппозиции альтернативный избирком во главе с В.Гончаром пытался провести президентские выборы, но сам же признал их несостоявшимися. В выборах участвовали экс-премьер Михаил Чигирь и Зенон Позняк.

21 июля 1999 года депутаты ВС, не признавшие изменения Конституции, провозгласили спикера ВС XIII созыва Семена Шарецкого и.о. президента Республики Беларусь.

Его первый заместитель Виктор Гончар получил полномочия и.о. председателя ВС. 16 сентября 1999 года Гончар бесследно исчез, С.Шарецкий находится в эмиграции, в Вильнюсе (Литва).

4 декабря 1996 года председатель Конституционного суда Валерий Тихиня подал в отставку. В январе 1997 года был сформирован новый состав Конституционного суда, половина которого (6 судей из 12) назначается президентом, вторая половина – избирается Советом Республики.

По Конституции (как прежней, так и новой) президент избирается на пятилетний срок. В соответствии с официальной трактовкой, полномочия А.Лукашенко истекали лишь в ноябре 2001 года – через пять лет после принятия новой конституции. По отмененной Конституции 1994 года первый срок президентских полномочий А.Лукашенко истек 20 июля 1999 года.

В феврале 2000 года сменился премьер-министр: вместо Сергея Линга был назначен Владимир Ермошин.

Выборы-2000

15 и 29 октября 2000 года в два тура прошли выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва. Выборы бойкотировали Объединенная гражданская партия Беларуси (ОГПБ) Анатолия Лебедько, БНФ Винцука Вячорки, Консервативно-христианская партия Беларуси (КХПБ) З.Позняка и остальные оппозиционные партии, кроме «Яблока Беларуси» Ольги Абрамовой и ПКБ Сергея Калякина.

Из 97 избранных депутатов только двое представляли демократическую оппозицию – лидер «Яблока» О.Абрамова и бывший член ОГПБ (исключенный из партии за участие в выборах) Владимир Новосяд. Остальные мандаты получили сторонники президента – беспартийные, а также члены пропрезидентских партий – КПБ В.Чикина (5 мандатов), Аграрной партии Михаила Шиманского (5 мандатов), Республиканской партии труда и справедливости (2), Либерально-демократической партии

Сергея Гайдукевича (1), Социал-демократической партии «Народная згода» (1) и Социально-спортивной партии (1).

Председателем Палаты представителей НС второго созыва был избран Вадим Попов, Совета Республики – Александр Войтович (с июля 2003 года – Геннадий Новицкий).

Второй срок

18-20 мая 2001 года А.Лукашенко провел Второе Всебелорусское народное собрание, делегаты которого (2500 человек) выбирались методом двухступенчатого голосования от трудовых коллективов, учебных заведений, воинских частей и по месту жительства граждан. Собрание рассмотрело и одобрило основные положения программы социально-экономического развития республики на 2001-2005 годы.

9 сентября 2001 года состоялись вторые президентские выборы, в результате которых А.Г.Лукашенко был избран президентом Республики Беларусь на второй срок.

Оппозиция, стремясь привлечь на свою сторону центристский электорат, поддержала в качестве единого кандидата Владимира Гончарика, возглавлявшего белорусские профсоюзы с советских времен. КПБ поддержала кандидатуру действующего президента.

Согласно официальным данным, Лукашенко получил 75,65%, единый кандидат оппозиции Владимир Гончарик (председатель Федерации профсоюзов Беларуси) – 15,65%, либерал-демократ Сергей Гайдукевич – 2,48%. В голосовании приняло участие 83,86% граждан, имеющих право голоса. При этом 14,3% избирателей проголосовали досрочно.

В.Гончарик и наблюдатели ОБСЕ не признали результатов выборов. По версии Гончарика, А.Лукашенко, хотя и ненамного опередил его, но получил менее 50% и, следовательно, обязан был провести второй тур.

После избрания на новый срок президент Лукашенко назначил премьер-министром Геннадия Новицкого.

Выборы-2003/2004: полное поражение оппозиции

2 марта 2003 года состоялись выборы депутатов местных советов двадцать четвертого созыва (отсчет созывов ведется с незапамятных советских времен). В областные и Минский городской советы (всего – 415 мест) избраны 12 коммунистов (6 – от пролукашенковской КПБ, 4 – от оппозиционной ПКБ), 8 аграриев и один представитель Белорусской социально-спортивной партии. В советы районного, городского, поселкового и сельского уровня (всего – 23,5 тысячи мандатов) прошли 175 коммунистов (101 – КПБ, 74 – ПКБ), 31 аграрий, 8 кандидатов БНФ, 8 – Объединенной гражданской партии, 2 – Белорусской социал-демократической партии (Народная громада), 5 либерал-демократов, 3 кандидата Белорусской патриотической партии, 1 – Белорусской партии «Надзея», 1 – Белорусской партии труда. Таким образом, из 24.003 депутатских мест лишь 257 (1,1%) получили представители политических партий.

В июле 2003 года новым, шестым с 1990 года главой правительства страны стал Сергей Сидорский.

17 октября 2004 года состоялись очередные парламентские выборы, на которых были избраны 107 из 110 депутатов Палаты представителей. В нижнюю палату прошли 8 коммунистов (КПБ), 3 агрария, 1 либерал-демократ. Из кандидатов оппозиционной коалиции «Пять плюс» (участники – пять основных оппозиционных партий: Белорусский народный фронт, Объединенная гражданская партия, Партия коммунистов Беларуси, Белорусская Социал-демократическая громада, Белорусская партия труда) и Европейской коалиции «Свободная Беларусь» (участники – Белорусская социал-демократическая партия «Народная громада», Белорусская партия женщин и «Хартия-97») не был избран ни один депутат.

Председателем Палаты представителей НС третьего созыва избран Владимир Коноплев, Совета Республики – Геннадий Новицкий.

Референдум-2004

Одновременно с парламентскими выборами 17 октября 2004 года прошел референдум, на который был вынесен один вопрос:

Разрешаете ли Вы первому Президенту Республики Беларусь Лукашенко А.Г. участвовать в качестве кандидата в Президенты Республики Беларусь в выборах Президента и принимаете ли часть первую статьи 81 Конституции Республики Беларусь в следующей редакции:

«Президент избирается на пять лет непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»?

Согласно официальным данным, в списки для голосования было внесено 6.986.163 гражданина Республики Беларусь. Число граждан, получивших бюллетени для голосования, составило 6.315.825. В голосовании на референдуме приняло участие 6.307.395 граждан, что составляет 90,28% от числа граждан, внесенных в списки для голосования.

За принятие решения по вынесенному на референдум вопросу проголосовало 5.548.477 граждан, что составляет 79,42% от числа граждан, внесенных в списки для голосования.

Против одобрения вынесенного на референдум вопроса проголосовало 691.917 граждан, что составляет 9,90% от числа граждан, внесенных в списки для голосования.

Число бюллетеней, признанных недействительными, составило 67.001.

ЕС и США еще накануне проведения референдума высказали сомнение в том, что белорусские власти смогут обеспечить демократическое голосование. «Нечестные парламентские выборы и подтасованный референдум еще более изолируют Беларусь от ее соседей и друзей, таких, как Соединенные Штаты, и заставят нас пересмотреть наши отношения с руководством Беларуси», – было отмечено в заявлении Госдепа США. Exit poll (прямой опрос в день голосования), проведенный Baltijos Tugi-

mai/The Gallup Organization, показал, что только 48,1% избирателей ответили на предложение президента положительно.

Третий срок

Третье Всебелорусское народное собрание было создано президентом 2-3 марта 2006 года. А 19 марта 2006 года состоялись очередные президентские выборы, на которых в первом туре победил Лукашенко.

Первоначально об участии в президентских выборах заявили восемь кандидатов, но в процессе сбора подписей четверо (в том числе лидер Консервативно-христианской партии - БНФ Зенон Позняк) сняли кандидатуры из-за давления на активистов инициативных групп со стороны властей. С 14 по 18 марта проходило досрочное голосование по выборам президента в Беларуси. Этим правом воспользовались 31,3% избирателей. В Брестской области досрочно проголосовало 30,6% избирателей, в Витебской – 31,3%, в Гомельской – 32,9%, в Гродненской – 33,8%, в Минской – 32,2%, в Могилевской – 32,4%, в Минске – 27,1%. Большинство голосовавших досрочно – студенты и пенсионеры.

По данным Центризбиркома Республики Беларусь, Лукашенко получил 83%, Александр Милинкевич (единственный кандидат оппозиции, бывший заместитель председателя Гродненского горисполкома) – 6,1%, Сергей Гайдукевич (лидер Либерально-демократической партии) – 3,5%, Александр Козулин (лидер Социал-демократической партии «Громада», бывший ректор Белорусского госуниверситета) – 2,2%.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Беларусь – президентская республика. Президент избирается всеобщим голосованием сроком на пять лет. Законодательную власть осуществляет Национальное собрание Республики Беларусь, состоящее из двух палат – Палаты представителей (110 избираемых депутатов) и Совета Республики (депутаты избираются тайным голосованием на заседаниях местных советов

по 8 человек от области и от города Минска, 8 назначаются президентом). Контроль за конституционностью нормативных актов осуществляет Конституционный суд РБ, контролирующим органом является Комитет государственного контроля, который образуется президентом. Важную роль играет т.н. «Всебелорусское народное собрание», созываемое президентом для презентации основных направлений развития страны. Собрание состоит из государственных чиновников, руководителей крупных предприятий, деятелей культуры и науки. К настоящему времени прошло три «Народных собрания» (19 октября 1996 года – перед референдумом, в мае 2001 и в марте 2006 года – перед президентскими выборами).

За время пребывания у власти А.Лукашенко оформилась политическая модель, основанная на авторитарной власти президента, значительном государственном секторе экономики, проникновении государства во все сферы общественной жизни. Выступая на втором Всебелорусском собрании 18 мая 2001 года, президент так оценил пройденный путь:

«Мы впервые в истории белорусского народа создали независимое суверенное белорусское государство. Мы создали эффективную действующую систему государственного управления, то, что в народе называют – «вертикаль власти» ... Мы сохранили и укрепили структуры обеспечения национальной безопасности и обороноспособности страны. Мы уберегли страну от мафиозных кланов, не дали криминалу стать политической силой и прорваться во власть. В стране нет разрухи, коррупции, разбоя, беспорядка и беззакония. Мы остановили галопирующую инфляцию, сократили дефицит государственного бюджета. И это без всякой помощи извне... Мы закрепили и развили позитивные тенденции к устойчивому экономическому росту».

В опубликованной в июле 2006 года в газете «СБ – Беларусь сегодня» программной статье замглавы администрации президента Анатолий Рубинов указал на существование государственной идеологии как неотъемлемой части современной белорусской политической системы. «Сегодня для нас идеология – это не столько теоретические формулировки, взятые из учеб-

ника, сколько направление практического движения и развития нашего общества и государства. Это та совокупность представлений, которая порождается коренными интересами народа, воспринимается, аккумулируется, творчески перерабатывается и воплощается в жизнь руководством страны», – говорится в статье.

В стране уделяется огромное внимание состоянию силовых ведомств – министерства внутренних дел и комитета государственной безопасности. Так, заработная плата рядового сотрудника милиции более чем в два раза превышает среднюю заработную плату по стране.

Оппозиционные партии фактически лишены представительства в органах власти. В Палате представителей Национального собрания оппозиция не представлена, а во всех местных советах, вместе взятых, некоммунистическая оппозиция располагает менее чем двадцатью мандатами. Видные представители оппозиции неоднократно подвергались репрессиям, один из кандидатов в президенты Александр Козулин недавно осужден на пять с половиной лет тюрьмы. В настоящее время в Беларуси насчитывается девять международно признанных политзаключенных (Михаил Маринич, Валерий Левоневский, Александр Васильев, Юрий Бандажевский, Андрей Климов, Сергей Скребец, Микола Статкевич, Павел Северинец). За годы правления Лукашенко пропали без вести председатель Центризбиркома Виктор Гончар, бывший министр внутренних дел Юрий Захаренко, бизнесмен и общественный деятель Анатолий Красовский, оператор ОРТ Дмитрий Завадский.

На международном уровне политический режим в Беларуси подвергается серьезной критике как недемократический. Результаты последних президентских выборов не были признаны США и Европейским Союзом. 20 октября 2004 года президент США Джордж Буш подписал Акт о демократии в Беларуси, где, в частности, говорилось следующее: «В ноябре 1996 года Лукашенко организовал незаконный и неконституционный референдум, который дал ему возможность навязать новую конституцию, упразднить законно избранный парламент, Верховный

Совет 13-го созыва, назначить почти не обладающее властью Национальное Собрание, и продлить срок своего правления до 2001 года. ... Белорусские власти организовали массированное методичное подавление гражданского общества путем закрытия, притеснения и репрессий против общественных организаций и независимых профсоюзов ... белорусские власти активно подавляют свободу слова и выражения, в том числе проводя систематические репрессии в отношении независимых средств массовой информации».

Акт «приветствует демократическую оппозицию Беларуси за ее решение принять участие в парламентских выборах 2004 года единой коалицией, и за ее мужество перед лицом репрессий, осуществляемых режимом Лукашенко в Беларуси» и предполагает оказание финансовой помощи оппозиционным организациям, СМИ, поддержку альтернативного радиовещания на территорию Беларуси, а также предусматривает санкции против Беларуси, если её правительство не начнет демократических преобразований. В июле 2006 года в Конгресс внесен законопроект о продлении Акта о демократии в Беларуси.

Осенью 2004 года Европейский союз запретил въезд на территорию ЕС ряду белорусских чиновников. В настоящее время въезд в Европу запрещен, в частности, генеральному прокурору Петру Миклашевичу, руководителям администрации президента Геннадию Невыгласу, Анатолию Рубинову, Наталье Петкевич, Олегу Пролесковскому, министру информации Владимиру Русакевичу, главе КГБ Степану Сухоренко, секретарю БРСМ (Белорусский республиканский союз молодежи, официальная молодежная организация) и др.

Александр Григорьевич Лукашенко родился 30 августа 1954 года в городском поселке Копысь Оршанского района Витебской области (по другим данным - в деревне Александрия Шкловского района Могилевской области). Родители разошлись, отца не помнит, воспитывался матерью. Был вторым ребенком в семье (старший умер в двухлетнем возрасте).

Окончил исторический факультет Могилевского пединститута (1975), получив специальность «преподаватель истории и обществоведения», Белорусскую сельскохозяйственную академию (1985). Служил в пограничных войсках (1975 – 1977) и Вооруженных силах СССР (1980-1982). Был на комсомольской и советской работе в Могилеве (1977-1978 гг.), ответственным секретарем Шкловской районной организации общества «Знание» с 1978 по 1980 гг., заместителем председателя колхоза «Ударник», заместителем директора комбината строительных материалов, секретарем колхоза им.Ленина, директором совхоза «Городец» (1982-1990 гг.).

Был членом КПСС с 1979 года до приостановления ее деятельности в августе 1991 года.

В 1989 году баллотировался на выборах народных депутатов СССР, но проиграл во втором туре Вячеславу Кебичу с разницей в 1% голосов.

С 1990 года – народный депутат Верховного Совета БССР от Шкловского избирательного округа.

В апреле 1991 года, во время забастовок, вызванных повышением цен, предложил отправить в отставку премьер-министра Кебича.

В мае-августе 1991 года был одним из инициаторов создания фракции «Коммунисты за демократию». Председатель временной комиссии по изучению деятельности коммерческих структур, созданных при органах государственного правления (комиссия по борьбе с коррупцией, апрель 1993 – июль 1994).

В декабре 1991 года не голосовал за ратификацию Беловежских соглашений о роспуске СССР. Отсутствовал при голосовании, но обычно не возражает против утверждений, что он вообще голосовал против (в действительности единственным депутатом белорусского ВС, голосовавшим против ратификации, был Валерий Тихиня, впоследствии - председатель Конституционного суда).

В январе 1994 года на заседании Верховного Совета Александр Лукашенко обвинил председателя ВС Станислава Шуш-

кевича в том, что тот покрывает коррупционеров, а главу правительства Вячеслава Кебича назвал главой «промосковской мафии». Парламент проголосовал по вопросу о доверии премьер-министру и спикеру. В результате Шушкевич был снят «за личную нескромность».

В мае 1994 года баллотировался в президенты как независимый кандидат. Главными темами предвыборной кампании были борьба с коррупцией и необходимость тесных отношений с Россией. Лукашенко шутил, что после избрания президентом Беларуси в целях единства славянских народов выставит свою кандидатуру и на выборах президента России.

Во время избирательной компании сторонники Кебича предприняли ряд попыток скомпрометировать Лукашенко и членов его команды. В начале июня 1994 года на белорусско-латвийской границе были задержаны дорогостоящие агитационные материалы для проведения избирательной кампании Лукашенко, изготовленные в Германии. Однако 16 июня 1994 года прокуратура Белоруссии признала Лукашенко непричастным к печатанию в Германии своих портретов и предвыборных листовок. Заключение прокуратуры не позволило Центральной избирательной комиссии лишить Лукашенко регистрации. По белорусскому телевидению выступила стюардесса правительственного самолета, обвинившая кандидата Лукашенко в том, что он два года назад украл у нее китайский фен на пути из Пекина в Минск (ответ Лукашенко: «Зачем мне фен? Я лысый!»). В свою очередь, Лукашенко объявил, что 16 июня в Лиозновском районе Витебской области его автомобиль обстреляли неизвестные, но привлеченные противниками эксперты признали покушение «подстроенным».

В первом туре выборов 23 июня 1994 года Лукашенко набрал 44,82% голосов, более чем вдвое опередив ближайшего соперника, премьер-министра В.Кебича, получившего 17,32%. Перед вторым туром его поддержали сторонники кандидата А.Дубко (аграрии) и прокоммунистический Союз офицеров (в первом туре поддерживал кандидата В.Новикова).

Во втором туре 10 июля 1994 года набрал 80,2% голосов (у Кебича – 14,1%) при явке избирателей в 69,9% и был избран первым президентом Республики Беларусь.

В избирательную команду Лукашенко входили молодые юристы – депутат ВС, заместитель председателя Молодечненского горисполкома Виктор Гончар и председатель комиссии ВС по законодательству, член президиума ВС Дмитрий Булахов, бывший советник С.Шушкевича (в бытность его председателем ВС) по внешнеэкономическим вопросам. Виктор Гончар исчез в 1999 году. Булахов недавно назначен помощником президента РБ – полномочным представителем в Национальном собрании.

24 ноября 1996 года с многочисленными нарушениями провел референдум по новой конституции, которая дала ему неограниченную власть над страной. 9 сентября 2001 года был переизбран. 17 октября 2004 года провел референдум, позволивший ему избираться президентом на третий и последующий сроки. 19 марта 2006 года был переизбран. Подробнее см. выше, в разделе «Независимая Беларусь».

Сын Александра Лукашенко, двадцатидевятилетний Виктор, работает его советником по национальной безопасности.

Главнокомандующий Вооруженными силами республики, возглавляет Совет безопасности. Председатель Высшего Совета Союза Белоруссии и России (с 1997 г.).

Президент национального Олимпийского комитета Белоруссии (1997).

Последний диктатор Европы.

Степан Николаевич Сухоренко – председатель КГБ Республики Беларусь. Родился 27 января 1957 года в деревне Здудичи Светлогорского района Гомельской области. В 1980 году закончил Белорусский технологический институт им. С. М. Кирова, в 1985 году – Высшие курсы КГБ СССР, в 1996 году – Академию управления при президенте Республики Беларусь (заочно).

В органах государственной безопасности с 1984 года: курсант Высших курсов КГБ СССР, сотрудник, старший сотрудник УКГБ БССР по Минской области. В 1989 году назначается заместителем, а затем начальником Борисовского горотдела УКГБ БССР по Минской области (с 1992 года – УКГБ Республики Беларусь по г. Минску и Минской области).

В 1993-1994 годах – старший сотрудник, главный сотрудник инспекции КГБ Республики Беларусь. В ноябре 1994 года откомандирован в аппарат Совета Безопасности Республики Беларусь. В 1997-1998 годах – заместитель председателя КГБ Республики Беларусь. С августа 1998 года – начальник УКГБ Республики Беларусь по г. Минску и Минской области. 17 октября 2000 года назначен первым заместителем председателя КГБ Республики Беларусь.

В 2005 году назначен председателем КГБ Республики Беларусь.

В 2006 году Сухоренко запрещен въезд в США и страны Европейского союза.

Во время событий вокруг президентских выборов в марте 2006 года объявил о раскрытии заговора оппозиции, направленного на свержение президента.

Геннадий Николаевич Невыглас - глава администрации президента Республики Беларусь. Родился 11 февраля 1954 года в деревне Парохонск Пинского района Брестской области. В 1975 году с отличием окончил Московское высшее пограничное командное училище и в 1989 году – пограничный факультет Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского.

В 1975-1997 годах проходил службу в Восточном пограничном округе СССР и пограничных войсках Беларуси на должностях оперативного и командного состава. Руководил созданием специальных подразделений погранвойск Беларуси по борьбе с международной организованной преступностью.

В 1997-2000 годах занимал должность заместителя председателя Государственного комитета пограничных войск Беларуси.

В 2000-2001 годах был начальником службы безопасности президента. До назначения главой администрации президента Беларуси занимал должность государственного секретаря Совета безопасности Республики Беларусь. В январе 2006 года назначен главой администрации президента. Сменил на этой должности Виктора Шеймана, который стал главой избирательного штаба А.Лукашенко.

Виктор Владимирович Шейман – бывший глава администрации президента Республики Беларусь.

Родился в 1958 году в д. Солтанишки Вороновского района Гродненской области. Окончил высшее военное командное училище и Академию министерства внутренних дел Республики Беларусь. По специальности юрист.

С 1975 по 1992 гг. служил в Вооруженных силах, воевал в Афганистане.

Депутат Верховного Совета Беларуси (1990-1994), секретарь комиссии ВС по вопросам национальной безопасности, обороны и борьбы с преступностью. Во время первой президентской кампании А.Лукашенко отвечал за охрану кандидата.

С 1994 по 2000 гг. – государственный секретарь Совета безопасности, в последние годы совмещал этот пост с должностью министра внутренних дел. С 2000 года – генеральный прокурор РБ. 29 ноября 2004 назначен главой администрации президента, занимал этот пост до января 2006 года, когда возглавил избирательный штаб Лукашенко.

Считается одним из наиболее близких к президенту людей. С 2004 года – в списке чиновников Беларуси, которым запрещен въезд в ЕС и США.

СОЮЗ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Президенты Беларуси и России Александр Лукашенко и Борис Ельцин трижды подписывали договоры об интеграции двух

стран: 2 апреля 1996 года – о создании Сообщества Беларуси и России, 2 апреля 1997 года – о создании Союза Беларуси и России, 8 декабря 1999 года – о создании Союзного государства.

Высшим органом Союзного государства является Высший государственный совет, в состав которого входят главы государств, главы правительств, руководители палат парламентов государств-участников. Председателем Высшего государственного совета является глава одного из государств Союза (по ротации). Предусматривается создание Парламента Союзного государства, одна из палат которого будет избираться на прямых выборах гражданами двух стран. До избрания союзного парламента его функции выполняет Парламентское собрание Союза Беларуси и России, формируемое из депутатов национальных парламентов путем делегирования.

В правых кругах России неофициально обсуждалась идея пересаживания Бориса Ельцина в кресло президента Союзного государства по истечении второго срока его полномочий – с сохранением за ним фактической полноты власти. В левых кругах – идея выдвижения на такой пост Александра Лукашенко, который стабильно входит в первую десятку наиболее популярных политиков при опросах российских граждан.

С начала 2000-х процессы интеграции двух государств оказались в значительной мере заморожены. Александр Лукашенко в 2002 году отверг план интеграции, предложенный Владимиром Путиным (фактически предполагавший вхождение Беларуси в состав Российской Федерации). «Я уже неоднократно отмечал, что союз не может строиться на принципах, нарушающих суверенитет одной из держав. Он должен основываться исключительно на принципе равноправия» – заявил Лукашенко.

В последнее время крупный российский бизнес оказывает давление на Беларусь, добиваясь участия в приватизации предприятий. Так, в марте 2006 года глава ОАО «Газпром» Алексей Миллер заявил о повышении цен на поставки газа с 2007 года в Беларусь до европейского уровня. В качестве одного из возможных условий компенсации «Газпром» рассматривает передачу в его собственность «Белтрансгаза».

ЭКОНОМИКА

За годы правления А.Лукашенко в стране сложилась экономическая модель, характеризующаяся большой, в особенности по сравнению с другими постсоветскими странами, долей государственной собственности. Ограниченная приватизация в Беларуси не создала широкого слоя собственников и частных предприятий, не улучшила экономику предприятий, не дала дополнительных доходов в госбюджет. Наиболее прибыльные предприятия до сих пор фактически являются государственными.

Если до 1996 года приобретение предприятия трудовым коллективом и сторонними инвесторами еще было возможно, то после 1996 года государственная программа приватизации на несколько лет была заморожена, а список имущественных комплексов, не подлежащих приватизации, значительно расширен. После этого приватизация была заменена акционированием – процедурой, после которой предприятие формально становится акционерным обществом, однако государству принадлежит, как правило, контрольный пакет или 100% акций (случай «Белтрансгаза» или отдельных нефтехимических заводов).

По состоянию на 1 октября 2005 года государству принадлежали пакеты акций в 639 ОАО из 902 ОАО (71%), созданных в процессе реформирования республиканской собственности, причем только в 77 предприятиях (9%) эта доля составляла меньше 25%.

Введенный институт «золотой акции» позволяет государству контролировать любое предприятие. По оценкам экспертов Европейского банка реконструкции и развития, Беларусь (вместе с Туркменистаном) занимает последнее место среди постсоветских стран по прогрессу в области приватизации и реструктуризации. До сих пор не завершена малая приватизация: за 10 лет приватизировано около 70% предприятий коммунальной собственности. А большая приватизация, по сути, и не началась: в стране реформировано (акционировано) лишь 30% субъектов республиканской формы собственности.

Так, перечень предприятий, подлежащих акционированию, в 2005 году неоднократно сокращался. На 1 октября 2005 года в нем осталось 37 предприятий.

На 1 ноября 2005 года в Беларуси за время процесса приватизации реформировано 4.069 государственных предприятий, из них 1.065 объектов республиканской собственности и 3.004 – коммунальной.

В отраслевом разрезе реформировано 535 промышленных предприятий (38% от общего количества предприятий госсобственности этой отрасли). Процедура разгосударствления проведена также в 290 строительных организациях (31%), на 1.511 объектах торговли и общественного питания (73%), на 759 предприятиях АПК (45%), в 974 организациях других отраслей народного хозяйства. Согласно недавнему заявлению председателя правительства РБ С.Сидорского, 16% предприятий в республике являются убыточными. По данным министерства статистики и анализа РБ, наибольшее количество убыточных предприятий фиксируется в промышленности (24,3%), торговле и общественном питании (20%), жилищно-коммунальном хозяйстве (28%).

Рост ВВП Беларуси в 2005 году составил 11%. В основном рост обеспечивался за счет машиностроения, металлообработки, черной металлургии, химической, нефтехимической и пищевой промышленности. В то же время продолжается спад в электроэнергетике, что объясняется ростом импорта из России (в настоящее время белорусская электроэнергия остается существенно дороже российской). В 2006 году Международный валютный фонд прогнозирует рост ВВП на 5,5%, в 2007 – на 4,0%.

2005 год стал годом завершения пятилетки (это явление, забытое с советского времени, фактически возродилось в Беларуси и совпало с очередным президентским сроком Александра Лукашенко). Пятилетка начиналась с проблем, связанных с предвыборной популистской политикой 2000-2001 гг., но последние 2,5 года прошли под знаком ускорения роста основ-

ных макроэкономических показателей. 2-3 марта 2006 года Всебелорусское народное собрание одобрило план следующей пятилетки, программу социально-экономического развития 2006-2010 гг.

В 2005 году Всемирный банк впервые подготовил Экономический меморандум, а МВФ – отчет по стране, посвященный анализу фактов роста ВВП, в котором попытался объяснить, почему темпы роста в Беларуси фактически всегда оказывались выше прогнозов Фонда. В документах ВБ и МВФ было отмечено, что без проведения структурных экономических реформ страну ожидает стагнация.

Внешний долг Беларуси на начало 2005 года составлял около \$800 миллионов. В 2004 году Беларусь получила зарубежные кредиты на сумму около \$180 миллионов, из которых \$175 миллионов составил кредит России, выделенный в связи с повышением цены на российский газ.

1 февраля 2005 года Беларусь объявила о полном погашении задолженности перед Международным валютным фондом (общая сумма кредитов – 290 миллионов долларов), который полностью прекратил кредитование страны с 1998 года из-за невыполнения правительством условий по реформированию экономики.

Количество безработных в республике продолжает увеличиваться, прежде всего, за счет увольнений на государственных предприятиях и отсутствия роста числа рабочих мест в частном секторе. Официальные данные по безработице (1,5% в 2005 году) значительно занижены. В настоящее время готовится проект нового закона о занятости, в котором будут ужесточены критерии, согласно которым человек будет признаваться безработным.

Официально средняя заработная плата в стране составляет 260 долларов (согласно социально-экономической концепции правительства РБ к концу 2006 года должна возрасти до 300 долларов). Реальная покупательная способность населения, несмотря на рост заработной платы, практически не растет из-за инфляции. По некоторым оценкам, темпы роста потребитель-

ских цен в первом полугодии 2006 года составили около 10%.

Официальные данные о состоянии экономики можно посмотреть на официальном сайте Минстатистики Республики Беларусь http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/svodn_2000-2005.htm.

Меморандум Всемирного Банка 2005 года находится по адресу <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTRUSSIANHOME/EXTRUSSIANCOUNTRIES/ECAINRUSSIANEXT/BELARUSINRUSSIANEXTN/0,,contentMDK:20729419~pagePK:141137~piPK:141127~theSitePK:446752,00.html>

Литература о современной Беларуси:

Александр Федута. Лукашенко: Политическая биография. – М., 2005

Павел Шеремет. Случайный президент (Политический портрет). – СПб., 2004

Юрий Шевцов. Объединенная нация. Феномен Беларуси. – М., 2005

Кто есть кто в Беларуси-99. Биографический справочник. – М., 1999

В.Матикевич. Нашествие. Неизвестная история известного президента. – М., Яуза, 2003

Галина Дракохруст, Юрий Дракохруст, Дмитрий Фурман. Трансформация партийной системы в Беларуси. В: Белоруссия и Россия: общества и государства. – М., 1998

ХРОНИКА

2 - 25 марта 2006 года

2 марта 2006 года

На площади Свободы в Минске прошла встреча с избирателями единого кандидата на пост президента Беларуси от демократических сил Александра Милинкевича. По оценкам, на площадь пришло около 10 тысяч человек. В город были стянуты несколько подразделений сотрудников внутренних войск, ОМОНа и СОБРа.

Милинкевич призвал граждан выйти 19 марта в 20.00 на Октябрьскую площадь Минска, чтобы подвести в этот день итоги президентских выборов. Единый кандидат снял с себя синий шарф и сообщил: «Синий – наш цвет!» Кроме Милинкевича, на площади находился еще один кандидат в президенты, экс-ректор БГУ Александр Козулин.

4 марта 2006 года

Координатор молодежного сопротивления «Зубр» Олег Метелица приговорен к 15 суткам ареста по ложному обвинению в мелком хулиганстве.¹

6 марта 2006 года

Кандидат в президенты Беларуси Александр Козулин на пресс-конференции в Киеве призвал сторонников перемен выйти 19 марта, в 20.00 на улицы Минска: «Если у Лукашенко не хватит мужества и благоразумия уйти самому, уважаемые избиратели, я призываю вас помочь ему 19 марта. Народ Беларуси самостоятельно, без внешнего воздействия, способен от-

¹ Аресты и задержания в период избирательной кампании были слишком многочисленными, чтобы их можно было отразить в хронике. По данным международной миссии ОБСЕ по наблюдению за выборами, на 18 марта из 30 доверенных лиц кандидата Милинкевича 8 находились под стражей или отбывали срок административного заключения. Под арестом, по тем же данным, находились не менее 100 активистов кампании Милинкевича и не менее 80 активистов кампании Козулина.

править на свалку истории последнюю диктатуру в Европе... 19 марта – день Совести и Чести. Это день выбора, День защиты родного Отечества».

Символом оппозиции в Беларуси становятся ленточки из джинсовой ткани и джинсовая одежда.

7 марта 2006 года

Доверенное лицо Александра Милинкевича, лидер Объединенной гражданской партии Анатолий Лебедько приговорен судом Ленинского района Могилева к штрафу в размере 50 базовых величин (1 миллион 550 тысяч белорусских рублей). Его обвинили в участии в несанкционированном собрании и неподчинении требованиям сотрудников милиции. Руководителя Могилевского областного избирательного штаба Александра Милинкевича Владимира Шанцева суд приговорил к 15 суткам ареста по обвинению в проведении несанкционированного мероприятия.

8 марта 2006 года

В Минске арестован Винцук Вячорка – доверенное лицо Александра Милинкевича, лидер Партии БНФ. Также арестованы активисты штаба Милинкевича, их обвиняют в организации «несанкционированного мероприятия». Алексей Шидловский, один из координаторов «Зубра», задержан за распространение печатной продукции.

9 марта 2006 года

В Калинковичах (Гомельская область) арестованы член Объединенной гражданской партии Алексей Маневич и активист Партии БНФ Денис Рабинок.

10 марта 2006 года

В Минске арестованы активисты «Зубра» Алексей Левкович, Павел Юхневич и Максим Винярский.

12 марта 2006 года

На встрече с избирателями в Минске Александр Милинкевич вновь призвал граждан «выйти 19 марта в 20.00 на Октябрьскую площадь и защитить это наше желание свободы и перемен». После завершения встречи было задержано 20 человек, в том числе граждане Украины – журналисты телекомпании «5 канал», а также представители политических партий и общественных объединений Украины.

17 марта 2006 года

Два кандидата в президенты Беларуси, лидер демократических сил Александр Милинкевич и бывший ректор Белгосуниверситета Александр Козулин провели первую совместную встречу с избирателями Минска. Они заявили, что 19 марта в 20.00 выйдут на Октябрьскую площадь Минска вместе со своими семьями, чтобы подвести реальные итоги президентских выборов.

Александр Милинкевич и Александр Козулин подписали совместные заявления: о недоверии и роспуске Центральной комиссии Республики Беларусь по проведению выборов и референдумов, открытое обращение к силовым структурам, руководству министерств и судебной системы Республики Беларусь о недопущении силовых мер 19 марта, а также требование немедленно освободить всех политических заключенных и задержанных активистов штабов кандидатов.

18 марта 2006 года

Активисты «Зубра», «Маладога Фронта» и других молодежных организаций раздают в разных районах Минска газеты с призывом приходиться вечером 19 марта на Октябрьскую площадь Минска. Такую же агитацию проводят независимые СМИ.

19 марта 2006 года

День выборов президента Республики Беларусь

Представители ЦИК Беларуси заявили днем, что с учетом пяти дней досрочного голосования по республике Беларусь уже проголосовало 39,9% избирателей.

Приблизительно с 19.00 на Октябрьскую площадь начали собираться люди. Перекрыта ближайшая станция метро «Октябрьская». К 20.00 на площади было около 3 тысяч граждан. В 22.00 на площади и прилегающих улицах собралось около 20 тысяч человек. К 22.00 на площадь прибыли Александр Милинкевич и Александр Козулин. После выступления у Дворца профсоюзов лидеры оппозиции во главе колонны митингующих направились по проспекту Независимости (пр. Скорины) в сторону пл. Победы. Александр Милинкевич призвал людей выйти на следующий день, 20 марта в 18.30 на Октябрьскую площадь Минска.

20 марта 2006 года

Около 18.00 люди начали собираться на площади. Около 19.00 на площадь прибыл Александр Милинкевич, чуть позже – Александр Козулин. После выступлений деятелей оппозиции участники митинга проголосовали за принятие Декларации народа Республики Беларусь, в которой потребовали признать президентские выборы 19 марта недействительными; признать основным виновником срыва свободных и демократических выборов Александра Лукашенко; признать, что Центризбирком Беларуси несёт полную ответственность за фальсификацию результатов выборов; назначить проведение повторных выборов на 16 июля 2006 года. Около 20.30 Александр Милинкевич заявил, что люди будут стоять на площади до победы. Он призвал митингующих звонить своим родным, близким и друзьям, чтобы они несли на площадь теплые вещи и горячий чай. Участники митинга установили 10 палаток, затем их количество увеличилось. Были задержаны лидер ОГП Анатолий Лебедько и его заместитель Александр Добровольский (10 суток). Сотрудники милиции задерживают всех идущих на площадь и досматривают их вещи.

21 марта 2006 года

На площади установлено около 20 палаток. Во время акций протеста 20-21 марта представители силовых структур Бела-

руси задержали более 100 человек, задержанные доставлены в спецприемник-распределитель на улице Окрестина. К вечеру на площади установлено 25 палаток, поступает информация о том, что ночью силовики планируют снести палаточный городок. Александр Милинкевич заявил, что будет находиться с людьми в палаточном городке до утра.

22 марта 2006 года

Александр Милинкевич объявил о проведении 25 марта в Минске массовой акции против фальсификаций результатов президентских выборов.

В минских судах проходят процессы над участниками акции протеста на Октябрьской площади и сочувствующими. Люди, принимавшие участие в акции или пытавшиеся передать на площадь продукты, получают в основном по 10 суток ареста. Около 10 часов вечера Александр Милинкевич покинул площадь, сообщив, что вернется через несколько часов.

23 марта 2006 года

В приёмнике-распределителе на ул. Окрестина отказываются принимать людей, задержанных в районе Октябрьской площади, так как там уже нет свободных мест. Задержанных увозят в сторону поселка Новинки. Рано утром на площадь прибыл Александр Милинкевич с супругой. В Минске при выходе из дома был жестоко избит Виктор Корниенко, заместитель руководителя штаба Александра Милинкевича. Количество палаток на Октябрьской площади выросло до 35.

Центральная избирательная комиссия Беларуси отклонила жалобу экс-кандидата в президенты Александра Козулина и общественного объединения «Белорусский республиканский клуб избирателей» о признании выборов президента в целом по республике недействительными.

Центризбирком Беларуси официально объявил Александра Лукашенко вновь избранным президентом страны. Продолжаются массовые аресты участников акции и людей, заподозренных в намерении принять участие в митинге на Октябрьской

площади или передать митингующим продукты и вещи. Число политзаключенных, по некоторым оценкам, достигло 400 человек.

24 марта 2006 года

Около трех часов утра сотрудники ОМОНа и милиции оцепили Октябрьскую площадь, вывели за оцепление журналистов, а затем погрузили всех людей, которые ночью были в палаточном городке, в автозаки и в автобусы, и увезли их в неизвестном направлении. Было задержано более 320 человек, в том числе бывший посол Польши в Беларуси Мариуш Машкевич.

В этот же день рано утром начались закрытые суды над задержанными. Сорок пять несовершеннолетних жителей палаточного городка были отпущены на волю. Люди, пришедшие вечером на место разгромленного палаточного городка с цветами, были вытеснены с площади сотрудниками ОМОНа под угрозой ареста.

25 марта 2006 года

В Минске прошла акция «День Воли». В 12 часов дня люди начали выходить на Октябрьскую площадь с цветами и флагами. Площадь была занята снегоуборочной техникой и оцеплена сотрудниками милиции и ОМОНа, проход на проспекте Скорины (Независимости) перегорожен. На проспекте Скорины и улице Ленина собралось около 5 тысяч человек, участники акции перекрыли движение на ул. Ленина. После того, как к площади были стянуты дополнительные силы милиции и ОМОНа, митингующих вытеснили с площади и прилегающих улиц с применением грубой силы.

Митинг переместился в сквер Янки Купалы, где Александр Милинкевич объявил о создании Народно-Освободительного Движения, которое будет бороться за свободу и справедливость и объединит все демократические силы Беларуси. В митинге принимало участие около 10 тысяч человек. После окончания митинга колонна двинулась в сторону ул.Окрестина, туда же направились автобусы с сотрудниками ОМОНа. Акция была

разогнана, проведены массовые аресты участников. При задержании людей жестоко избивали, применялись дымовые шашки и слезоточивый газ.

Послесловие

По данным, опубликованным правозащитными организациями, за участие в мирных акциях протеста против фальсификации итогов президентских выборов было осуждено около 500 человек, в том числе и иностранные граждане. Большинство из них получило 10 или 15 суток ареста.

Александр Козулин был арестован 25 марта, во время разгона демонстрации. Против него возбудили уголовное дело «по факту беспорядков, которые произошли 25 марта в центре Минска». 13 июля 2006 года экс-кандидат в президенты Белоруссии, лидер Белорусской социал-демократической партии «Грамада» Александр Козулин был приговорен судом к пяти с половиной годам лишения свободы в колонии общего режима.

Активисты гражданской инициативы по наблюдению за выборами «Партнерство» были задержаны 21 февраля 2006 года по обвинению в организации работы незарегистрированной гражданской организации. Председатель комитета государственной безопасности Беларуси Степан Сухоренко заявил 1 марта, что КГБ стало известно о готовящемся силовом захвате власти в Беларуси 19-20 марта, причем одну из ключевых ролей в этом сценарии, по мнению Сухоренко, должно было исполнить именно «Партнерство».

В начале августа 2006 года активисты «Партнерства» были приговорены: Николай Астрейко - к двум годам лишения свободы в колонии общего режима, Тимофей Дранчук - к одному году колонии общего режима, Александр Шалайко и Эмира Броницкая - к 6 месяцам лишения свободы.

МАРТОВСКИЕ ДНЕВНИКИ²

ДАШИ КОСТЕНКО

03. 03.06

Возможно, когда-нибудь нас будут убеждать, что всё было не так... Память тоже можно стирать и переписывать, как и книги, газеты и документы. Черновик...

Может быть, эти файлы помогут тогда мне или кому-нибудь вспомнить, как всё было на самом деле. Если кто-то осмелится вспоминать, если кому-то это будет нужно. Я верю, что будет. Поэтому буду записывать все, что увижу и услышу. В эпоху информационных войн еще больше, чем тысячу лет назад, нужны анонимные летописцы.

Зовите меня просто Дана.

Я – маленький человек. Фродо Бэггинс в архетипе. Не боец, не агитатор, не горлан, не главарь. Мне очень страшно. Но я буду делать то, что считаю своим долгом. Иначе это уже буду не я, а нечто отвратное, трусливое и безразличное в моей шкуре. Взять кафкианскую «Муху» и вывернуть наоборот. Там у человека, превратившегося в чудище, сохранялось человеческое сознание. Здесь все было бы наоборот. В моем теле поселилась бы убогая тварь, а я как личность просто умерла бы. Спорный вопрос, что страшнее.

Вчера я второй раз в жизни ходила на политический митинг. Это была встреча Александра Милинкевича с минскими избирателями. Вроде бы мирная штука – но ощущения, надо сказать, как будто находишься в оккупированном городе. Прекрасно помню 1994 год, избирательную кампанию Лукашенко.

² Первый публикатор «Мартовских дневников» – Наталья Буландо, ЖЖ-юзер bullochka. В начале марта она попросила Дашу Костенко описать впечатления с митинга единого демократического кандидата Александра Милинкевича. Так начались «Мартовские дневники». Текст воспроизводится по варианту, опубликованному в блоге Н.Буландо (<http://bullochka.livejournal.com/2006/03/> – начиная с записи за 9 марта) с сохранением ремарок bullochka и оригинальной разбивки на части.

Об авторе «Мартовских дневников»

Дарья Васильевна Костенко родилась 26 мая 1981 года.

Закончила журфак Белорусского государственного университета

Дипломную работу писала на тему: «Манипуляция сознанием в политическом дискурсе», по материалам государственных и негосударственных СМИ. Хотела поступить в аспирантуру, но ей сказали, что с такой темой в Беларуси защититься невозможно.

Сейчас получает второе высшее образование – политологическое.

Работает редактором в научно-методическом журнале и в Центре внешкольной работы, ведет клуб интеллектуальных игр.

Играет в команде-чемпионе Минска по интеллектуальным играм. Была членом сборной Беларуси в Кубке Наций по интеллектуальным играм в Баку (2005).

Когда она на площадях собирал огромные толпы избирателей, никто и не пробовал препятствовать им, оцеплять площади или разгонять людей дубинками. При всем негативном отношении тогдашней власти – таких слов, как «несанкционированное шествие», тогда и слыхом не слыхивали.

Зато вчера... вчера было очень страшно.

В принципе, я еще 28 февраля увидела на подъезде листовку – «Милинкевич приглашает на Площадь Свободы» – и решила сходить. Второго марта спокойно работала в офисе, особо не волновалась – ну встреча и встреча. После обеда позвонил Пашка и очень странным голосом (никогда у него такого не слышала) сказал, что Александр Козулин пытался пройти оцепление, чтобы выступить на так называемом III Всебелорусском народном сходе. Народный сход охраняли от народа довольно-таки рьяно. Кандидата в президенты, уже немолодого интеллигента, бывшего ректора вуза, за попытку обратиться к людям избили трое спецназовцев. Среди них – небезызвестный командир СОБРа Дмитрий Павличенко, которого считают причастным к исчезновению Захаренко, Гончара и Красовского. После избиения Козулина затолкали в машину и увезли в милицию. У журналистов, которые снимали сие действо, попытались отобрать пленку. Те бросились бежать, вскочили в машину, и кто-то из охраны выстрелил им в лобовое стекло и по колесам.

Вот тут-то у меня и щелкнул спусковой крючок страха. Первой мыслью было: если так поступили с известным человеком, кандидатом в президенты, – значит, чувствуют, что им можно абсолютно ВСЁ. Значит, так запросто могут и с нами всеми. Избить, поломать ребра, скрутить, расстрелять.

Но страх ничего не меняет в общей расстановке принципов. Он как бы существует отдельно. Естественно, я тут же предложила Пашке идти на встречу вместе. К этому времени я уже знала: Мингорисполком не дал разрешения на эту встречу, она будет, как это говорится на новомодном жаргоне, несанкционированным митингом.

В таких случаях срабатывает «эффект задницы». Я так называю то состояние ярости и безразличия к возможным последствиям, когда ужасно хочется и непременно нужно для душевного здоровья встать и заявить: «Да пошли вы все в задницу!»

И в такие моменты ты обретаешь полнейшую духовную цельность и экзистенциальное тождество с собой.

Мысленно я такое сказала, и полегчало. Однако, если честно, оставшиеся пару часов трусила я ужасно и представляла много неприятных вещей, типа отбитых почек, свороченного носа и пр. Работалось плохо, что естественно. В голове была какая-то гулкая пустота.

В 18.10 мы были на Площади Свободы, у Старой ратуши.

Еще на подходе – мы поднимались туда от станции метро «Немига» – бросилось в глаза оцепление. Все пространство перед Троицким собором и некоторые боковые улочки были обнесены желтой лентой с надписью «Проход запрещен. Милиция...» и что-то там такое. За лентой стояли милиционеры в форме и люди в штатском.

Да, КГБ, небось, вывело тогда в поле добрую половину своего полевого состава в Минске! Эти «добровольные помощники» напугали меня куда больше, чем люди в форме. С теми, по крайней мере, всё ясно. Работа такая у них, и нанимались они совсем не лупцевать мирных граждан, а бороться с преступниками. Да и лица у них были какие-то... более интеллигентные и вменяемые, что ли.

Совсем другое дело – эти, черные. Почему-то все они были либо в черном, либо в землисто-сером. Плечистые звероватые молодые парни или крепкие молчаливые мужики с невыразительными, будто бы стертыми лицами. Черные пуховики и куртки, черные вязаные шапочки, как у чеченских боевиков или русских бандитов. Абсолютно каменные скулы, глаза пустые, а в лицах что-то... безжалостное и совершенно невменяемое. У меня на такие штуки чутьё, недаром выросла в рабочем квартале, где нет-нет да и калечили кого-нибудь, а то и били до смерти. Так вот, ТАКИХ я бы обошла у себя в квартале десятой дорогой от греха подальше. Знакомый типаж.

Нас разделяли только хлипкие ленточки. Они стояли молча, неподвижно, и рассматривали всех, кто шел на Площадь Свободы.

На площади уже собралось тысячи три народу, не считая тех, кто пытался пройти из боковых улиц или остался за оцеплени-

ем. Покричали «Жыве Беларусь!» и «Милинкевич». Мы с Пашей крутились в толпе, пытаясь найти знакомых и разобраться, где Милинкевич и что делать. Потом кто-то сказал, что надо идти через мост на проспект Машерова, и вся эта толпа потекла.

Шли очень медленно и организованно. Изредка доносились мегафонные вопли «Уважаемые граждане! Расходитесь!». Ага, сейчас!

Принцип задницы...

Я смогла как следует разглядеть тех, кто шагал со мной плечо к плечу. Лица, в основном, интеллигентные. Много людей возрастом явно за тридцать, даже пожилых. Ложь, что в таких митингах участвует в основном молодежь. Я своими глазами видела маленькую бабушку с палочкой, которая бодро шибовала вместе с толпой. Её пытались уговорить отойти в сторону. «Бабушка, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?» – спрашивал чуть ли не каждый второй. Она только улыбалась и тихо говорила: «Я с вами, сыночки».

Оружия или хотя бы палок я не видела ни у кого. Только у одного бородатого дядьки была телескопическая удочка, которую он раздвинул и привесил к концу её джинсовое полотнище.

Были, конечно, среди толпы такие кряжистые мужики в возрасте, которые держались друг друга, осаживали молодых. «Держитесь все вместе, кучкой», – заботливо сказал один из них молодым пацанам». «А можно и нам в вашу кучку?» – спросила я. И человек, идущий рядом, сказал с улыбкой: «Конечно!»

Однако больше было совсем небоевого народу – молодых девчонок, каких-то совсем мелких пацанов, женщин, патлатых и очкастых интеллигентов разного возраста.

На проспекте Машерова, рядом с Домом физкультуры нам перегородила дорогу цепочка ОМОНовцев. Мы с Пашкой были не в самых первых рядах, но довольно близко. Я их хорошо рассмотрела.

Солдаты оцепления были в темной форме, в шлемах с закрытыми лицами, со щитами и дубинками. Причем щиты были совсем не закругленные пластиковые, а металлические, с до-

вольно острыми на вид краями. Долбанет таким в лицо – и как минимум на всю жизнь останется шрам.

Сначала в них полетели снежки, потом это быстро прекратилось. Мы стояли рядом с ними, лицо в лицо.

Народ начал орать: «По-зор! По-зор!». А потом по-белорусски: «Гань-ба!». А что еще можно было делать?

Средневековый рыцарь мог в одиночку разогнать человек двадцать вооруженных крестьян. Поскольку был профессиональным воином, с детства тренированной машиной уничтожения. Но при этом у крестьян были хоть какие-то шансы долбануть его по башке цепом и стянуть с коня. У нас же не было ни-че-го!

Они стояли стеной, как рыцари на групповых боях – бугуртах. Но на историческом фестивале, когда рыцари идут стенка на стенку, перед этим устроители строго проверяют, прочна ли броня, хороши ли мечи у бойцов, т.е. равны ли шансы. Здесь же мы были просто безоружны, беззащитны перед тренированными убийцами, с головы до ног в защите и броне.

Жутко неприятное ощущение. Очень не хватало на нашей стороне этакой закованной в железо «свиньи»: клина рыцарей в тяжелых латах, который может прошибить такую стенку или хотя бы сражаться на равных.

Мы стояли и ждали. Кто-то показал мне огромную искусственную розу, плывущую над толпой, и сказал, что где-то там идет Милинкевич.

Роза свернула направо, к заднему крыльцу Дома Физкультуры, и толпа пошла вслед за ней, вдоль щитов.

Когда спецназовцы из оцепления поняли, что мы проходим мимо и не кидаемся в драку, они начали колотить дубинками по щитам и орать что-то вроде: «Ну! Идите сюда! Козлы!» Но никто не реагировал.

Милинкевич, окруженный кучкой людей, встал на крыльце. Мы сгрудились вокруг. По рукам передали мегафон. Сначала речь держал Калякин. Говорил горячо, но довольно общими словами: о лжи официальных властей и СМИ, о несправедли-

ности, о контрактной системе, преследованиях инакомыслящих. Честно говоря, не впечатлило. Уж больно общо.

Потом говорил Милинкевич. В принципе, о том же плюс тезисы из программы. Как-то я к этому моменту то ли устала, то ли начала отвлекаться на окружающих. Помню только, как дрожал и срывался его голос. Явно человек не привык выступать с мегафоном, на морозе и ветре, перед большим количеством людей. А еще лицо показалось мне издалека усталым, как будто ему на плечи легла какая-то очень большая ноша или ответственность, и отступать уже некуда.

В процессе сих речей мы надували голубые шарики и отпускали летать над толпой, садиться на плечи и головы и снова подпрыгивать от гулкого удара ладонью.

Какой-то парень бродил в толпе и раздавал джинсовые ленточки. Он повязал нам с Пашкой ленточки чуть выше локтя и попросил меня, чтоб я ему повязала тоже. В этом было что-то от рыцарских времен.

Потом я начала оглядываться, чтобы понять, сколько же нас собралось у метро «Немига». «Вот бы подняться повыше и увидеть, сколько нас», – сказала я. И тут же незнакомый парень сзади подхватил меня и приподнял над толпой. Количество прикинуть я не смогла. Зато увидела, как из-за Кафедрального собора идеально ровной змейкой, как роботы-тараканы, выбегают омоновцы. Почему-то меня больше всего напугала эта механистичность и бесцельность. Все в одинаковой черной форме, с круглыми головами-шлемами, на идеально одинаковом расстоянии друг от друга. В толпе испуганно вскрикнула какая-то девчонка, пробежал шепот: «Смотрите, как их много!».

Вскоре после этого Милинкевич досказал речь и попросил нас разойтись, не вступая в «полемику» с милицией: «Ведь у нас мирное собрание».

Когда он сходил с крыльца, вокруг него люди взялись за руки и ввели, закрывая своими телами, до автомобиля.

К счастью, всё обошлось без драки. Толпа тут же принялась рассасываться. Однако те, черные, все прибежали, бежали

строем, страшно и бессмысленно, потом непонятно для чего развернулись и побежали к Свислочи.

Я наблюдала за этим с моста, когда два милиционера подошли, взяли меня за локти и потребовали «не мешать проходу граждан». Граждан на пешеходной дорожке в этот момент на расстоянии метров эдак десяти видно не было. Ну ладно, хоть в кутузку не упрятали за наблюдение за нашим доблестным спецназом. Настаивать на своём праве постоять я не стала. На том и разошлись.

Я перечитываю книги. Вышел срок.

Перечитываю любимые книги.

Они так дружески глядят на меня с полки –

Крапивин, Толкиен, Короткевич,

Раткевич, Льюис и Герман Гессе.

Книги – мой дом, мой уют и мои друзья.

Мой валидол и тихий свет в зимней ночи.

Очень скоро

Я в ней затеряюсь. Там, куда книги не возьмёшь.

Но вы и там останетесь со мной.

По слову, по слезинке на странице

Я унесу вас с собою в сердце.

Прощайте.

Я перечитываю книги.

04.03.06

Интересные порой доходят слухи. Говорят, что Олега Улеви-ча, журналиста «Комсомольской правды», при попытке пройти сквозь оцепление на встречу с Милинкевичем страшно избили люди в штатском. Сломали нос, пробили череп. Олега увезли в больницу и тут же прооперировали.

Услышать такое тем страшней, когда ты хоть чуть-чуть, хоть краем был знаком с человеком. Когда-то, курсе на втором, я ту-

совалась в редакции «Комсомолки». Видела и Олега, хотя он вряд ли меня помнит.

Да, когда-то в нашем городе на встрече с кандидатом Лукашенко никто и не думал оцеплять площадь и избивать избирателей. Помню, тогда я впервые в жизни сходила на политический митинг. Сопливая восторженная девчонка, я от того Лукашенко, двенадцатилетней давности, просто балдела. И не удивительно. Весь наш маленький провинциальный городок был в поголовном восторге от нового «батьки». Плюс мощное действие семейного воспитания. Я выросла на рассказах Пиккуля и Сергея Алексеева о славе русского оружия. Славянское братство – это для меня был совсем не пустой звук. Достаточно ли сказать, что через пару лет, во время войны в Югославии, я всерьез собиралась пробираться на помощь братьям-славянам, уповая на свои стрелковые умения?

Очень долго после выборов я политикой особенно не интересовалась. В целом, меня всё устраивало. Я даже была членом БРСМ – у нас тогда они практически не занимались идеологией. Организовывали КВНы и турпоходы, дискотеки и вечера отдыха. В общем, сей период можно озаглавить «мир на земле и во человецех». Информации было мало, семья моя была целиком и полностью за Лукашенко.

Еще на первом курсе университета я, помню, хотела вступить в БПСМ [БПСМ – Белорусский патриотический союз молодежи; молодежная организация, созданная по инициативе Лукашенко в 1997 году; в 2002 году объединился с БСМ – правопреемником комсомола. – ред.]. Тогда меня чуть насторожила странная реакция одноклассников-минчан на это. Да и в студенческом комитете БПСМ, помню, были слегка удивлены.

На первом курсе, повторюсь, меня мало трогала политика. Пожалуй, о некоторых вещах я стала задумываться на втором курсе, когда вышел у меня конфликт с администрацией общаги и стервозная баба-заведующая просто начала стирать меня в порошок, выживать из общаги самыми подлыми способами. Я кинулась искать справедливости в нашей справедливой и правильно устроенной стране, а нашла только печальное откры-

тие, что у нашей заведующей в студгородке – «волосатая лапа». И значит, ей можно все.

Сей факт сильно поколебал мою веру в правильное устройство государства.

Среди последующих ударов по этой вере – «закручивание гаек» на третьем курсе. Очень сильно впечатлило, когда на президентских выборах народ поголовно заставляли голосовать досрочно. К студентам в общежитие, в личные комнаты – плевать, женские или мужские! – вваливались утром преподаватели во главе с деканом. Подымали с постели в девять утра и гнали на досрочное голосование. А если отказывался, грозили лишиться общежития или отчислить. Такое – БЫЛО. Никогда не забуду. Подобные ... гм... акции очень отрезвляюще и поучительно действуют на юные головы.

Общение со старшими и более умными друзьями тоже свою роль сыграло. Впрочем, они не навязывали своего мнения. Мне вообще трудно навязать чье-либо мнение.

Следующим впечатляющим ударом была история с закрытием Коласовского лица. Вот тогда я впервые ощутила, что

Добавление: К сожалению, текст на этом оборван.
[примечание bullochka. – ред.]

Мартовские дневники-3

... Тогда я впервые ощутила, как непреодолима пропасть между моими прежними представлениями о своей стране и реальными фактами.

Прискорбно устроен человек: только тому он сочувствует в полную силу, чью беду – хотя бы отдаленно и в очень смягчённом варианте – почувствовал на своей шкуре. В истории борьбы школьников и учителей за свой лицей, борьбы с произволом власти, я увидела что-то родственное своей истории с общежитием. Вспомнила о собственной борьбе за элементарное право: не ходить на досрочное голосование, а проголосовать в день выборов. Как сейчас помню, в деканате мне пообещали, если я

схожу на досрочное голосование, решить проблему с заселением. Но есть у нас в молодости прекраснейший инстинкт – слепой, не рассуждающей борьбы против любого принуждения...

В общем, со школьниками из разогнанного лицея меня сроднило, если честно, не только святое сочувствие слабейшему и обиженному, но общность пострадавшей кожи. Вот почему эта история перевернула во мне больше, чем исчезновения Красовского, Гончара и Завадского.

Потом, по тому же принципу, сильно впечатлило распределение. Сама дебильность положения: ты находишь работу в Минске, ты востребован, твое предприятие пишет на тебя заявку, но для того, чтобы тебя распределили в Минск, ты обязан отвалить как минимум триста баксов за прописку. Ситуация абсурдна: для того, чтобы работать, где хочешь, ты должен заплатить довольно большую сумму, причем даже не гильдии, которая в случае чего тебя поддержит (как это было в средние века), а какому-то третьему лицу за какой-то бессмысленный штамп в паспорте. При всем при этом, я распределялась в ГОСУДАРСТВЕННУЮ контору. Вы себе можете представить промышленную корпорацию, которая не привлекает необходимых ей специалистов всеми способами (обещая им хороший социальный пакет, высокую зарплату и т.д.), а наоборот, затрудняет их прием на работу и заставляет непонятно для чего отдавать свои деньги незнакомым людям? Так вот, наше государство и есть такая корпорация. Долго ли она может держаться на плаву? Вопрос риторический.

Но наиболее сильное отвращение вызвал у меня референдум о внесении изменений в конституцию Беларуси. Подготовка к нему, массивное информационное давление на мозги – это отдельная песня, на которую сегодня у меня уже нет ни сил, ни злости...

Мартовские дневники-4

Вчера весь вечер ходила по квартирам: раздавала листовки про Милинкевича. Мы с моими соседями в шутку называем

это: «ходить на святое дело». В этой шутке есть немалая доля самоиронии, и это хорошо. Потому что от напыщенности до лицемерия – всего один шаг. Вот почему сегодняшняя молодежь цинична. Она отчаянно сопротивляется искусственности, самолюбованию и лицемерию, за которыми – нравственная убогость. Сопротивляется, как может, отторгает их с отвращением, кидается в крайности с присущим ей максимализмом. Но ее цинизм и самоирония направлены в первую очередь на себя самое; это своего рода суровая власяница для собственного духа.

Откуда взялась шутка про «святое дело»? Раз в Крещенский вечерок мы вот так же таскались по квартирам, собирали подписи. Стоял мороз, сильный ветер пронизывал любые шубы и пуховики, как ледяное копье. После минут пяти на улице кисти рук ты уже не чувствовал. В подъездах и то было холодно.

В такую вот собачью погоду я зашла в подъезд в совершенно мрачном настроении, голодная, обмёрзшая. Позвонила в первую дверь с мыслью о том, что сейчас высунется опять какая-нибудь опухшая от пьянства рожа и злобно рявкнет: «Мы за действующчага прызыдента, у нас один батька в голове, а таких, как вы, вообще убивать надо».

Наверное, чтоб не мучились...

Дверь мне открыл мужчина эдакого профессорского типа, в очках и с русой бородкой. На фразу о сборе подписей отреагировал очень доброжелательно, улыбнулся, пригласил зайти погреться. Пока я сидела на стульчике, оттаивала, он позвал жену, оба тут же и расписались. Когда я уже собиралась уходить, он сочувственно сказал:

– Замерзли, наверное! Что же вы, в праздничный вечер надо сидеть дома, отдыхать. Впрочем... вы делаете святое дело, вам простится.

Сказал он это очень серьёзно. И от этого совершенно неожиданного сочувствия, мимолетного, но согревшего лучше, чем стакан чая, я, выйдя за дверь, чуть не расплакалась.

Вообще на агитации случаются порой удивительные вещи. Если бы я прочитала о таком в газете или увидела в политическом ролике – скорее всего, не поверила бы. Сказала бы: ну

это уж слишком слащаво и сентиментально, перегнули палку, ребята, так не бывает.

Ан нет: жизнь порой похожа на слащавый клип социальной рекламы больше, чем сам клип социальной рекламы.

Позавчера в одной квартире мне открыла дверь женщина, из за спины которой выглядывал мальчик лет пяти. Забрала у меня листовку с фотографией Милинкевича, поблагодарила, закрыла дверь. Я остановилась сделать отметку в шахматке и услышала из-за двери приблизительно следующее:

– Смотри, Саша, это наш будущий президент. Ну, как он тебе, нравится?

Вчера тоже был замечательный случай. Открыл дверь довольно высокий мужчина лет 60, похожий на состарившегося актера или писателя, полностью седой, но с четкими чертами лица и ясными глазами. Из-под домашнего свитера выглядывал остроугольный воротник белой сорочки, как у Михаила Задорнова.

На листовку он поглядел одобрительно и сказал на чистейшем белорусском языке:

– Дзякуй, але мне не трэба. Я і так за яго буду галасаваць.

Я, так скажем, человек сентиментальный. Можете смеяться, но я его поцеловала в щеку. Как заблестели его глаза, когда распрямившись, он сказал, держа меня за руку:

– Будзем змагацца разам супраць цемры.

Правды ради отмечу: такое бывает совсем нечасто. Потому такие случаи и впечатляют до слез, что они скорее исключение, чем правило, что таких людей встречаешь после многих проявлений равнодушия или враждебности.

Пока мне в этом плане еще везло: попыток набить морду или вызвать милицию пока не было. А вот одной знакомой девушке как-то кинули скомканной листовкой в лицо. Она спросила кинувшего:

– Ну зачем вы мусорите в своем же подъезде?

Про «таких, как вы, надо убивать», кстати, тоже не ради красного словца упомянуто. Была и такая фраза.

Довольно значительная группа людей – в основном, женщины глубоко пенсионного возраста – на предлагаемую листовку реагируют сильным эмоциональным отторжением.

– Не буду я за него голосовать, потому что я про него ничего не знаю!

Когда им говоришь что-то вроде «ну вот, возьмите, почитайте, может, что-нибудь новое узнаете», они часто срываются в крик:

– Не хочу я ничего знать, не надо мне ничего рассказывать!!!

И так далее, и тому подобное. Какой-то порочный круг в рассуждениях, добровольная самоизоляция от разума и логики, неистовая зашоренность и готовность кулаками защищать свои шоры. Вот, пожалуй, самый показательный диалог такого рода:

– Информация по поводу выборов. Вот, возьмите листовочку, пожалуйста, это вам.

Увидев портрет Милинкевича.

– Заберите вашу листовку! Не хочу я ничего знать про него, потому что он тварь!

– А что он вам плохого сделал?

Долгое молчание. Потом неуверенно:

– А что он мне хорошего сделал?

После непродолжительного, но эмоционального спича на тему «Что сделал Милинкевич для Гродно и что может сделать для Беларуси» спрашиваю:

– А всё-таки, почему вы называете его тварью?

Опять враждебно-озадаченное молчание. Потом неопределённо, но с обличительным запалом:

– Ну, потому что нельзя же так...

Как «так», я попытаться не смогла. В подобных дискуссиях точку обычно ставит дверь, захлопнутая перед носом.

Отсутствие каких-то признаков логики в такой позиции просто поражает. Такое чувство, как будто говоришь с человеком, страдающим навязчивой идеей. Похожее впечатление на меня оказывали ревностные проповедники-баптисты. Только они, в

отличие от подобных людей, не агрессивны. И в их глазах нет страха.

Вообще страх – это главное, к чему апеллирует теперешняя власть в своей пропаганде. В чем-то логично. Страх – древнейшая эмоция, одна из самых основных, произрастающая прямо из инстинкта самосохранения. Для манипуляций сознанием – мишень прямо-таки идеальная. В любой книге по психологии влияния будут указаны две основные уязвимые точки, воздействуя на которые можно управлять человеком. Это наши желания и страхи. По страхам людей в первую очередь и лупит теперешняя пропаганда.

Наиболее беззастенчиво она пользуется страхами пожилых людей – почему они и составляют основную часть электората Лукашенко. Против природы не попрешь, при старении у 40% людей наблюдаются серьезные изменения в психике. Страх перед будущим, желание избежать перемен неизбежно появляются у многих людей после 50.

И вот для них выстраивается нехитрая, но действенная двухполярная схема. Перемены – это плохо (чему большинство стариков верит безоговорочно). Перемены – как минимум угроза благополучной старости (хаос, коллапс, разгул преступности и т.д. и т.п.). ЕДИНСТВЕННЫЙ способ, позволяющий избежать всего этого – сохранить существующую власть и порядок вещей. Ключевые слова здесь – «стабильность и порядок». Идеи стабильности и порядка – вот та волшебная палочка, которая позволяет зачаровать многих избирателей. Эти идеи прочно связываются с образом Лукашенко. За Лукашенко – значит, за стабильность и процветание. Таков, в общем виде, главный тезис его избирательной компании. Неявная, имплицитная часть этого тезиса звучит примерно так: «а кто против – тот, значит, против Беларуси, стабильности, процветания».

Бредовость этой, скрытой части тезиса становится явной при её развертывании: ведь понятно, что никто, ни один политик либо избиратель в здравом уме не будет желать своей стране хаоса, разрухи и нищеты. Но... имплицитная информация воспринимается на уровне подсознания, и, следовательно, минует критический барьер разума.

Для того, чтобы эффективно манипулировать страхом, надо, чтобы было чем пугать. Трудно напугать абстрактными понятиями: в наш век страшных вечерних новостей никто не вздрогнет при слове «нищета» или «голод». Телевидение приучило нас к яркой, бьющей по нервам картинке, к камере, заглядывающей в лицо рыдающей матери у захваченной боевиками школы. Посему антиобраз должен быть зрим и близок.

Построение антиобразов, или образов угрозы, требует времени и обстоятельств. «Идеологический крестовый поход» белорусских властей начался далеко не вчера. Но нельзя сказать, чтобы его начало прошло совсем уж неуловимо. Было несколько тревожных сигналов, по которым еще прошлой зимой становилось понятно, куда повернул ветер. И даже основные направления уже просматривались. Их, на мой взгляд, два.

- Создание глобального антиобраза как ориентира, от которого надо всеми силами ОТТАЛКИВАТЬСЯ. Условно это направление идеологической войны можно назвать «ПОСМОТРИТЕ, КАК У НИХ ВСЁ ПЛОХО, У НАС ТОЖЕ ТАКОЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ЕСЛИ...» Этот приёмчик, естественно, не работает на примерах далеких и незнакомых нам стран, типа Уганды или Боливии. Нет. Куриный грипп в соседней Украине волнует нас больше, чем цунами на другом краю света. Поэтому в качестве примера годятся только БЛИЗКИЕ страны, со сходной или частично общей культурой и исторической судьбой. Желательно, бывшие соседи по Союзу.

И вот в репортажах о терактах, происходящих в России, появляются гаденькие самодовольные нотки: вот у НИХ-то все плохо, зато у НАС-то все тихо и спокойно, слава президенту. Об «оранжевой революции» в Украине и «революции роз» в Грузии вообще писано-переписано, и только в негативном ключе. Призрак цветных революций, так сказать, бродит по СНГ, и вот-вот протянет свои костлявые лапы к нашей синеокой Беларуси. Пишут хлестко и местами даже убедитель-

но. (Вернее, было бы убедительно для меня, если бы я не ездила каждый год на Украину, и не была бы во Львове после той самой оранжевой революции.)

Появляется небезызвестный фильм Юрия Азаренка о судьбах 15 советских республик после распада Союза, долженствующий доказать, что у всех всё плохо, и только у нас все хорошо. В общем, в антиобраз внесли свои худшие черты почти все бывшие соседи по Союзу.

- Направление два. Создание образа врага – внутреннего и внешнего.

Наверное, гениальнее и проще всего такой процесс описал Оруэлл...

Мартовские дневники-5

Так вот об Оруэлле. Пardon за длинную цитату, но лучше, пожалуй, не опишешь:

В начале весны внезапно выяснилась тревожная вещь. По ночам Сноуболл неоднократно бывал на ферме! Все были так встревожены этим известием, что стали плохо спать в своих стойлах. Как стало известно, каждую ночь под покровом темноты он пробирался на ферму и занимался вредительством. Он крал зерно, опрокидывал ведра с молоком, давил яйца, вытапывал посевы, обгрызал кору на фруктовых деревьях. Теперь было ясно, что все неудачи объяснялись происками Сноуболла. Каждый теперь мог объяснить, что сломанное окно или засорившиеся трубы были следствием ночных походов Сноуболла, а когда исчез ключ от кладовой, все были убеждены, что его удалось украсть именно Сноуболлу. Любопытно, что эта точка зрения не изменилась, даже когда ключ был найден под мешком муки. Коровы единодушно объявили, что по ночам, когда они спят, Сноуболл пробирается в их стойла и доит их. Существовало подозрение, что крысы, которые особенно досаждали в эту зиму, были в соглашении со Сноуболлом.

Наполеон постановил провести полное расследование деятельности Сноуболла. В сопровождении собак – остальные животные следовали за ним на почтительном отдалении – он тщательно осмотрел строения фермы.

Каждые несколько шагов Наполеон останавливался и обнюхивал землю в поисках следов Сноуболла, которые, как он говорил, может обнаружить по запаху. Он обнюхивал каждый уголок в амбаре, в коровнике, в курятнике, в огороде – и почти всюду были следы Сноуболла. Ткнув пятачком в землю и тщательно принюхавшись, Наполеон вскричал страшным голосом:

«Сноуболл! Он был здесь! Я чую его!» – при слове «Сноуболл» собаки кровожадно зарычали, оскалив клыки.

Животные были напуганы до предела. Им казалось, что Сноуболл стал чем-то вроде духа, незримо пребывающего на ферме и призывающего на их головы все беды мира. Вечером Визгун созвал их и, не скрывая тревожного выражения, сообщил, что у него есть серьезные новости.

– Товарищи! – Нервно дергаясь, вскричал он. – Вскрылись ужасные вещи. Сноуболл проданся Фредерику из Пинчфилда, который составляет зловещий заговор с целью обрушиться на нас и отнять нашу ферму! При нападении Сноуболл будет служить ему проводником...

А теперь сопоставьте со следующими цитатами:

И вот все это – спокойную жизнь сегодня и ясную перспективу на завтра – у нас хотят отнять. Нет, не войной, как это было в 1941 году, а через избирательную урну, с помощью «политических технологий», которые продвигаются теми, кто получил за рубежом чек и заказ на изменение нашей жизни. Они, впрочем, изо всех сил стараются убедить, что их помыслы чисты, что движет ими всего лишь приверженность к демократии, что они способны изменить жизнь к лучшему...

Нам рекомендуют поверить им на слово. Но что это за «слово»? Ведь если действительно поверить златоустам, еженедельно отъезжающим за инструктажем то в Вильнюс, то в

Варшаву, мы получим уникальное правительство! В Доме правительства и исполкомах появится орда персон с потными руками и полным отсутствием царя в голове.

Что сегодня делается в Украине, граждане которой отважно клюнули на оранжевую блесну? Появились десяток новых миллионеров, сотня шумных и скандальных уголовных дел и – массовая безработица, отток молодежи за границу, разгул уголовщины, понижение зарплат и повышение цен. А также разочарование во власти...

В Грузии, очарованной Саакашвили, уже порубили на дрова тбилисские скверы. Министрам, конечно, это нипочем, они получают хорошую зарплату от Сороса. Но большинство грузин в тоске: 50 долларов зарплата, 15 – пенсия. Как жить?

О Кыргызстане, который при помощи очередной «цветной революции» был облагодетельствован послом США и местными предателями, говорить как-то даже и неудобно. Нищета и политические дразги...

(Сей опус под названием «Цветная напасть» любой может прочитать в полном объёме по адресу <http://sb.by/article.php?articleID=50369>. Это была ПЕРВАЯ статья, которая открывалась под рубрикой «Политика»)

А вот еще – на закуску. Из официального заявления председателя белорусского КГБ от 13 мая 2005.

«Нам хорошо известны планы по подготовке за рубежом смены власти в Беларуси», – заявил председатель КГБ Беларуси Степан Сухоренко.

«Сегодня нам уже хорошо известны и зарубежные авторы этих планов, и их исполнители на территории республики», – отметил Сухоренко. – «Уже сегодня под различными вывесками международных семинаров, конференций идет подготовка, обучение и тренировка так называемых «цветных» революционеров из числа радикальной оппозиции».

По его словам, КГБ Беларуси известно о планах по подготовке боевиков в сопредельных государствах. «Мы располагаем данными о том, что на территории сопредельных государств

готовятся базы по подготовке боевиков, которые потом будут использоваться в силовых акциях неповиновения органам правопорядка и дестабилизации обстановки в обществе», – сказал председатель КГБ.

«КГБ расценивает это как прямую угрозу безопасности страны, и будет самым жестким образом пресекать все попытки дестабилизации общества, от кого бы это ни исходило», – заявил глава КГБ.

Это – уже другая антиутопия. Антиутопия, в сердце которой мы неожиданно очутились сами. Помню, как классе в десятом-одиннадцатом я читала – всё одним залпом – «Архипелаг Гулаг», «Дети Арбата» Рыбакова, «Колымские рассказы» Шаламова. И поверх «отполировала» романом «1984» Оруэлла. Закрывая на минутку эти книги, я выныривала из бездны ужаса и жалости вся в холодном поту, переводила дух и думала с невольным облегчением: как здорово, что ЭТО уже кончилось, ЭТО – история, она за закрытой дверью, мы НИКОГДА, НИКОГДА туда не вернёмся! Слышите?! Ведь это же невозможно – после такой бьющей наотмашь правды, после ТАКИХ книг – вернуться туда невозможно...

Можно. Все можно. Давать три года за «распространение заведомо ложной информации об экономическом, внутривнутриполитическом и проч. положении Беларуси»³ – можно. И то же – за оскорбление президента. И за участие в политических партиях, чья деятельность признана несоответствующей данному закону. И еще много за что. Курите поправки к Уголовному Кодексу РБ, вашу м-мать! Закатать в тюрьму Ирину Халип за статьи в российской прессе – можно! Снимать фильмы, где в один ряд ставят Христа, Сталина и Лукашенко – можно!!! (снял же Юрий Азаренок).

Я не хочу обратно в ГУЛАГ.

³ В декабре 2005 года Уголовный кодекс Республики Беларусь пополнился новой статьей – «Дискредитация Республики Беларусь». Под дискредитацией понимается «предоставление иностранному государству, иностранной или международной организации заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан Республики Беларусь или ее органов власти». Эти действия караются арестом на срок до шести месяцев или лишением свободы на срок до двух лет.

Мартовские дневники-6

Из разговоров на кухне, на улице и в аудиториях.

– Говорят, разгонять будут водой из брандспойтов. Оцепят Октябрьскую площадь и прилегающие улицы, будут лупить дубинками, тех, кто попытается пройти.

– Надо будет прорываться организованно, группами.

– Ч-черт, холодно же мокрому, особенно если будет мороз. Долго не выдержишь.

– Ну, брандспойты—это лучше, чем автоматы...

– Купить бы в секонд-хенде удобные ботинки, а то на моих каблуках далеко не убежишь...

– Говорят, при задержании могут в сумку подкинуть наркотики. Надо зашить наглухо все сумки и карманы.

Чтобы не отбили почки, надо надевать на спину рюкзачок, от плеч до поясницы. И положить туда пару книжек.

– Лучше – лист фанеры.

– А еще наручный щиток хочу заказать в рыцарском клубе. На левую руку. А то закрываться от дубинки голой рукой – это как-то грустно.

*

– Да как вообще с ними драться? Если только облепить всей толпой и повалить?

*

– Моя жена, как назло, 19-го работает. И офис по проспекту Скорины. Хочу не пустить её на работу.

– А причем здесь работа? Пусть себе после работы тихонько топает домой.

– Да?! А ты наших омовцев в деле видел? Им если кто подвернется, они не сильно разбираются...

– Мы с ребятами думаем собрать с первого курса человек 30. Ну не отчислят же нас всех?

– Боюсь, ваш факультет после 19-го сильно поредеет...

ЭТИМ мы сейчас живем.

Вот узнала новости. Двоих моих приятелей по интеллектуальному клубу загребли за участие в митинге в поддержку Козулина и во встрече с Милинкевичем. Вчера был суд. Кстати, загребли их на козулинском митинге, а участие во встрече с А.МИ «вычислили» по видеозаписи. Дали им по семь и двенадцать суток (тупо удивляюсь, почему такая разница). Кто-то вылез на знакомый сайт и написал, что сидят они в спецприёмнике-распределителе на улице Окрестина. Что там таких «политических преступников» после суда полно. Что в камере очень сыро, что лампочка горит круглые сутки. Что заключенных практически не кормят. Просили помощи – в виде передач, еды, сигарет, теплой одежды. Лишним, как сказали, всё это не будет. Не ребятам, так соседям по камере достанется.

Позвонила в этот гребаный спецприемник. Видеть заключенных не полагается. Но передачу можно принести. Разрешено передавать еду, одежду, книги. Завтра попрусь туда после обеда.

Каково им там?

Еще новости. Студент Академии искусств рассказал мне, как сегодня их курс пытался заставить досрочно проголосовать художественный руководитель. Мастер, известный человек, которого они, когда были еще зеленые, просто-напросто боготворили.

Когда в раздевалке он сказал им, что нужно обязательно проголосовать досрочно, студенты стали возмущаться. Парни качали права, пытались выяснить, по какому праву он их заставляет. Кто-то выкрикнул: «Да как же вы можете?! Зачем же вы это делаете?! Вы же всё, всё понимаете». Одна девчонка не выдержала и заплакала. А руководитель стоял перед ними смешавшись, бормотал что-то про то, что его лишат премии и зарплаты, уволят, «ребята, вы не должны меня подвести, мне же отвечать потом» и далее в этом роде.

Продолжаю мартовские дневники. Извините, что без ката. [примечание bullochka. – ред.]

15.03.06

Меня колотит от усталости и нервного напряжения. Оно накапливается, день за днём.

До ребят, сидящих в спецприемнике на Окрестина, сегодня не добралась. Толстенный «сидор», набитый всяким добром (едой и книгами) ждет своего часа в углу. Завтра.

Грустная ирония судьбы: сегодня на работе со мной перезаключили контракт. Сразу на три года вперед. Ввиду моей трудовой ценности.

Написала заявление на отпуск с 20 по 25 марта. Если вышибут с работы, так хоть не весь отпуск пропадет.

В сущности, мне всегда хотелось быть представителем «среднего класса». Много работать, заниматься интересным делом и получать за это хорошую зарплату. Построить себе дом за городом, купить машину, завести собачку чау-чау, с толстой мордашкой и фиолетовым языком. И еще сад с яблоками. И чтоб в доме всегда был компьютер с выходом в Интернет, и частенько бывали гости.

Ну ладно. По-видимому, буржуа из меня не выйдет.

Жаль...

16.03.06

Вчера поздно вечером пришел Сашка, тот самый студент Академии искусств. В такой страшной прострации я его еще никогда не видела. Белый, руки дрожат, взгляд перед собой в одну точку.

В его группе все неминские ребята, прописанные в общежитии, поругались-поскандалили – да и проголосовали досрочно. Уступили, так сказать, просьбам своего Мэтра. Остался один Сашка.

15 марта с утра в их деканате раздался звонок из ректората Академии Искусств: «Почему у вас на третьем курсе в группе «Актерское мастерство» один студент не проголосовал досрочно? Примите меры!»

Думаю, теперь уже бессмысленно скрывать имена действующих лиц. Меры принял декан и Сашин мастер, г-н Мищенко. Человек, которого Сашка до этого времени боготворил, про которого он рассказывал нам больше, чем про всю остальную Академию, вместе взятую.

Талантливый актер – он и есть талантливый актер. Перед всей группой Мищенко заявил Саше, что тот его «предал, как сын – отца». Что он, г-н Мищенко, теперь не хочет иметь с Сашей ничего общего. В общем, было сказано много пафосных слов, среди которых первое место занимало «предательство», и все – с трагичным выражением лица.

Группа молчала, и это было что-то вроде пушкинского «народ безмолвствует». Саша тоже молчал. На его глазах Учитель превращался просто в профессионала-актера. Потому что тот, кто сам предаёт своих учеников и манипулирует ими, пользуясь их любовью – это уже не Учитель.

Единственная дань уважения, которую мог Саша отдать своему бывшему Учителю – это промолчать и ничего не ответить при людях.

Теперь Александру Власенко грозит исключение из Академии.

Если кто-нибудь знает точный адрес, куда он может обратиться с жалобой или заявлением – подскажите.

Кстати, о досрочном голосовании. Пашка рассказал, как еще на прошлых президентских выборах он был наблюдателем на НАШЕМ участке, том самом, где голосовали студенты из двух общаг нашего университета. Председатель комиссии был с наблюдателями очень любезен. И даже дал пересчитать все бюллетени. НО – ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТОГО, КАК бюллетени для досрочного голосования свалили в одну кучу с теми, которые заполнялись в день самих выборов. По отдельности считать те и другие ребятам не дали. Ясен пень, почему...

Передачу «политическим» на Окрестина отправить невозможно. Сегодня утром туда поехал мой друг Олег. Ему было сказано, дословно, следующее:

«Разрешили вам передачи, так вы уже совсем обнаглели».

«Наглость» заключалась в том, что Олег в то утро был уже не первым, кто пытался передать «политическим» передачу. Дежурный милиционер сослался на какой-то приказ по МВД №206 от 1999 года. Дескать, там написано, что в день можно передавать не больше одной передачи.

Надо попробовать скоординировать людей, собирать одну передачу в день, но – огромную.

Соседка Таня принесла мне интересную распечатку. Вроде бы какой-то офицер МВД прислал анонимное письмо в штабы Милинкевича и Козулина и предупредил о том, какими средствами будут разгонять демонстрантов.

Списочек внушительный, а все описания подробные. Итак, через три дня нам грозит встреча с:

- светшумовыми гранатами (интересно, что это за зверь такая?)
- патронами с резиновыми пулями
- газовыми винтовками и гранатами
- водометами
- здоровенными спецназовцами и прочей нежитью

На крышах окружающих площадь домов, по утверждению автора письма, засядут снайперы. А в подвалах будет ждать команды спецназ.

К тому же нам обещают группы провокаторов внутри толпы, которые могут организовать несколько взрывов, чтобы потом обвинить в них оппозицию.

Вполне возможно, все эти письма – всего лишь средство запугать людей. Если так – тогда власть нас сама здорово боится. Потому что позицией СИЛЬНОЙ власти, которая уверена в поддержке народа, было бы просто игнорирование всех наших возмущений. Типа: «Ну постойте, постойте на площади, дураки, коль вам уж так этого хочется...»

Истеричная же реакция теперешней власти – это свидетельство того, что мы чем-то ей страшны.

Прочитавши все эти стр-рашные страхи, мы не могли не поржать над трогательным пассажем про «газы, вызывающие непроизвольное испражнение». Наверное, этот пассаж и наводит более всего на мысли о провокации. Уж больно грамотно рассчитано на то, чтобы напугать, вызвать чувство отвращения у молодых романтиков-студентов, которые не пули боятся, а унижения.

Ну что ж, будем поститься. В крайнем случае, выражение «а мне на всё пострать» придется подкрепить действием.

На самом деле, такие штуки могут достигать и противоположного эффекта. У одного и того же человека в мирное время и на войне – совершенно различные системы ценностей. К примеру, девушка в мирное время вылетает из комнаты, увидев там шмеля или крысу. А в военное время та же девушка выносит раненых под огнём.

Будет считать, что нам не повезло, и началась война. Неужели мы сидели бы по домам и предоставили бы друзьям и родным сражаться за нас?

Переключаемся на ценности военного времени.

Автор мартовских дневников стоит за плечом.

[примечание bullochka. – ред.]

18.03.06

Сейчас почти три часа ночи.

Сегодня занималась в клубе со студентами. Многие из них послезавтра идут на площадь, а завтра – на концерт в поддержку оппозиции.

Какие они всё-таки мальчишки и девчонки! Такие славные глаза – у всех. Такие светлые. Не передать словами – эти взгляды как серебряные лучи. Улыбки – как грустные солнечные зайчики.

Прощаясь, мы говорили друг другу: «Увидимся...ТАМ» и просили беречь себя.

Со школьниками мы о политике практически не говорим. Априори полагается, что они будут сидеть дома. Да и не люблю я с ними о политике. Это слегка нечестно: они мне доверяют, и я не могу пользоваться этим, чтобы навязывать свои взгляды.

Сегодня вечером меня наконец отпустили слепой гнев и неконтролируемый страх, до боли сжимавшие виски.

Не страх во мне сейчас и не война, но спокойствие и любовь. Все что было мятущимся, разорванным, сомневающимся – обрело цельность. Я иду не за ненавистью, но за любовью.

Любовь есть спокойствие: в сердце, полном любви, нет места ничему другому.

19.03.06

НАБЛЮДЕНИЕ

Буду очень кратка, ибо времени нет. Сидела на участке, наблюдала весь день. Вчера в списках избирателей по моему участку было 1925 человек. Сегодня утром стало уже 2122. Сегодня вечером, перед подсчетом голосов, их было 2251. Как мог участок «вырасти» на 225 человек?

Комиссия мне попалась нормальная, не буду врать, пустили наблюдать за подсчетом. Зрение у меня хорошее, поэтому я видела, как раскладывали бюллетени на ближнем крае стола. Два раза «ловила за руку» человека, который клал бюллетень за Козулина в пачку бюллетеней за Лукашенко.

Результаты по досрочному голосованию и по голосованию в день выборов очень сильно разнятся. Цифры помню почти все, ибо не раз перечитала протокол (кстати, подписанный – редчайший факт! – председателем комиссии).

В общем, по голосованию в день выборов Милинкевич получил 350 голосов, Лукашенко – 540, Козулин – 73; 107 бюллетеней было «против всех», 22 испорченных.

А теперь сопоставьте с результатами досрочного голосования:

Милинкевич – 25 голосов, Лукашенко – 355, Козулин – 26, «против всех» – 3 бюллетеня.

НЕ ВЕРЮ, что результаты могут так различаться. Тем более, досрочно голосовали не одни старики-лукашисты. Наибольший процент досрочного голосования дала общага – понятно, почему.

19 марта после наблюдения мы попали на митинг на Октябрьской площади к самому шапочному разбору, в пол-одиннадцатого. Как выразилась Аська, «опять власти обманули народ». Ни водометов, ни колонн спецназа, ни тебе испражнятельных газов. Да все эти штуки были и не нужны. Самое действенное оружие теперешней власти – страх. И она им умело пользуется. Народ был запуган задолго до девятнадцатого. Запуган заявлениями спецслужб об очередных «накрытых» базах для обучения боевиков. Запуган идиотскими слухами о грузинских террористах, якобы намеревающихся взорвать четыре школы в Минске (и кстати, еще запустить яд в водопровод). Одного моего знакомого мать просто заперла в квартире на ключ и не пустила на митинг.

В общем, было там максимум тысяч десять народу. Постояли-постояли, потом прошли до площади Победы и оттуда разошлись по домам.

Но завтра я пойду снова.

20-21.03.06

М А Й Д А Н

ЧАСТЬ 1. ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Я пишу эти строки 22 марта в 0.48. За последние сутки я спала всего 2 часа. Полтора часа назад меня отпустили из отделения милиции. Я до сих пор не знаю, где мой брат, который нес людям, стоящим на площади, еду.

Возможно, они и сейчас еще стоят там, на Октябрьской площади, кольцом сцепившись, намертво взявшись за руки вокруг маленького палаточного городка, чтобы защитить его своими телами. На Минск падает десятиградусный мороз. Подкрепление не придет, никто не прорвется через ментов и гэбэшников в штатском, блокирующих все входы и выходы на площадь. Никто не сможет пронести им горячий чай или спальный мешок. В этом я пару часов назад убедилась на собственном опыте.

Многие из них стоят уже больше пятнадцати часов. А кто-то и больше суток. Скоро их просто начнет убивать мороз. Очередная «элегантная победа» режима.

За эти два дня я как будто повзрослела лет на 10. Эти дни вместили очень многое и возможно, изменили мою жизнь больше, чем я могу сейчас подумать.

В эти дни я узнала, что значит Переступить страх, что значит Любить и что значит Ненавидеть. И как это бывает, когда рушится вся жизнь. Кое-что из того, что я узнала и почувствовала, я никогда, НИКОГДА не смогу забыть. А кое-что не смогу простить. Сколько буду жить – будут жечь меня эти воспоминания. Наверное, это были самые сильные потрясения в моей жизни.

Оно было синее, такое синее, какого цвета я никогда не видела. Когда буду умирать, я постараюсь вспомнить это удивительно синее небо над Октябрьской площадью в Минске. Вечером, 20 марта, когда начался наш белорусский Майдан.

Уже сейчас на участников палаточного городка выливаются реки лжи. Мол, и спланировано это всё было заранее, и стоят там все обкуренные-обколотые пропитые отморозки. И власти даже называют суммы, которые нам якобы заплатили. Что обидно, похожей политики придерживаются даже многие российские СМИ. Лично для меня это – как нож, всаженный в спину человеком, которого ты считал своим другом.

Здесь я буду писать правду и только правду. Можете считать это самой точной информацией. Я была в числе первого десятка человек, которые под светом телекамер и блицами фотоаппаратов начали ставить палатки. Так получилось. Теперь мне

уже всё равно грозит тюрьма, причем 15 сутками не отделаюсь. Но чем бы это ни закончилось, я не жалею о своём решении.

Итак, небо над Октябрьской. Когда там 20 марта собралось 10 тысяч человек, оно было прозрачно синее, в нем рождались первые искры звезд. Александр Милинкевич, стоя на ступенях Дворца профсоюзов, кричал в микрофон о том, что выборы были незаконные, что на избирателей оказывали давление, что происходили массовые фальсификации. Потом включили музыку, и над огромной площадью поплыл, печальный и строгий, Полонез Огинского. «Развітанне з Радзімай». Мы подпевали, тихо, торжественно, как будто это был гимн.

Вот тогда во мне что-то сломалось и ушло. Горло сдавило тугое рыдание. Запрокинув голову, глядя сквозь пелену слез в высокое небо, я слушала слова, как будто написанные про нас:

Ростань на ростанях краіны,
 Раніць думкі шлях абраны,
 Прагне сэрца ў родныя мясціны,
 І радзімы вобраз ажывае растрывожанаю ранай...

Зноў
 Залунае наш штандар,
 Палыхне ўначы пажар,
 І паходнаю трубой
 Зноў пакліча нас з табой на мужны бой мая краіна –
 Край адзіны,
 За яго ў выгнанні
 Шлях вяртання,
 Шлях змагання.

Это была не просто песня – она звала и просила. И мы её не подвели.

После песни что-то еще говорили там, на ступенях. Но главные события произошли не там, а в самой гуще народа. Когда люди внезапно раздались, освобождая место, и на асфальт упа-

ли первые палатки. Среди них была и моя. Их начинали ставить пять человек. Я не успела туда подойти – из толпы вдруг выскочили крепкие ребята с толстыми невыразительными лицами, в черных шапочках. Они остервенело топтали палатки ногами, ломали дуги, хватали и уносили спальные и палатки, пытались ударить раскладывающих. Действовали очень слаженно и четко.

Что-то людям удалось вырвать из рук, но большинство вещей они унесли. К счастью, это была лишь первая партия. Потом люди просто встали вокруг нас стеной, крепко сцепились за локти, друг за друга и никого не пускали внутрь. Тех, кто пытался прорваться, отгесняли плечами.

А провокаторов, гэбэшников в штатском было много, страшно много. Они стайками стояли вокруг. А некоторые цепляли наши значки «за свободу» и пытались втихую влиться в оцепление.

И вот, за этой живой стеной – оцеплением – мы разбили свои палатки. Четко помню момент, когда я стояла в оцеплении, колебалась, идти ли внутрь, и меня позвала Светка, моя подруга, которая уже работала там.

Никаких особенных эмоций я тогда не испытала. Просто шагнула в середину и взялась за дугу, помогая ставить палатку. Потрясение пришло позже. Сначала я прятала лицо под капюшоном, потому что множество видео- и фотокамер целились нам прямо в глаза. Потом я решила, что это какое-то половинчатое решение: чего уж тут останавливаться. И сняла капюшон.

Мы поставили палатки, расстелили коврики и сели на них. Вот тогда меня начало трясти. Пришло осознание того, ЧТО мы сделали. И того, что вся моя предыдущая жизнь, очень возможно, в этот самый момент уходит песком сквозь пальцы. Вся! И интеллектуальные игры, и детский клуб, который был моей радостью столько лет. И обеспеченное существование, и работа в научном журнале, и друзья, и книги, и родители. И любимый Минск. И, возможно, Беларусь... и, возможно, свобода.

Я старалась прятать слёзы под капюшоном, чтоб не видели журналисты. Некрасивое это зрелище, когда человека трясёт и выкручивает от рыданий.

Потом успокоилась: что сделано, то сделано. Назад дороги нет. В самом деле, стоило ли читать в детстве такие хорошие книги и слушать такие хорошие песни, чтобы потом в жизни оказаться «не при чем»?

Оставалось сделать только одно, и я это сделала. Позвонила человеку, которого я люблю уже два года, и сказала ему об этом. Давно хотела, но не могла решиться. А сейчас уже бояться нечего.

ЧАСТЬ 2. «ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО» и кое-что о лжи

Сначала вокруг нас было очень много народу, стояло плотное кольцо. На крыльце играла музыка, журналисты подходили брать у нас интервью. Я говорила с корреспондентом «Евро-ньюс» и грузинскими тележурналистами, с корреспондентом НТВ. Не очень-то это радовало, честно говоря, но они почему-то довольно часто подходили ко мне.

После 23.00 музыку выключили, потому что закон запрещает громкую музыку ночью. Мы стремимся соответствовать закону во всём, даже в мелочах. Потому что знаем: любую мелочь могут обратить против нас. А если не найдут мелочь – придумают.

После двенадцати люди стали расходиться, потому что вскоре прекращало работать метро. Нас оставалось всё меньше и меньше, но оцепление стояло замечательно, просто-таки на смерть.

Ночью стали приходить люди с термосами горячего чая. Это были, как правило, пожилые женщины и мужчины из ближайших домов. Пройти к нам с самого начала было непросто. Чтобы не дать народу нас поддержать, милиция задерживала на подступах любого, у которого обнаруживала термос, еду или спальник. Но как-то они умудрялись. Помню двух пожилых женщин, которые притащили три термоса с горячей водой.

Они целовали нас и сказали, что будут молиться за нас. Под утро пришел совсем старый дедок с мятым целлофановым пакетиком. В пакете оказались вареная колбаса и хлеб. Дедушка сказал: «Простите, что так мало: это все, что было в холодильнике».

Если бы не эти люди, нам было бы тяжелей. Сейчас милиция перехватывает их и дает за термос чая или спальник 10 суток. По вчерашним данным в Интернете, задержано уже более 100 человек.

Чем мы занимались в центре круга? Ходили, общались друг с другом. Сидели кружком, пели песни. Самой первой мы спели «Прекрасное далеко». Она тоже была как будто про нас. Какие-то радиийщики сунули нам микрофон и записали.

У меня сорвалось горло на словах:

Слышу голос, голос спрашивает строго:

А сегодня что для завтра сделал я?

Эту песню, в окружении людей, закрывающих нас своими телами, я тоже постараюсь запомнить на всю жизнь. Этот вечер был, пожалуй, самое лучшее и важное в моей жизни.

Мой рассказ будет во многом опровержением всей лжи, которую обрушивают на нас белорусские и некоторые русские СМИ. Итак, ЛОЖЬ, что наша акция – антироссийская, что мы ненавидим Россию. Среди нас были россияне из Москвы, с русским триколором. Наш майдан начинался не только под белорусские песни. Дружнее всего мы пели «Перемен», «Группу крови», «Звезду по имени Солнце» Цоя. И «Просвистела» ДДТ. Пели «Атлантов» Городницкого, «Книжных детей» Высоцкого, «Идиотский марш» Медведева. Пели «Крылатые качели».

Наш протест – против лжи и диктатуры, против фальсификации выборов и исчезновения людей, избиения журналистов. Против Советского Союза, который хватает нас за ноги из своей, казалось бы, глубокой могилы.

Хочется спросить россиян: неужели вам нужен такой союзник, как Лукашенко? Союзник, выбираемый по принципу «хоть сволочь, зато наша сволочь»?

Тем россиянам, которые стояли в оцеплении плечом к плечу с белорусами, такой союзник не нужен.

А ещё с нами было несколько украинцев, которые сумели таки просочиться через границу с флагом. Был грузинский флаг, но грузин я вроде не видела. Было много бело-красно-белых флагов и несколько флагов Евросоюза.

Вместе с нами палатки ставили два молодых эстонских журналиста.

Кстати, ЛОЖЬ, что это все было спланировано заранее. Я расскажу вам, как возникла идея ставить палатки и как возникла первоначальная шестерка смелых. Терять уже нечего: наши морды засняли все ведущие телеканалы Европы и гэбэшные камеры, наверное, тоже. Потом из меня могут выбить показания, что всё было по-другому, но здесь я, надеюсь, успею рассказать правду.

Я снимаю квартиру вместе с Сашей и Таней. С Таней мы жили вместе еще в общежитии журфака БГУ. Иногда к нам приезжает из Сморгони Света, наша подруга по той же общежитии.

18 марта на концерте в поддержку Милинкевича Таня и Саша познакомились с двумя журналистами из Эстонии, К. и С. Они ходили, спрашивали, у кого им можно переночевать, потому что не хотели идти в гостиницу. Как нам рассказал К., на границе их 3 часа допрашивал человек из КГБ. У К. забрали ноутбук. Поэтому они опасались селиться официально.

Танька с Сашей привели их к нам. Мы разговаривали до поздней ночи, утром я уехала наблюдать, потом на площадь, и домой так и не вернулась. Осталась ночевать у Паши.

По тем цифрам, которые начал давать Центризбирком уже вечером, становилось ясно, что нас обманули. Девятнадцатого вечером к нам приехала Света. Она агитировала за Милинкевича в Сморгони, и результаты выборов на ее участках её тоже не порадовали.

Как мне рассказала Таня, ночью они сидели и говорили на кухне о том, как можно выразить свой протест. Идея палаток пришла в голову практически всем одновременно.

Самое забавное, что появилась такая идея не только у них. Мы с Пашкой в ту ночь тоже обсуждали такую возможность, но дальше обсуждения у нас дело не пошло. А у Светки с Таней – пошло. Они позвонили знакомым и ребятам из «Молодого фронта». Оказалось, что такие мысли были у многих. Им осталось просто договориться, во сколько они придут на площадь и как протаскивать туда снаряжение.

К. и С. сначала удивились, потом сказали: «Думайте сами, это ведь ваша страна. Мы, конечно, вам поможем ставить, но нам-то проще. В крайнем случае депортируют – и всё. А у вас будут огромные проблемы».

Светка с Таней согласились на проблемы. Так их стало четверо. Утром 20-го они позвонили нам с Пашкой, чтобы спросить у меня разрешения взять мою палаточку, спальник и рюкзак. Я, естественно, разрешила. Мы с Пашей решили, что тоже как-нибудь поучаствуем – тогда это казалось не столь серьёзным делом.

Так нас стало шестеро. Не считая еще не знакомых мне ребят.

Кстати сказать, средний возраст людей на Октябрьской будет где-то мой. Года 24. Совсем молодые, студенты есть, но не все. Есть и люди постарше, в основном крепкие мужики в оцеплении. Парней больше, чем девчонок.

Итак, продолжаю свой рассказ. Нас снимали практически непрерывно, чтобы вспышки не мешали петь, я закрывала глаза. В центре лагеря, среди палаток, мы положили туристические коврики. На их середину мы сначала складывали еду и теплые вещи, потом их стало много, и мы выделили для складов две палатки. Когда я разносила по рядам горячий чай, кто-то подарил мне два букета цветов – ирисов и еще каких-то. Мы поставили их в банку. Рядом кто-то принес и поставил икону. Мы зажгли возле неё две толстые свечи. Старались эту середину держать в порядке, убирать оттуда мусор. Все-таки икона... Рядом ставили только термосы с горячим чаем, но они быстро опустошались. Мы в середине сидели мало – как только приносили горячий чай или кофе, мы разливали их в стаканчики и раздавали нашему оцеплению.

Кстати, одна из самых мерзких выдумок белорусских СМИ – то, что мы все пьяные, и в термосах нам приносят пиво. Оно и выдуманно коряво: ну какой дурак на морозе в 3 часа ночи будет пить пиво, а не горячую воду?

Впрочем, такие выдумки мы предвидели. Поэтому в палаточном городке и вокруг был полнейший сухой закон. Все прекрасно понимали: упаси Господь хоть каплю спиртного – тут же заснимут и ославят алкоголиками. Периодически народ принимался скандировать: «Я СУ-ХОЙ ! Я СУ-ХОЙ!» Часа в четыре утра какой-то неизвестный парень принес нам две бутылки водки. Мы хотели его отправить с ними обратно, а потом подумали: а вдруг он на самом деле не провокатор и попадетса ментам? Мы эти злосчастные бутылки даже не стали открывать. Обмотали, чем могли, засунули в сумку, спрятали в палатку и завалили вещами.

Всю ночь с нами был Александр Милинкевич со своей женой. Они спускались со ступеней, приходили к нашим палаткам. Один раз им удалось протащить извне термос с горячим чаем. А двух сыновей Милинкевича задержали ночью на проспекте, когда они пытались пронести теплые вещи.

Ночью было очень холодно, особенно оцеплению, которое нас закрывало, в том числе и от ветра. Эти люди... я готова стать перед ними на колени. Они стояли в плотном кольце на морозе всю ночь, а некоторые и больше – ПО 14 ЧАСОВ И БОЛЕЕ, никуда не уходя, не двигаясь с места. Ночью к нам привели совсем молодого парнишку, который был легко одет. Он едва мог говорить. Мы поили его горячим чаем, растирали ему руки, на которых не было перчаток.

Как грелись? Пели песни, скандировали лозунги, танцевали под ритм, отбиваемый на кружках. В разных краях оцепления люди время от времени тоже принимались танцевать что-то вроде средневековых круговых танцев, ритмично переступая и притопывая.

Кто-то отжимался, кто-то приседал. Несколько людей устроили пробежку вокруг кольца, стараясь быть поближе к стоящим. Они бежали с флагами, впереди был парень с российс-

ким, потом кто-то с двумя – белорусским и украинским, потом грузинский. Периодически они радостно вопили: «Моладзь за здаровы лад жыцця!» Я тоже с ними пробежалась. Здорово согрывает.

Чуть позже нам пришлось решать еще одну проблему. ТУАЛЕТ, как это ни прозаично. Конечно, многие люди из ближайших домов пустили бы нас к себе. Проблема в том, что туда было не пройти. Вокруг оцепления стояли люди в штатском и собровцы. Были заблокированы все входы-выходы на площадь. Я видела собственными глазами, что на прилегающих к площади улицах стоят целые «караваны» - фургончики для заключенных, автобусы с ОМОНОм. Только отойди куда-нибудь – и «с концами».

Долго думали, как выйти из положения. Помог один парень, диггер. Практически голыми руками он вскрыл канализационный люк, с краю, ближе к дороге. Над люком поставили палатку, прорезали в ней днище. Сначала из люка сильно несло. Я ободряюще завопила окружающим: «А вы думали, революция пахнет розами?» и нырнула в палатку.

А по белорусском телевидению сказали, что гнусные оппозиционеры устроили себе туалет – прям нарочно – рядом с музеем Великой отечественной войны. Смешно! Музей стоит настолько в стороне от кольца и камер журналистов, что тот, кто вздумал бы к нему наведаться, явно бы назад не пришёл.

Ещё надо сказать об одной лжи. До того нелепая и неуклюжая выдумка – и всё-таки многие люди в нее верят. Мы, как будто, стоим просто-напросто за деньги. Сначала называлась цифра 20 тысяч белорусских рублей. Потом поняли, что это выглядит просто смешно и нелепо. «Подняли» нам власти «зарплату» почти в пять раз – до 50 баксов.

Боже мой! Пусть бы те, кто в это верит, пришли да попробовали постоять под взглядами и камерами людей в штатском! Четырнадцать часов постоять, коченея на морозе, и ждать рассвета, как избавления. Радостно кричать, когда рассвело. И видеть утром, что подкрепления мало, люди просто не пробиваются. И чувствовать, как страшно редеет кольцо с каждой

минутой, потому что люди не выдерживают и уходят спать, а смены нет. И каждую минуту ждать штурма, избиения, провокаций. И знать, что, возможно, завтра тебя выгонят из университета или с работы, или посадят в тюрьму.

Да, утром нас стало совсем мало. Когда в шесть утра пошел по проспекту автобус №100, мы придумали вот что. Та сторона оцепления, которая была лицом к проспекту, каждый раз, когда подъезжала «сотка», становилась на колени, чтобы были видны палатки. И люди скандировали: «ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ! ДА-ЛУ-ЧАЙЦЕСЬ!» (для тех, кто не знает белорусского языка: это значит «присоединяйтесь!»). Они делали это, пока физически могли.

Мы ждали и ждали помощи, а её приходило так мало!!! Но в 9 уже стало понятно, что кольцо выстоит. Часть людей сменилась. Когда мы разносили им горячий чай и еду, они говорили: «Спасибо, мы только что из дома».

В девять утра мне стало совсем плохо. Хотелось спать и колотило от холода. Мы с Пашкой улучили момент, проскочили бегом мимо собровцев и людей в штатском, рядом с которыми стояли журналисты, запрыгнули в «сотку» и уехали. А Светка и Таня остались там, третьи сутки без сна.

ЧАСТЬ 3. СПАЛЬНИК КАК ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА. Я НЕНАВИЖУ

Поспали мы пару часов у Пашки и разъехались по работам. Так странно: ты сам уже другой и твоя жизнь уже стремительно меняется, но всё пока идет по инерции, тишь да гладь. В редакции никто еще ничего не знал. Еще один день можно было потешить себя странной иллюзией, будто продолжается прежняя, размеренная и уютная жизнь. Странная и сладкая иллюзия, как будто из тюрьмы или с войны вернулся на полдня в прежнюю жизнь.

На работе я даже не засыпала. Отредактировала чертовски тяжелую статью, бодро разобралась с делами.

Потом поехала домой – переодеться потеплей, переобуться, а то дернул черт выйти из дома в легких весенних ботиночках.

Поесть толком не успела. Решила ехать на Октябрьскую, хотя и сомневалась. По-моему, я неслабо простудилась, к тому же очень хотелось выспаться и написать дневник. А то вдруг завтра загребут – и прощай, «продолжение следует»!

Все же решилась. Обмоталась спальником под дублёнкой, пришила спальник к свитеру и обклеила скотчем.

Взяли меня в метро на Октябрьской площади. Очень легко и просто: спальник был виден из-под дублёрки. Мне преградил дорогу милиционер, спросил документы и приказал идти с ним в опорный пункт в метро.

Там пришлось устроить вынужденный стриптиз, вынуть все из сумочки. Я старалась вести себя как можно спокойнее и доброжелательнее. Пыталась завести человеческий разговор с людьми в форме, и это у меня получалось. Офицер, который там сидел, был вообще нормальный, с ним-то мы и говорили. Этот черноглазый симпатичный дяденька на полном серьёзе спрашивал, сколько мне заплатили. Второй был совсем не такой. Он перетряхивал мою сумочку. Нашел дискеты и злобно спрашивал, что у меня там. Я спокойно сказала: «ну возьмите, посмотрите», а сама мгновенно покрылась холодным потом. У меня там были новости с сайта svaboda.org и «Мартовские дневники». Второй мент долго думал, не сломать ли мои дискеты (чего мне в тот момент хотелось больше всего). В итоге все-таки отдали. Отдали и визитку К., на эстонском языке. Не увидели, наверное, там слово «correspondent».

Мы с милицей разговаривали, я пыталась им объяснить свою позицию, дать понять, что мы – не пьяные отморозки. Милиционеры мне говорили, что сегодня ночью будет «хапун», будут людей избивать и забирать в милицию. В общем, всячески пытались запугать.

Только один раз я чуть не сорвалась – когда пришли люди в штатском, гэбэшники.

Если милиционеров я могу понять и в чем-то оправдать, то этих – не-на-ви-жу! Они чем-то все похожи: одинаковые толстоватые невыразительные лица, одинаковое самодовольство и уверенность в своей безнаказанности. Одеты во что-то темное и невыразительное, и по этому их узнают.

ЭТИ были со значками, НАШИМИ значками «за свободу»! Вели они себя в отделении как полные хозяева. Один из них, тот, что был повыше и поплотнее, посмотрел на мой спальник и довольно сказал: «О! Спальник! Занесу-ка я его его Николаичу в машину, пусть погрееется, а то замерз уже за четыре часа».

И тут я поняла, что мне надо крепко держать себя в руках, иначе я сорвусь.

Они лазили в моих вещах, долго смотрели паспорт. Один взял книжку братьев Стругацких, которая была в сумочке, недоуменно покрутил её в руках (меня так и тянуло сказать: «Это книга, её читают») и спросил: «Это что? Детектив? Мистика?»

Сначала они хотели написать протокол и отвезти меня в приёмник-распределитель на Окрестина. Но тут высокий сказал:

«Ай, ну её! Пошли к этим придуркам, а то, пока будем её возить, там в оцеплении всё вкусное съедят без нас».

И нацепил на самое видное место бело-красно-белый значок.

Такой ненависти и боли я не чувствовала еще никогда. Мне хотелось вцепиться ему в горло, этому сытому укормленному циничному борову, который нас арестовывает и с чистой совестью жрёт нашу же еду. Еду, которую таскают нам люди, рискующие сесть за это на 10 суток. Которую раздают замерзшими руками девчонки, стоящие на майдане вторые сутки без сна.

ЭТО ни забыть, ни простить невозможно. Господи, если ты есть! Отправь меня в ад, если хочешь. Но сделай одно! Сотвори чудо – чтобы следующий кусок у ЭТОГО в горле встал колом.

Это нельзя простить и забыть. Самое отвратительное, что сделала нынешняя власть – разделила свой народ на «чэсных» и «нячэсных». Большею части народа капитально промыла мозги. Подло оболгала перед ней самых чистых, честных и смелых, не терпящих несправедливости, не умеющих мириться со злом. А ту самую меньшую, «инакомыслящую» часть заставила в каждом встречном видеть возможного провокатора и сотрудника спецслужб. И весь народ заставили бояться и молчать. Бояться ареста, вылета с работы, избиения в темном подъезде. Бояться за себя, друзей и родных. В эти дни мне пос-

тоянно звонят знакомые и друзья, спрашивают, на свободе ли я, как себя чувствую.

Проверяют, всё ли со мной в порядке.

Если и в порядке, то ненадолго. Я не питаю иллюзий. Если сегодня меня подержали два часа и отпустили, это не значит, что наступила в стране демократия.

Им просто невыгодно поднимать шум сейчас, когда в Минске столько иностранных журналистов. Эти ребята из Рейтерс, Польского телевидения и прочих СМИ – только их присутствие сейчас нас защищает. Мы на свободе, пока там, на площади, стоит кольцо. Я думаю, как только все это закончится, «комитет госбезопасности припомнит наши имена». Тем более, что лица свои мы не прятали.

22.03.06. ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Чуток отоспалась дома.

Я спешно заканчиваю дневники и уезжаю на площадь. Мне сыплются звонки от знакомых и родных, которые видели меня на НТВ и в «Евроњьюс». Но с телефоном что-то странное, в нем какие-то шумы и щелчки. Скорее всего, нас прослушивают.

Вчера ночью нам позвонили эстонцы, К. и С. Эстонский консул попросил их срочно покинуть страну. Он сказал, что они здорово засветились рядом с нами и что «палаточников» ждут очень большие проблемы. Они просили прощения за то, что уезжают и бросают нас.

Надеюсь, смогу отправить эти дневники в Интернет, дойду до Интернет-кафе. Отправлю, кому смогу.

Что будет завтра, не знаю. Я хочу попросить тех, кто это читает. Люди! Если вы белорусы, приходите на площадь, кто может – стойте с нами! ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Если вы живете далеко от Минска, распространите эти дневники, чтобы их прочитало максимальное число людей. Этим вы тоже очень поможете. Если не можете встать рядом с нами, то хотя бы ПОМНИТЕ, как всё это было, и расскажите другим.

На всякий случай всем пока!

Когда мутный свет утонувшей луны
Ладьею всплывет в наших черных глазах,
Мы скажем «привет» обаянью волны,
Никто из нас больше не вернется назад.

Мы помним, что остров еще далеко,
Мы знаем, что море будет жечь нам виски,
Но нам здесь так просто нам здесь так легко.
Слепым не нужны маяки.

Плывущему – море,
Где рифы и мели,
Тонуть так тонуть – виват! И разве кто спорит.
В грядущее горе
Гребущий не верит, он проклял свой путь назад,
Что ж вольному – воля!
Руль в наших руках – значит, будем рулить,
И выбросьте компас к подводным чертям!
Мы жили как рыбы, теперь будем жить,
Как звезды морские, судьбу очертя.

Мы движемся точно по плану сирен,
На голос их скорбных и траурных саг,
Наш штурман безглазый циклоп Полифем.
Значит, встретимся на небесах!

«Зимовье зверей»

Мартовские дневники – часть последняя

[автор этой записи – bullochka. – ред.]

Палаточный лагерь на Октябрьской площади разогнан. Его участники арестованы. Арестована автор мартовских дневников. Арестованы героини её дневников – Таня и Света. Из наших знакомых – Ася Дорофеева и Фокс.

<http://news.tut.by/elections/65886.html>

Правоохранительные органы Беларуси не планируют разогнать несанкционированный митинг, который уже третьи сутки проходит на центральной площади Минска, сообщил журналистам источник в силовых структурах республики.

*

«Мы не будем пресекать этот митинг, хотя он и не законный», – сказал он.

*

За 15 минут палаточный лагерь был снесён. 350 человек арестовано.

Мартовские дневники в апреле

3.04.06

Вчера ночью я сидела на кухне, пила чай и глядела, как за окном светает. Не могла оторваться. Это было очень красиво: молочный туман, четкие тонкие ветви деревьев – и свет, свет, которого больше с каждой секундой! Простор и свет, от которого мы почти отвыкли в душном полумраке камеры.

Вчера ночью, в 3.15, истекли наши десять суток, и мы вышли из изолятора временного содержания Минского района – прямо в весну. Кто-то из девчонок робко спрашивал: а может, останемся до утра? А чем мы будем добираться? Я сказала, что лично я в этом клоповнике и лишней минуты быть не хочу: если не смогу идти, уползу отсюда любым способом.

Да, мы вышли в неправдоподобно нежную, тающую, весеннюю ночь. И казалось, все прошедшие события на пару минут отступили, потускнели, дали мне перевести дыхание.

...А потом вспомнилась та лютая, еще полностью зимняя ночь, последняя ночь на Майдане. И все, что было вслед за ней.

Мои Мартовские дневники будут продолжаться в апреле. В тюрьме мне встретилась девушка, которая пришла на Майдан, потому что прочитала их в Интернете.

23-24.03.06

Москва, Рогачев и Светлогорск

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ЗИМЫ

Утром 23 марта мы-таки съездили домой чуть поспать и вымыться. Уходили с Майдана большой плотной группой – так было безопаснее. А оставшееся кольцо было такое редкое, а смотрели нам вслед с таким отчаянием, что я чуть не кинулась обратно. Меня остановила только боязнь, что не выдержу еще одну ночь без отдыха.

Для ухода с Майдана была уже совместно разработана своя техника. Сбиваемся этакой «свиньёй», выходим из оцепления и строевым шагом топаем к метро. Не доходя до станции Октябрьской, быстро сворачиваем, и улочками, дворами почти бегом выходим к станции «Немига». Там садимся в метро и разъезжаемся.

Иногородних минчане звали по домам на отдых. К нам домой поехали поспать-погреться Светлана из Рогачева, предприниматель Виктор из Светлогорска и девушка Марина из Москвы. Светлана приехала на площадь с дочкой Катей. Ее муж в это время отсиживал свои сутки в Рогачеве. Москвичка Марина во-

обще приехала в одиночку, из любопытства: поглядеть на революцию. То, что она здесь увидела и услышала, так её потрясло, что она решила оставаться до конца вместе с нами.

К вечеру, когда мы втолкнули в себя по парочке пельменей и немного поспали, стало ясно, что у Марины температура. Она решила остаться дома, долго звонила в Москву и рассказывала про Майдан, звала знакомых приехать. Все остальные кое-как поднялись и поехали на площадь.

Муторная была ночь с самого начала. Единственные светлые и спокойные минуты были, когда я еще стояла вне оцепления, взявшись за руки с близкими мне людьми. На площади в то время было еще много народу, люди стояли со свечами и лампадками вокруг нашего оцепления, и было совсем не страшно. Очень не хотелось разнимать рук, но пора уже было гнать тех, кто не собирался остаться на ночь. После 12 ночи уходить с Октябрьской – дело весьма рискованное: позже я встречала не одного человека, которого при этом задержали.

Погнали мы с Асей наших друзей в шею – они собирались прийти назавтра – и нырнули в оцепление.

Первое, что я увидела – избитого парня, который лежал между палатками. Ему пытались оказать помощь. Как мне сказали, его избили за то, что он пытался пронести в лагерь биотуалет.

Когда я увидела кухню городка, пришла в ужас. Там был разброд и шатание: продукты свалены бестолковыми грудями и мешают проходить, мусор явно пару часов не убирали, черт знает, где что искать в этом бардаке. И главное, жуткая нехватка желающих все это разгрести...

Но в оцеплении стояли не каменные атланты, а живые люди, которые очень ждали горячего чаю и у которых впереди – мы так думали – была еще очень холодная ночь. Мы взялись за дело. Всё разобрали, чистенько вымели мусор, какой-то мужик раскочегарил мангалы, и мы начали кипятить чай. Конечно, на всех его не хватало. Очень горько было, когда прибегали «гонцы» с разных сторон оцепления и кричали, что там замерзают люди, есть больные, нужен кипяток развести лекарство. А кипятка было мало: в ту ночь снаружи до нас почти никто не

дошел. Три-четыре термоса принесли с вечера – и всё. Да, еще, помню, прошла какая-то женщина в час ночи, два небольших термоса пронесла на себе, привязанные резинками крест-накрест, как пулеметными лентами.

Кипяток грелся медленно, а расходился очень быстро. Девчонки-добровольцы собрались в «чайные команды». Чайная команда – две девушки, одна с термосом, другая с пластиковыми стаканчиками. Такая пара идет вдоль оцепления по внутреннему кругу и раздает всем желающим горячее питье. Парочка моих девчонок пыталась выскочить за оцепление, чтобы напоить чаем тех, кто стоял в самом внешнем кольце. Но их тут же затащили обратно. Незнакомый парень отвесил Аське подзатыльник и сказал: «Вы что, не понимаете?! Тут отошли несколько парней, буквально на 20 метров, их начали бить люди в штатском, а мы стояли и смотрели. И знали, что это провокация, и если мы кинемся на помощь, через минуту здесь будет ОМОН, «чтобы разнять молодежную драку», и пометелят под это дело всех. Но если ВАС начнут бить, мы не выдержим, кто-то обязательно выскочит из цепи! Так вот, чтобы за кольцом духу вашего не было!»

Чем дальше, тем тревожнее становилась ночь. Музыка все чаще прерывалась просьбами в микрофон: «Пожалуйста, все, кто внутри круга, станьте на периметр! Подтянитесь на правый фланг! Не поддавайтесь на провокации!»

Прибегавшие из оцепления люди рассказывали, что приходили провокаторы, несколько укормленных молодых людей с красно-зелеными флагами. Они делали все, чтобы вызвать драку: орали матом, плевались. Один из них с размаху ударил ногой в грудь человека, стоявшего в оцеплении. Тот даже не мог закрыться – руки-то взяты под локти в сцепку. Но кольцо выстояло. Никто не поддался. Говорят, они закрывали глаза, чтобы поменьше видеть ЭТИ рожи.

То с одной, то с другой стороны кольца неслось: «Гань-ба! Гань-ба!». Это был сигнал, что подходят провокаторы либо журналисты БГ. А еще с одной стороны в кольце стояли люди с юмором. Когда подходили провокаторы, они начинали петь песенку из детской «Калыханки»:

Хто ён? Дзед-Барадзед!
Абыйшоў белы свет,
А цяпер, у ціхі час,
Завітаў да нас!

И тут же на эти крики и песенку в опасные места бежали люди и укрепляли там живое кольцо.

Где-то после двух ночи прошел слух, что всех журналистов оттеснили на пяточок между Дворцом профсоюзов и проспектом Скорины. Там была инсценирована драка, все, кто был с видеокамерами и фотоаппаратами, кинулись туда и уже не вернулись. Оттуда не видно было лагеря, нас закрывал Дворец профсоюзов.

Все чаще музыка прерывалась призывами стоять крепче и держать кольцо: «Провокация! Молчим! Не отвечаем! Все, кто спит в палатках, выходите и становитесь в кольцо!»

А потом вдруг упала тишина. Полнейшая. Страшная. Музыка оборвалась, тысячная толпа застыла в таком молчании, что были слышны отдельные растерянные голоса. Мы стояли и смотрели, как на площадь выезжают бронированные автофургоны с зарешеченными окнами – «автозаки», как называли их в толпе. Выезжают и окружают нас плотным кольцом. Кто-то крикнул в микрофон: «Все мужчины – в оцепление, все девушки – на середину круга».

Ася, которая работала на кухне рядом со мной, с совершенно отчаянным лицом кинулась в цепь: хватать людей за руки, делать третью цепочку. Я ломанулась вслед за ней, кто-то из парней с руганью схватил меня за шиворот и толкнул обратно в центр: «Дура! Тебе что – жить надоело?». А потом я, честно говоря, и сама здорово перепугалась.

Потому что между автозаками появились омовцы. Очень быстро, в полнейшем молчании они окружили наш лагерь. Экипировка – как для боев с террористами: тяжелые бронезилеты, шлемы, руки и ноги в защите, дубинки, газовые баллончики. Мне чуть не поплохело, я такие чудеса видела впервые в жизни.

Говорят, было какое-то предупреждение, типа «Расходитесь, а то будет хуже». Возможно, но лично я его не слышала. Хотя в той тишине можно было громко сказать голосом, и слышно было бы на всю площадь.

Так вокруг лагеря встала черная стена. Они стояли лицом к лицу с нашим кольцом, в метре-двух от крайней цепочки. Стояли, молчали, некоторые улыбались.

Кольцо не дрогнуло! Все эти длинноволосые студенты, преподаватели-интеллигенты средних лет, пожилые люди, минчане рядом с москвичами, парень из Екатеринбурга в одном строю с украинцем из Львова – все они стояли молча, глядя в лицо качкам из ОМОНа. Кто-то пытался скандировать: «Міліція з народам! Міліція з народам!»

У аппаратуры микрофон, наверное, рвали друг у друга из рук. Валентина Полевикова, представитель штаба Милинкевича, кричала в микрофон: «Дзеткі! Трымайцеся! Вы ўсе – мае дзеці! Трымайцеся мужна! Міліцыя! Што вы робіце?! Не пралівайце крыві! Гэта ж дзеці! Гэта ж лепшыя дзеці нацы!»

Черная стена стояла. ОНИ ждали команды. Кто-то закричал в микрофон: «Садитесь на землю! Сцепляйтесь за руки!» Мы все уселись. Кто-то взял меня за плечо, слева и справа я сцепилась под локти с какими-то девчонками. Опять стало тихо.

Я вспомнила, что не залила мангалы, полные горячих углей, и стало страшно: а вдруг кто-нибудь туда рухнет лицом или руками? Попыталась вскочить, но сидящие рядом меня удержали, сказали: «Вот-вот НАЧНЕТСЯ! Сиди тихо!»

Меня колотила сильная дрожь, дышалось с трудом, сквозь стиснутые зубы, чтоб не расплакаться. Достала мобильник и позвонила одному близкому человеку: «Слушай, нас сейчас будут брать! Говори со мной, не молчи, тогда будет не так страшно!» Следующие несколько минут я описывала ему все, что происходило.

...Кто-то из наших крикнул: «Мы уходим! Пропустите нас!» Все стали скандировать: «Мы у-хо-дим! Мы у-хо-дим!» Ноль реакции.

И вот стена двинулась. ОМОНовцы начали хватать парней из внешнего кольца, пытаться вытягивать их по одному из сцепки. Сначала фиг у них получалось! Люди цеплялись за руки, за одежду друг друга, одного держали чуть ли не десятеро.

Потом я увидела страшную вещь. Из первой цепочки сидящих вскочил парень, с размаху саданул кулаком по голове соседу, схватил того за шиворот и потянул к автозаку.

Да, среди нас были провокаторы. Тут и понеслось: людей из оцепления вытягивали по одному, кого-то били дубинками, кого-то кулаками, кого-то просто волокли к машинам.

Оцепление перед нами редело на глазах. Кто-то закричал, когда перевернули мангалы. Перед нами вскочили, взявшись за руки, несколько парней, чтобы нас не стоптали. Когда этих парней начали хватать, мы вскочили тоже.

В центре лагеря уже оставались почти одни девушки. Омоновцы шли по палаткам и продуктам. Наша толпа шарахнулась отступить к проспекту, тоже не разбирая дороги по лагерю. Шли, наступая на палатки и теплые вещи, я упала, меня кто-то поднял, потом рядом тоже кто-то падал, и я его поднимала. Потом, уже ближе к проспекту вокруг меня вдруг не стало людей, мобильник отрубился, я машинально сунула его в карман, и меня крепко схватил повыше локтя омоновец в черной форме.

– Спокойно, спокойно, я не сопротивляюсь! Не трогай меня! – сказала я ему и показала пустые ладони.

Это было уже не так страшно, как смотреть на черную стену вокруг лагеря или наблюдать, как хватают парней. Он повел меня к автозаку, ближайшему ко Дворцу профсоюзов со стороны проспекта. Там была большая толпа, ОМОН пытался всех загнать в машину, но люди заходили медленно.

Тот, который меня вел, казался слегка растерянным, будто ждал чьего-то приказа. Я оглянулась на растоптанный лагерь, где полегли все палатки, где остался мой рюкзак и, что еще печальнее, моя гитара. Я беспокоилась не за вещи: было боязно, чтобы никто не влетел в раскаленные уголья на кухне. К счастью, этого не случилось. Я увидела другое – такое, что даже забыла о своем доблестном страже.

В лагере, скособочившись, стояла единственная палатка. К ней подбежали какие-то люди – не отфиксировала, были они в штатском или в форме. Они стали вытряхивать в распахнутую палатку что-то из больших пластиковых пакетов: по-моему, бутылки и какие-то мелкие вещи. Рядом с ними был человек с камерой, который снимал внутренность палатки. Больше мне не удалось увидеть, омоновец рванул меня за руку и повел к автобусу.

Прямо напротив этого автозака стояла цепь омоновцев, спиной к нам. А из-за их плеч – вспышки, вспышки, камеры! Там были оттесненные журналисты, они стояли вплотную к ОМО-Ну и снимали поверх плеч.

Так вышло, что я стояла к этой цепочке ближе всех. Сначала была мысль – вырваться и побежать прямо на камеры, попытаться пробиться к журналистам. Потом я решила, что не надо: на 90% вероятно, что поймают и избьют, если не здесь, то позже, не под камерами.

Я просто стояла и смотрела. Мне хотелось крикнуть им: снимайте, снимайте и показывайте, какие мы на самом деле! Показывайте только правду. Покажите нас людям. Пусть знают, что мы не отморозки и не откованные из стали герои. Обычные люди, как любой устроившийся на диванчике перед телевизором, из той же плоти и крови. Ваши соседи, коллеги, друзья и родственники! И нам было страшно до тошноты, и нам становилось плохо сутки за сутками на морозе, но мы все равно стояли до конца. И ни о чем не жалеем.

Я спросила омоновца, который меня держал: «И тебе не стыдно? Ты же видишь, что мы не алкоголики и не наркоманы. Ты по возрасту мог бы быть моим братом».

Он не знал, что отвечать. Ощерился и рыкнул что-то неразборчивое.

На Окрестина – 1

Белое и черное

«Живе ваша Беларусь?»

Предупреждение: прошу прощения за большое количество ненормативных цитат из речи бойцов ОМОН

В автозаке народу напихали столько, что можно было не бояться упасть в обморок от духоты – все равно падать было некуда. Кто-то молился, кто-то пел «Магутны Божа», пару человек тихо паниковали, их успокаивали.

На лавочках сидели по очереди самые слабые, кому было плохо. В конце фургона, подальше от спецназовцев, кто-то умудрился позвонить на радио «СВАБОДА». Мы старательно заглушали звонящего песней и разговорами.

«Магутны Божа» («Великий Боже»)

неофициальный гимн Беларуси

Магутны Божа! Ёладар сусьветаў,
Вялікіх сонцаў і сэрц малых !
Над Беларусыяй, ціхай і ветлай,
Рассып праменьні свае хвалы.

Дай спор у працы штодзеннай, шэрай,
На лусту хлеба, на родны край,
Павагу, сілу і веліч веры
У нашу праўду, у прышласць -- дай !

Дай урадлівасьць жытнёвым нівам,
Учынкалі нашым пашлі ўмалот!
Зрабі магутнай, зрабі шчаслівай
Краіну нашу і наш народ!

Время от времени ОМОНовцы от двери принимались орать: «Так! Поймали тишину! Молчать! А то будете сейчас по автобусу летать! У кого увижу телефон – кровью с...ать будете! Эй ты, дед, руки поднял! Чтоб я видел твои руки!»

Потом автобусы куда-то свернули, еще раз свернули. По крыше и окнам заскребли ветки. Незнакомая женщина в панике крикнула: «В лес везут!»

– Ага, стрелять вас будем, – ухмыльнулся один из охранников.

Но кто-то сориентировался, сказал: «Наверное, привезли в спецприемник-распределитель на улице Окрестина».

Когда приехали, снова был крик: «Так! Выходить по одному! Лицом к стене, суки!» Меня вывели на этот белый, белый дворик одной из первых. Грязно-белый снег, грязно-белые стены, прожекторы спят глаза. Белые лица, огромные растерянные глаза людей. А небо стало черным, в нем не было больше звезд. Черные тени плясали на белых стенах, черная форма ОМОНа вокруг. Люди выходили молча, слышен был только ор «бойцов», как переключка между собой: «Суки вонючие, революции им захотелось! Да от них воняет, как от бомжей! Алкаши, фу, сивухой несет! Наркоманы! Бомжи! Шлюхи! Всех вас надо над одной ямой расстрелять и в ней же закопать!»

«Руки к стене!» Меня толкают к белой стенке, такой холодной, что кажется, будто руки к ней сейчас примерзнут. Сзади «в затылок» ставят еще кого-то, и молодой парень становится рядом справа. «Стоять! Не оборачиваться! По сторонам не смотреть!»

Мне снова становится страшно, прямо выкручивает все внутри. Стоя руками к стене, чувствуешь себя полностью беззащитным, спина каменеет от напряжения, плечи и шею сводит судорогой.

Может, я бы и заплакала там, в белом дворике. Возможно, у меня к исходу второго часа подкосились бы колени и я села бы на снег. Но меня держали три вещи, три самых прочных стержня, которые, оказывается, есть во мне, три самые ценные

ценности, которые отковались за всю жизнь. Теперь я точно знаю, что самое дорогое нажила за 24 года.

И первая из них – это сухая белая ярость, твердо сводящая скулы. Не та, от которой багровый туман перед глазами, а та, от которой мир приобретает небывалую резкость, слова становятся холодными, а взгляд сосредоточенным. Плакать?! Черта с два увидят они мои слезы!

И вторая ценность – это были слова, которые я твердила, как молитву, потому что даже «Отче наш» там вспомнить было тяжело. Глядя в белую стену, на черную тень, я повторяла упорно, еле шевеля губами: я люблю тебя, люблю, люблю, люблю. И дальше одно имя. Все два часа. И стоять от этого становилось легче, сердце колотилось спокойнее.

А третий стержень – это неистовое, огромное желание запомнить всё, что творится вокруг, каждое слово, интонацию, каждый удар. А потом выйти из тюрьмы и рассказать всем, кому смогу, знакомым и незнакомым, в Интернете, в прессе, да просто на улице и в автобусе, рассказывать, пока будет голос.

Физически они сильнее, несоизмеримо сильнее меня. Но слово – тоже оружие.

И я смотрела, слушала, запоминала. Как омовцы подошли к мужику из «Молодого Фронта», усатому, русоволосому, в защитной куртке, стоявшему у стены. Один из них этак буднично сказал: «Ну что, старый знакомый? Сейчас мы тебе покажем, что мы ОМОН, а не кучка пидоров». И коротко, без замаха саданул его в живот. Я повернулась и смотрела, пока на меня не рывкнули: «Лицом к стене!». Но лицом к стене, когда слышишь только глухие звуки ударов, еще страшнее.

С другой стороны гоготали, видимо, проверяя документы у украинца: «Что, хохол, своего сала мало было, к нам приперся. На револю-юцию!»

Потом стали издеваться над каким-то стариком: «Смотрите, старикан-то обмочился! Обделался! Ха-ха! Куда тебе, дед, на митинг, все штаны мокрые! Смотрите, старичок обделался!»

Рядом со мной омоновец сказал парню тихо, почти ласково: «Что, прозрачное стекло, хочешь в страну вечной охоты?». Видать, осмотрелся какого-то дерьма по телевизору.

Пару раз кто-то из спецназа, видимо, офицер, выходил на крыльцо и орал: «Ну что, уроды, «живе» ваша Беларусь? Не слышу ответа!»

Все молчали, понимали, что он провоцирует. За эти дни все мы отлично натренировались не отвечать на провокации.

По справедливости сказать, так поступали не все омовцы. Были такие, которым все это было явно не по душе: они просто молчали или даже вступали в нормальный разговор. Быть может, понятие «воинская честь» все же не окончательно стало пустым звуком в Беларуси. А может, есть просто человеческие ценности, которые не сломить даже спецназовской муштрой? Хотелось бы спросить это у самих «бойцов».

На Окрестина – 2

«Я встану рядом с вами»

Протоколы

Переписав наши фамилии и отобрав паспорта, через пару часов они стали группками заводить нас внутрь здания. Несоввершеннолетних повели куда-то отдельно. Сначала пытались ставить лицом к стене, потом стен стало не хватать, и уследить за всеми было уже невозможно. Там было уже не так страшно: шумиха, теснота, в коридорах вдоль стен стоят люди, снуют туда-сюда менты и ОМОН. Практически каждого из нас охранял омоновец. Там, в коридорах, мы высматривали знакомые лица, передавали известия, пытались втихомолку позвонить родным на мобильники. Разговаривали с охранниками: в наших легких еще бродил воздух Майдана. Мы показывали им запястья, просили убедиться, что мы не наркоманы. Требовали хором алкогольной экспертизы в присутствии свидетелей. При мне НИ ОДНОГО человека на экспертизу не увели.

Это был редкостный случай понять, как мыслят и чувствуют те, кто оказался на другой стороне баррикад. Мы старались этот случай не упустить. В сотый раз отвечали на одинаковые расспросы конвоиров: нет, денег нам никто не платил. Нет, спиртного и наркотиков в лагере не было. Да, многие из нас имеют красные дипломы престижных вузов и хорошую работу.

В глазах у многих охранников была только одна эмоция – удивление.

– Тогда зачем вы туда пошли?!

Мы снова и снова говорили о лжи, фальсификациях, тоталитаризме. О правах человека и экономике. О том, что нельзя мириться с нарушением закона и исчезновением людей. Реакция была самая разная. Одни пытались заткнуть нам рот, другие молча слушали, третьи принимались спорить.

Один омоновец выдал по поводу выборов гениальную фразу:

– Ну, понятно, что 10–15% Лукашенко приписали. Но ведь и на самом деле процентов 60 за него проголосовали, а это большинство!

Другой охранник сказал еще круче. Я стала объяснять ему, что неестественная экономика, которой не дают развиваться по законам рынка, рано или поздно рухнет, и пусть тогда он вспомнит мои слова. Парень на полном серьезе ответил:

– Ну, если это произойдет, я уйду из милиции и в следующий раз сам стану рядом с вами на площади!

У одного из охранников я спросила:

– А если завтра на площадь выйдет двести тысяч и вам прикажут стрелять в людей, вы будете стрелять?

– Да, я выполню приказ.

– Сомневаться не будете?

– Нет.

Комментарии излишни.

Часов в 10 утра, наконец, завели меня в кабинет – составлять протокол. Там этих писарей милицейских было больше десятка, и каждый «трудился». У меня спросили только имя-

фамилию, где учусь и где работаю. Дальше протокол писался со слов того омовца, который меня привел.

Оказывается, ко мне два раза подходили сотрудники милиции и вежливо просили покинуть площадь (ага, прямо-таки умоляли!). А потом еще персонально предупреждали. А я, дескать, знай себе махала руками и кричала «долой Лукашенко!»

В протоколе я написала, как все было на самом деле, но это, похоже, никого не впечатлило.

- На площади были?
- Была!
- Тогда подписывайте!

За соседним столом спрашивают какого-то парня, лет 26:

- Где учитесь, работаете?
- Белорусский государственный университет!
- Факультет, курс?!

И тут парень гордо выпрямляется и заявляет:

- Я вообще-то, знаете, там преподаю!
- Так и запишем!
- Пишите, пишите!

24.03.06

На Окрестина – 3

Легенды. Невидимка в валенках

Синий «Фольксваген»

После протоколов у нас отобрали сумки и мобильники и затолкали в большую камеру с двухэтажными нарами. Те несколько часов, которые мы там сидели, люди лихорадочно рассказывали друг другу все, что они видели и слышали на Майдане, жадно слушали друг друга.

Оттуда, я думаю, пошло гулять немало крылатых, уже полуполю- легендарных рассказов.

Например, о знаменитом дедушке-ветеране, который неведомо каким способом сумел пронести на площадь две пары валенок, да еще и с калошами. На одном валенке синенькими нитками было вышито «Свобода».

С этими валенками потом вышла, как рассказывают, очень интересная история. Ту самую пару, со «Свободой», одела в последнюю ночь какая-то девушка, чтобы не отморозить ноги. Во дворике на Окрестина ее поставили у самой стены рядом с задержанным журналистом-канадцем. За ними «в затылок» стояло еще довольно много людей. Шум, гам, людей по одному, по двое начинают отводить в здание, чтобы составлять протоколы.

И тут девушка говорит: «Надо снять валенки и одеть ботинки, а то снимут нас на камеру и станут говорить: вот какие бомжи собрались на площади – в валенках».

Она аккуратно снимает валенки, прячась за спины, достает из рюкзака свои ботинки, ногами на снег – и переобулась. А валенки тихонько ставит у окрестинской стены.

Когда почти всех уже увели, у стенки остались стоять канадский журналист и... валенки! Тут милиционеры засуетились. Они никак не могли взять в толк, откуда там взялись валенки. Кто-то сбежал и бросил их – чтоб не мешали? Или это невидимка стоит в валенках? Все так страшно серьезно, а тут – одинокие валенки, поставленные к стенке.

Один из милиционеров предложил канадцу, чтоб тот забрал эти валенки с собой – как сувенир на память о Беларуси.

Как мы узнали потом, талисман из валенок получился, прямо сказать, никакой: вляпали канадскому гражданину в белорусском суде 15 суток. Кстати, позже я встречала парней, которые с ним сидели. Говорят, держался посланец северной державы очень неплохо. Единственное, что сказал после суда: «Я за несколько дней увидел здесь столько нарушений прав человека, сколько не видел за предыдущие 20 лет».

В камере на «Крестах» (так с чьей-то легкой руки мы начали называть приемник-распределитель на Окрестина) я впервые услышала замечательный анекдот:

В ночь на 23 марта милиция останавливает машину на подступах к Октябрьской площади. Досматривают машину. Милиционер водителю, грозно:

- Еду, горячий чай, теплые вещи – везете?
- Нет, нет, упаси Боже!
- А что везете?
- Да так – сигареты, наркотики, водочка...
- А, ну проезжайте, проезжайте!

Еще одну «автомобильную» историю рассказали очевидцы. В те дни ГАИ запрещало легковым машинам останавливаться на Площади. А если кто, проезжая, сигналил демонстрантам, тут же фотографировали машину и записывали номера, а чуть подальше останавливали и проверяли права.

И вот проезжавшая легковушка сигналил лагерю. Мгновенно подскакивает гаишник, машет палочкой, тормозит эту машину буквально через 300 метров, возле Нулевого километра. Водитель спокойненько подчиняется, выходит и протягивает постовому документы.

А в это время с заднего сидения легковушки выбирается мужик с огромной сумкой и радостно чешет прямиком в оцепление.

Интересно было вспоминать, как люди проносили палатки. Но эти ухищрения мы пока описывать не будем.

Может, еще пригодятся...

Там же, на Крестах, мне рассказали Историю о Секретаре БРСМ. «Герой нашего времени», вполне поверивший сообщениям БТ и газет, в искреннем возмущении приехал на площадь посмотреть на «гносных уродов», «укуренных отморозков». И чем-то не понравился товарищам из спецназа. Когда ему заламывали руки, он орал: «Что вы делаете?! Да я же секретарь БРСМ! Да я же сам за Лукашенко голосовал!» Однако ни ментов, ни судью это особо не тронуло. Дали болезному 10 суток и отправили сидеть в камеру с «политическими». Ребята старались относиться к нему терпимо и с пониманием: все-таки их много и они все вместе, а он один. Но, говорят, было ему всё-таки очень не по себе.

Так мы сидели и развлекались историями. А еще – пели, потому что иначе некоторые могли и заплакать. Особенно девочки-студентки 1-2 курсов. А таких хватало. Они думали о том, что скажут им родители и как жить дальше, если их отчислят. Мы им рассказали, что совет ректоров польских университетов принял решение всех отчисленных студентов из Беларуси принимать доучиваться в Польше. Там даже организован специальный фонд имени Кастуся Калиновского.

– Так что не реветь, студенты! Доучитесь в Варшаве!

Но каждый понимал: Варшава – это, конечно, неплохо, однако уезжать из страны никому не хочется. И непонятно, как потом возвращаться обратно. Будет ли действовать в Беларуси диплом европейского образца? Не окажутся ли эти девочки ненужными своей Родине?

Где-то после обеда (в смысле, обеденного времени, потому что кормить нас, естественно, никто не стал) лязгнул в двери замок.

– На выход! Всем стать лицом к стене!

Странно, но после какого-то раза перестаешь воспринимать такие вещи как нечто неестественное, отвратительное. Психика, спасая свою целостность, адаптируется к ненормальным условиям. Командуют – становишься. И сам пугаешься своей тупой готовности подчиниться.

– Сейчас мы вас отведем в автобусы!

– Куда вы нас везёте?!

– Куда-куда? На суд!

Идем по какому-то коридору, спускаемся в еще один внутренний дворик, где стоят автобусы. Стекла выше половины затемнены, на них наклеена темная пленка. В автобусе четверо омонцовцев с дубинками и газовыми баллончиками.

– Сидеть тихо! В окна не высовываться, не кричать!

Мы притихли. И вдруг кто-то показывает на забор: над ним высовывается человек с фотоаппаратом.

– Журналисты! Нас ждут журналисты! – выкрикивает кто-то. Лица в автобусе приметно веселеют.

Выезжаем за ворота и сразу как вспышка в глаза – у ворот стоит толпа, человек с полсотни. Стоит уже явно далеко не первый час.

– Там моя мама! – отчаянно кричит, вскакивая на ноги, девчонка-первокурсница. Автобус взрывается криком. Мы вскакиваем, принимаем к окнам там, где они прозрачны, колотим ладонями по стеклу, машем руками. Рев омоновцев никого не останавливает. Там, снаружи, под колеса летят цветы.

На повороте наперерез автобусу кидаются люди. Мелькают фотоаппараты, камеры. Кто-то рядом плачет, но это скорее слезы радости.

Это было очень важно: почувствовать, что мы не остались один на один с Системой, что нас поддерживает множество людей, что нас не оставят в беде. Это было не менее важно, чем вода или еда. А может быть, на тот момент – даже и более.

Сразу же на выезде, не успели мы вывернуть на улицу, за нами плотно пристроился синий микроавтобус «Фольксваген». Рядом с водителем сидела женщина с фотоаппаратом, и кто-то еще был на заднем сидении. Весь автобус зашептался: «Правозащитники, правозащитники». Мы махали им в заднее окошко, и они отвечали нам, высовывая руки из боковых окон. За микроавтобусом шла колонна из нескольких легковушек, одна девушка узнала среди них машину своих родителей.

«Фольксваген» в голове «погони» шел за нами очень аккуратно, плотно, ровно, не отставая на светофорах и поворотах, через весь Минск. Мы выглядывали в окна, несмотря на все окрики. Пару раз останавливались на красный свет бок о бок с городскими автобусами. Мы пытались как-то просигнализировать пассажирам, махнуть рукой. Бесполезно. Погруженные в себя, безразличные люди, непонимающие лица. Как будто они живут в каком-то другом городе, как будто не их коллег, знакомых, сограждан молотили вчера на Октябрьской! «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!»

А возможно, они действительно НИ-ЧЕ-ГО, ничегошеньки не знали. Когда я думала об этом, у меня просто руки опускались. Но стоило глянуть на синий «Фольксваген», неотступно следовавший за нами, на старый добрый «Фольксваген», похожий на верного пса, и тоска и страх сразу отпускали.

24.03.06 (Первые сутки)

Вечер. Ложь. Без воздуха

Когда мы въехали за какие-то ворота, и за нами закрылась решетка, все подобралось. Невыспавшиеся, голодные, мы собирали все оставшиеся силы и готовились выступить в суде. Однако сначала нас по очереди отвели в какие-то очень тесные каморки-карцеры, метра два на два, без окна, с единственной деревянной лавочкой. В каждую набилось по 6-7 человек. Там мы провели еще часа три, всё ещё не понимая, где находимся. На наши расспросы ни один милиционер не отвечал.

Что меня поразило больше всего в обычаях и нравах нашей пенитенциарной системы за все 10 суток – так это какая-то сутливая вороватость, подлая скрытность, привычка к вечной лжи. Обман, обман и еще раз обман: мы быстро поняли, что ни одному человеку в милицейской форме верить просто-напросто НЕЛЬЗЯ. Почему от нас скрывали, где мы находимся? Было в этом что-то от похищения: невозможно ни позвонить родным, ни узнать, куда тебя привезли. Как я выяснила позже, моя мама в тот день посмотрела новости на Белорусском телевидении, услышала официальное заявление, что всех девушек с площади отпустили домой, и успокоилась. Она свято уверовала, что я уже дома, пыталась дозвониться на мобильник. Меня давно умиляла эта наивная привычка верить нашему государству.

Ближе к вечеру к нам прорвалась на несколько минут женщина-адвокат, Нина. Она быстро записала телефоны наших родных и обещала всем позвонить. Так вот, если бы не этот звонок, мама, наверное, десять суток металась бы, пытаясь меня отыскать.

От Нины мы и узнали, что суда сегодня не будет, а находимся мы в изоляторе временного содержания УВД Минского района, на бывшем Староборисовском тракте, а нынче – улице Франциска Скорины.

Не то чтобы это кого-то сильно шокировало... Основные радости знакомства с тюремной жизнью были еще впереди.

Выводят из клетушки по двое, тащат в камеры для досмотров. Заморенная девушка досматривает тщательно, приказывает раздеваться, ощупывает одежду, осматривает обувь. Молча сочувствую ей: это ж надо было учиться где-нибудь на юрфаке, чтобы угодить на такую собачью работу! Ведёт себя, однако, корректно и вежливо, обращается на «вы». Но две таблетки «Но-шпы» взять в камеру не разрешает. Объясняю, что без этих таблеток меня вскоре буквально скрутит морским узлом. Ноль реакции.

– Не положено!

Долго и дотошно составляет список мелочи в моем кошельке. Трудлюбивая попалась девушка. Чуть высунув язык, считает:

– Купюр номиналом 1000 белорусских рублей – две.

– Номиналом 500 белорусских рублей – три.

А еще она считает сотки, пятидесятки и даже двадцатки. Удаться можно! Старательно записывает «гривну украинскую, одну», завалившуюся со времён большого стопа через Молдову, Украину и Россию. И оттуда же – одну молдавскую лею. Записывает давно недействительный проездной питерского метро и немецкую коллекционную монету 1935 года. Уф-ф! Подписывает длиннющий лист. Чего только не валяется в моих карманцах!

На меня нападает какое-то нервное хихиканье. Юмор висельника, попытка защититься от ненормальной реальности. Юмор и легкая отстраненность, как будто все происходящее видишь в кино – такое настроение защищает психику, как хорошая броня.

Лысый гэбэшник, в очках, в штатском, ведет меня по мрачному коридору, мимо тяжелых темно-синих дверей. С первых секунд, как только я его увидела, он напомнил мне холодную ядовитую змею с тяжелым взглядом.

Забегая вперед, скажу, что первое впечатление меня не обмануло.

На пороге камеры останавливаюсь: глаза с трудом привыкают к полумраку. Накурено – хоть топор вешай, из сигаретно-

го дыма vyplывают человеческие лица и детали немудрящей «обстановки».

Итак, в камере есть:

«Санузел», одна штука. Назвать сие место «санитарным» можно только с особо злобным цинизмом. Видели вы когда-нибудь старый каменный туалет на обветшавшем вокзале? Дыра в каменном полу, в углу возле двери, отделённая от остальной камеры стеночкой в половину человеческого роста. Над дырой, на стене – трубка водопровода с двумя кранами – верхним и нижним. Из крана течет ледяная вода с сильным привкусом ржавого железа. Вот и вся «санитария». Окошечко в двери, называемое «кормушкой», открывается как раз напротив этого славного места, на уровне пояса. И значит, при каждом «посещении» между санузлом и дверью должна выстраиваться живая «стенка»: в охране-то одни мужики.

Окно. Напротив двери, в дальнем конце камеры. Поражает оно не меньше чем... с позволения сказать, санузел. Я как-то традиционно представляла себе тюремное окно как «небо в клеточку». Но, как оказалось, небо, пусть даже и в клеточку, для нас – недопустимая роскошь.

Из этого окошка неба не увидишь. Оно забрано не решеткой, а чем-то, напоминающим распрямлённый дуршлаг. Как будто взяли металлический лист и набили в нем маленьких круглых дырочек. В них еле пролезет тонкий карандаш. Что за этим листом, какое там стекло – разглядеть невозможно.

Под окном располагается лежак. Он напоминает сцену в маленьком сельском клубе – деревянное возвышение, мне где-то по колено, от стены до стены, занимающее чуть меньше трети камеры. Голые доски – но это, конечно, лучше, чем спать на ледяном каменном полу. Гуманизм...

И больше ничего – голые стены, голый грязный пол. Дырочки «окна» не светятся – значит, уже вечер. Единственным источником света становится лампочка. Она торчит над дверью, за мелкой решеткой вентиляционной отдушины. Свет ее – омерзительно желтый и режет глаза. Она горит круглые сутки.

Все это мы еще изучим, промеряем вдоль и поперек.

А пока я смотрю на лица, выплывающие из сизой сигаретной полутьмы. Пол слегка покачивается под ногами – наверное, я сильно устала.

– Ты с площади?

– С площади.

– Жыве Беларусь!

– Жыве!

Навстречу мне со «сцены» поднимается девушка, чтобы потесниться, и я не могу сдержать улыбки. Вот где она всплыла, вторая пара легендарных валенок с Майдана! В них утопает симпатичная рыженькая Юлия Ахмадеева, студентка факультета международных отношений БГУ. В процессе знакомства к ней быстро приклеилась кличка «Дипломат в валенках».

Кроме Дипломата, у нас в камере получили «профессиональные» клички:

Художник – студентка Глебовского училища Настя Чеховская.

Фотограф – высокая, худая, чернявая, очень громкая Ирка Завадская.

Экономист – Таня Дедок, Белорусский государственный экономический университет,

Медик – Вика Сахарчук, Белорусский государственный медицинский университет.

Нас всех еще переполняют воспоминания о пережитом штурме. Рассказываем друг другу, кто где стоял, кого как брали. Пытаемся восстановить подробности. Выясняется удивительная вещь. У многих из нас остались в памяти лишь какие-то фрагменты, из которых никак не склеивается цельная лента воспоминаний. Провалы между фрагментами – от нескольких секунд до нескольких минут. Кто-то не слышал крика в микрофон. Кто-то в упор не помнит, как его запикивали в автозак.

В психологии это называется «состояние аффекта».

Наша Медик осторожно ощупывает свой подбородок.

– Посмотрите, как это выглядит?

Мы смотрим. Молчим. Даже в полумраке камеры выглядит «это» плохо. Во время штурма омоновец выбил у Вики из рук термос с крутым кипятком. Профессионально, как выбивают оружие у особо опасного преступника. Она едва успела вскинуть голову. Можно сказать, повезло: большая часть лица цела. Но подбородок все-таки обварило.

– Девчонки, волдыри есть?

– Есть.

Весь подбородок красный, среди этой красноты надулись еще и какие волдыри! Что-то лопнуло и сочится бесцветной дрянью. Конечно, это надо обработать. Принцип «врачу, исцели себя сам» не проходит: в камере нет медикаментов. Вика решительно встает и стучит в дверь.

– Вызовите врача!

– В изоляторе временного содержания врач не положен!

– Мне срочно нужна помощь!

– В таких случаях мы вызываем скорую

– Тогда вызовите «Скорую»!

– Сейчас пойду, доложу начальнику.

Через час мы снова начинаем молотить в дверь. Список нуждающихся во врачебной помощи пополнился: у Насти начался сильный приступ гастрита.

– Вызовите скорую!

– Я же сказал, доложу начальнику. Начальник разберется.

Еще через час приходит начальник тюрьмы.

– Чего вам надо?

Мы в очередной раз требуем «Скорую». Был бы кто с астмой или сердечным приступом – за это время десять раз помер бы.

Через три часа долбления в двери и криков приезжают врачи. Настю и Виду забирают в больницу. Обгорелыми спичками на клочке бумаги мы нацарапываем им телефоны друзей. Попросить в больнице телефон. Позвонить такому-то. Передать, где мы находимся. Сказать, чтоб не волновались.

Все, кто сильно кашляет, тоже просятся на осмотр.

Меня слушает хмурая женщина. Я рассказываю ей про Майдан. Она прерывает меня :

– Зачем вы хотите разжечь войну?!

Как говорится, «так великого комбинатора еще никто не называл...» Этот тезис даже мне в новинку. Значит, протестовать против лжи нарушения законов есть разжигание войны? Театр абсурда...

Диагноз: Белорусское телевидение. И значит, надо пользоваться случаем, рассказывать правду. Хотя бы так – глаза в глаза, кому сможешь. Если не переубедить, то хотя бы заставить усомниться и задуматься.

Тюремные реалии подогнаны под одно требование: сломить волю. Напугать. Подчинить.

Вечерний обход часов в 11 ночи. Всех выводят из камеры, строят у стены и проводят переключку. Еды по-прежнему нет, но есть никто не хочет. А вот спать... После обхода уже подумываем, как бы нам вдвенадцатером уместиться на «сцене». Но дверь снова открывается. На пороге – несколько людей в форме, начальник тюрьмы, охранники.

– Вставайте, сейчас будем пальчики откатывать!

Не сразу доходит, что это означает дактилоскопию. Мы в растерянности. Разве мы уголовники? Идти или нет?

Это уже потом нам объяснят, что до суда брать отпечатки у задержанных они не имели права. А сейчас начальник тюрьмы угрожает:

– Кто пальчики не откатает, все 10 суток передач получать не будет!

Врет, конечно. Не сразу, но получит свои передачи единственная «забастовавшая» камера, где сидели умные женщины в возрасте. Но мы-то этого не знаем. Мы представляем себе 10 суток в холоде, на голых досках, без еды и, пардон, туалетной бумаги.

Все-таки идем. Хотя сейчас я уверена, что следовало отказаться.

Снятие отпечатков превращается в получасовую отвратительную процедуру. Нас фотографируют в профиль и анфас, будто эзков, с какими-то гадостными полосатыми номерочками в руках – ну просто как в кино! Снимают на камеру, задают вопросы.

Я начинаю понимать, что весь этот аттракцион в стиле ГУЛАГа имеет скорее психологическое, чем практическое значение. В очередной раз горестно жалею, что не пошла получать второе высшее образование на юрфак. Четкое знание своих прав – вот чего нам не хватает. И ОНИ этим пользуются – нагло и бессовестно.

В камере с руганью пытаемся отмыть с ладоней черную едкую краску. Вода в трубе над санузлом – просто ледяная. С остервенением тру ладони.

После всего этого долго не можем успокоиться. Наконец накопившееся изнеможение берет свое. Народ начинает валиться на «сцену» и засыпать. Не снимают, а наоборот, поплотнее застегивают куртки: по камере всюю гуляет холодный сквозняк, от пола тянет морозцем.

Засыпающим я пою колыбельные, которые на самом деле совсем не похожи на колыбельные: первая из них – это «Идиотский марш» Олега Медведева.

Кругом зима, опять зима, снега черны, как всегда.
Они привыкли растворяться во тьме.
Кругом чума, опять чума, твои пусты города –
Они привыкли плыть по этой чуме...
И кто-то может слушать Боба, кто-то – «Ласковый май»...
Почем пророки в идиотском краю?
Гитару брось и бабу брось, и как жену обнимай
Обледенелую винтовку свою.
Который год скрипит земля, но мир светлее не стал,
Тебе всё это надоело – и вот
Поет труба, присох к губам её горячий металл:
Она друзей твоих усталых зовет.

И ты был слаб, и ты был глуп – но все мосты сожжены,
Их не вернуть, они не смотрят назад.

И ты встаёшь, и на плечах твоих рассветы весны

Как генеральские погоны, горят...

«Марш» длинный, а потом еще несколько песен на стихи Владислава Крапивина. Почти все слушатели уже вытянулись на досках и закрыли глаза.

Забавно: песни, которые я люблю уже очень-очень долго, оказались написанными как будто сегодня, как будто в этой камере, как будто после Площади.

Долго сижу и смотрю на спящих: не могу взять в толк, как мы все здесь уместимся. Кристина будит всех и командует сдвинуться, люди ложатся очень плотно на бок, прижимаются друг к другу. И все равно – хоть плачь – все выдохнули и максимально сплющились, а двоим места не хватает.

Мы отодвигаем от стены Любу Титову, маленькую худенькую девочку, черноволосую, с огромными черными глазами, как у византийских святых. У нее очень нехороший кашель – глубокий, надрывный. Не стоит ей лежать всю ночь, прижавшись спиной к холодной стене. А у меня всё-таки походный опыт, пару раз даже ночевала зимой на снегу.

Через шесть дней и у меня будет такой кашель, как, впрочем, у доброй половины девчонок. Но и тогда будут находиться люди, которые отодвинут меня и лягут спиной к стене.

Двое девушек, которые не вместились, ложатся сверху, попере́к ног. Я засыпаю, будто проваливаюсь в темноту: ни снов, ни страха, ни-че-го. Последнее ощущение: хочется пить, но вода из крана над «санузлом» внушает отвращение даже дистанционно. Не встану...

То, что случилось в эту ночь, потом будет сниться мне еще не раз. И каждый раз я буду подскакивать в холодном поту.

Среди ночи я проснулась оттого, что начала задыхаться. Грудь сдавило удушье, воздуха как будто не стало, нечего было вдохнуть. Я в ужасе открыла глаза: режущий, тоскливый, свет

лампочки пробивался как сквозь желтое облако хлора. И тишина, тишина и панический страх... Неужели в камеру пустили газ?! Почему никто не чувствует?! А может, все уже умерли? Я спросонок начала тормозить соседей, пара девчонок, которые еще некрепко спали, подскочили, стали меня успокаивать. Тут наконец-то я смогла вдохнуть, поняла, что это что-то прихватило меня одну, а с остальными все в порядке. Но еще полчаса не могла заставить себя лечь обратно. Мне казалось, как только лягу, тут же стану снова задыхаться.

Не одну ночь потом, даже на свободе, я просыпалась от приступов удушья, и мне казалось спросонок, что желтые круги в глазах – это желтые лампочки.

25.03.06 (Вторые сутки)

«Гэты горад будзе наш». Белый тюльпан

С утра сыграли в «снежный ком», более-менее выучили, как кого зовут, кто где учится. Беседуем, спорим на политические темы, периодически скандируем «антиправительственный», если верить протоколам, лозунг «Жыве Беларусь!» Поем. Стоит начать – и подхватывают все камеры, переполненные «политическими»! Споет одна камера – другая ей аплодирует и орет: «Мо-лод-цы!» Тюрьма гудит, как гулкий корпус гитары. Открывается дверь:

– Ну вы совсем уже обнаглели! «Черемухи» нюхнуть захотели?!

Непонятно, почему в дневное время нельзя петь. Но молчим: зачем зря злить и провоцировать? И в этом молчании слышим, как в камере напротив запевают:

Калі раптам адчуеш камунальныя пахі
І жыццё цябе возьме ў пятлю, –
Зразумееш тады, што тры чарапахі
Па-ранейшаму цягнуць зямлю!

Утихомиривать бесполезно. Это как моровое поветрие. Либо всех избить до полусмерти, либо просто делать вид, что ничего особенного не происходит. Люди в форме выбирают второе. Хоть и маленькая, но победа.

С прискорбием обнаруживаем, что половина «сидельцев» не знает песню НРМ «Одзыридзидзина». Разучиваем её так, что дрожат стены:

Мы закрычим: «На абардаж!»

І гэты горад будзе наш!

Что там происходит, в этом городе? К вечеру нарастает нервное напряжение. Мы знаем, что сегодня планируются массовые шествия. У каждого из нас на свободе – друзья и родные. Я думаю, что мои друзья – не из тех, кто будет отсиживаться по домам. А в особенности – тот человек, который слышал в 3.15 ночи мое дыхание сквозь стиснутые зубы и – «нас, кажется, сейчас будут брать» – описание штурма и крики. А потом – равнодушный мелодичный голос оператора: «Абонент выключен или находится вне зоны действия сети»...

И всё, можешь бессильно лупить кулаком в стену, жать и жать клавишу вызова на мобильнике, ненавидеть ни в чем не повинный равнодушный голос...

Информация – вот чего нам не хватает еще больше, чем света и воздуха. К вечеру хотелось просто лезть на стенку. Стучим в дверь, упрашиваем охранника:

– Только скажите, что происходит в городе?! Ну хоть полслова, ну неужели вам трудно? Никто не услышит!

Охранник кривится.

– Ничего там не происходит! Всё тихо, спокойно. Пришли на площадь 300 пьяных подростков, за ними приехали родители и разобрали всех по домам.

Явно врёт, и врёт неумело. Мы настораживаемся: если врёт, значит, есть что скрывать.

В обед приносят еду, но, глянув на эти вонючие котлетки с прозеленью, мы принципиально отказываемся. Ничего, уже

начали носить передачи, проживем! Это было почему-то очень важно: в рот не брать тюремной еды. Из того, что там давали, мы брали только кипяток и иногда чай – мутный, с отвратительным привкусом, наводящим на самые нехорошие мысли.

Каждую передачу встречаем криками и аплодисментами. Судя по выражению лиц охранников, там, у ворот, стоит толпа желающих. Вот только жаль, мало кто догадывается передать теплые вещи или спальник.

Кто-то из девчонок, получая передачу, вскрикивает: «Ой! От кого это? Фамилия-то незнакомая!» Такая-то такая-то, пенсионерка, проживает на проспекте Машерова.

Мы стараемся заучить адрес, чтобы потом позвонить и сказать «спасибо».

В одной из первых же передач, 25 марта, мама сумела отправить мне белый тюльпан. Редчайший случай: его разрешили передать. Вообще цветы приносили многие люди, но передавать их было запрещено. Наверное, цветы теперь – тоже «оружие оппозиции».

Не знаю, как уж маме удалось уговорить принимающих. Но она все-таки педагог высшей категории, моя мамочка. И вот – в нашей камере, на узеньком каменном подоконнике красуется белое диво.

Мне кажется, что от него редеет полумрак в камере. Украдкой то и дело поглядываю: он настолько «не отсюда», что, кажется, вот-вот исчезнет, как призрак.

День кончается, а информации все нет. Остаётся надеяться, что все наши близкие живы и на свободе. Впервые чувствую, что мы в ответе за тех, кто пошел за нами.

26.03.06 (Третьи сутки)

45 тысяч. Happy birthday!

Этот день, как и предыдущий, начинается для меня с зарядки. Зарядка – нечто принципиальное, вроде решения не есть тюремной еды. Пока смогу – буду делать. Качать пресс, от-

жиматься, приседать. Жаль, что никого больше не удалось подвинуть на такое дело: вместе было бы веселее.

Весь день мы ищем в передачах записки. Одну нашли в шоколадке, а еще одна была написана в книжке Стивена Кинга. Карандашом, между строчек, торопливым бегущим почерком. Мы читаем ее вслух.

«Доченька, держись! Мы все с тобой. Вчера в Минске был огромный митинг. На улицы вышло 45 тысяч людей. Люди пытались пройти к приемнику на Окрестина. На проспекте Дзержинского была драка».

Пять минут после этого камера ревет во все горло «Жы-ве Бе-ла-русь!»

Действительно, «живе».

Мы начинаем проситься на прогулку: очень хочется увидеть небо. Несколько соседних камер тоже скандируют: «Гу-лять!» После долгих просьб и переговоров нас-таки выводят во внутренний дворик. Он окружен бетонными стенами и сверху накрыт решеткой. Но все-таки – небо! воздух!

На снегу замечаем надпись, вытопанную теми, кто гулял до нас.

«На улицах было 45 тыс. 1 парень погиб».

Возвращаемся в камеру будто пришибленные. Надеемся, что это только пустые слухи.

После обеда мы узнаём от словоохотливого охранника, что в соседней камере есть именинница. Кому-то привалило счастье отмечать за решеткой девятнадцатилетие.

Десять минут уговариваем милиционера передать имениннице нашу главную ценность – тюльпан. Он мнется, боится, что его накажут. И все-таки передает, прямо в пластиковой бутылочке из-под минералки.

Мы слышим аплодисменты, выстраиваемся возле двери и во весь голос выдаём «Happy Birnhday to You». Жаль только, имени не знаем.

Завтра суд, но это как-то мало волнует. От нас ничегошеньки не зависит. Подозреваю, что сейчас те, кто на свободе, волнуются куда больше нас.

Изначально настраиваемся на 15 суток. Если дадут меньше, пусть это лучше будет «приятный сюрприз».

27.03.06 (Четвертые сутки)

Суд. 80 искалеченных ОМОНовцев

Милинкевич с народом

С утра в камере суматоха. Приводим себя в порядок: не хочется выглядеть на суде плохо. Из четырех своих свитеров выбираю самый приличный, хотя и самый холодный. Решила «рискнуть здоровьем»: мою голову под ледяной водой. Кожу под волосами сводит болью – так холодно.

Долгая, муторная погрузка в автобусы. Опять за нами, как на поводке, бежит верный синий «Фольксваген». Только в этот раз везут не через город, а через кольцевую дорогу. Это вызывает ехидное хихиканье: «Что, бояться, что отобьют?»

Когда прибываем на место, наш Медик показывает в окно:

– А вот и мое общежитие! Вон мое окно, справа!

Суд Ленинского района заседает во Дворце правосудия, рядом с мединститутом. Ирония судьбы...

Опять каменные карцеры-«туалеты», по 5-6 человек в каждом, и ни окна, ни лампочки не предусмотрено. Ладно хоть, двери в них полностью не закрывают. Высматриваем знакомых среди проходящих мимо людей, которых по двое выводят на суд.

Охранники рассказывают, что приговор сильно зависит от того, к какому судье попадешь.

– Если мужчина, то нормально. Он дает 4-7 суток. А вот баба тут есть одна, так она знает только два срока – 10 и 15 суток.

Естественно же, я попадаю к этой самой «бабе». Кому не везет – так с детства. Судья Протосовицкая Н.В. судила исключительно девушек и меньше 10 суток не давала.

В ожидании суда мы дискутируем с очередным охранником. Не зная, как опровергнуть наши аргументы, он выкладывает, как последний козырь:

– Да ваши же – звери! 25 марта покалечили 80 омоновцев!

Челюсть у меня отвисает до полу. Сначала пытаюсь представить масштабы такого побоища. Потом становится смешно: чем же их покалечили – цветами, что ли? Через полдня я узнаю, что даже официальная пресса, и та назвала цифру всего лишь восемь пострадавших спецназовцев.

Заседание суда напоминает фарс. Люди, которые уже в нем поучаствовали, передавали: тот, кто говорит по-белорусски, требует адвоката, пытается «качать права», неминуемо получает по максимуму. Так и есть: вот отхватила 15 суток хрупкая «белорусочка» Инна.

Становлюсь за деревянную трибунку, до смешного похожую на университетскую кафедру. От этого сходства как-то спокойней на душе.

Будем валять дурака: все равно пламенные речи здесь услышат только менты, правозащитники и корреспондент агентства «Рейтер».

Мне зачитывают рапорт милиционеров, которые якобы наблюдали, как я размахиваю руками и выкрикиваю лозунги на Площади.

– Признаёте ли вы свою вину?

– Нет. Лозунги я не выкрикивала и руками не размахивала. Может быть, господа милиционеры ошиблись?

– Ну, на площади вы были?

– Была!

– (Пишите: свою вину признала.) А что вы там делали?

– Чай пила.

– И часто вы ходите пить чай на Октябрьскую площадь в три часа ночи?

– Да нет, только в последнее время что-то зачистила...

Наконец-то я становлюсь счастливым обладателем срока в 10 суток за нарушение статьи 167 ч.1 КоАП РБ и загадочного протокола, где обо мне сказано: «Уроженка г. Украины». Конечно, не все любят Украину, но чтоб настолько...

Выходя с заседания суда, в коридоре лицом к лицу сталкиваюсь с Александром Милинкевичем. А.МИ с народом: один из его сыновей получил, как говорят, 15 суток. Улыбаюсь ему как можно бодрей. Поменьше бы он мучился угрызениями совести! Не он нас позвал ставить палатки, не ему и мучиться виной. Сами пришли, сами скандировали в ответ на осторожные предложения разойтись: «За-ста-ем-ся!» ТАКИЕ решения каждый принимает только сам. Так что нечего ныть, будто он нас предал и бросил. Если б его загребли вместе с нами, лично мне от этого бы нисколько не полегчало.

Все-таки хорошо, что А.МИ на свободе. Будь он в ночь штурма в городке, абсолютно ничего бы от этого не изменилось. Как показала история с Козулиным, у нас накидать по лицу публичному лицу – это раз плюнуть. А так, глядишь, сделает что-нибудь полезное.

28.03.06 (Пятые сутки)

Самое важное событие дня (лично для меня) – мне наконец-то передали вождеденную ручку, тетрадь, книги! Начиная с этого дня, я вела записи в тюрьме. Вот они.

28.03.06

Ночь

Полет нормальный.

Сейчас тихо, редкие минуты, когда я могу писать. Обычно вокруг стоит шум и гомон.

Сегодня мне стало интересно, что снится людям в камере? Девчонки говорят, ночь за ночью снится Майдан. Аресты снят-

ся. Одной девушке приснилось, что ее пришли брать по уголовному делу, и она убегает, убегает, убегает...

– Мне снится, что в каком-то заброшенном доме мы с теми людьми, которые стояли в кругу, ставим какие-то опыты. И вывели огромных крыс, а они убегают от нас.

Хорошо, что кошмары меня пока не посещали. Сегодня ничего не снилось. А вчера снилась река. Огромная, светлая, чистая, красивая. С множеством тихих затонок и заводей, где купались дети, а взрослые катались на лодках. И над всем этим – чистое свежее весеннее Солнце. Оно дробится тысячами искр на воде и на молодых листьях.

Надо уходить в свои сны отдыхать. А солнца мы не видим. В камере вечный полумрак.

Всё это порою кажется диким и странным. Нормальная реакция. Надо покрепче следить за собой, чтобы не захлестнула однажды с головой моя клаустрофобия, не возникло дикое, иступленное желание кинуться к двери, молотить об нее кулаками, разбить себе голову – лишь бы увидеть Солнце.

Камеру мы промерили спичечным коробком и Иркиным ростом. Вышло где-то 3,20 на 5,50. Значит, на лежаке от стены до стены на каждую из нас приходится полоска по 32 сантиметра в ширину.

Пытаемся сделать вешалку для полотенец. Мы разломали пластмассовую ручку, теперь стараемся ботинками забить хоть один обломок в дырочку в стене.

Ира, наблюдая за нашими попытками, саркастично замечает с лежака:

– Ручки кривые! Двоечники! И чему вас только в лагерях для боевиков учили?!

В отместку, по-детски наивными глазками глядя на нашего Фотографа, рассказываю любимую страшилку:

Мы вчера пришли из цирка
И пилой пилили Ирку.
Та орала и дралась
И обратно не срослась!

Ирка хохочет и пытается ухватить меня за ногу.

28 марта прошло довольно спокойно.

В кои-то веки вечером нам стали давать кипяток для бытовых нужд. По 300-граммовой кружке на брата (пардон, сестру).

Научила народ играть в «Контакт». Впереди еще большая культпрограмма: «Мафия», «Крокодил», «Ассоциации», конкурс анекдотов и баек на 1 апреля. И вчера, и сегодня по вечерам мы травим байки и хохочем так, что гудят стены. Разминаемся перед конкурсом.

Надо, действительно, как-то разнообразить занятия. А то все прошедшие дни норовят слиться в одну бесконечную череду. Тюрьма отупляет. Чтобы написать здесь «Утопию», надо быть несгибаемым Томасом Мором, канцлером Британии. Тут кроссворд-то тяжело разгадать...

Кстати, какие книги я здесь вспоминаю? Так странно: плечом к плечу с нами в этой камере—Ахматова, Гумилев, Мандельштам:

Мы живем, под собою не чуя страны,

Наши речи за десять шагов не слышны...

А еще Оруэлл, Пастернак, Солженицын, Шаламов.

Теперь я удивляюсь: как могли они, интеллигенты 30-х, так стойко держаться в тюрьме? Мы по сравнению с ними — мелочь, зелень. Нас хотя бы не пытаются физически. Хотя психологически, конечно, прессуют.

Вчера ночью меня прессанули довольно сильно, хотя не вполне по удачно. Ночью будят, вызывают из камер:

— С вещами, на выход! Собирайтесь домой! Суд пересмотрел ваше дело.

Не к чести моей сказать, на каких-то секунд пять я поверила: сердце застучало тяжело и часто. Потом стало ясно: врут. Такое лицо было у начальника тюрьмы... видно, какие-то рудименты совести еще сохранились.

Следующая эмоция была – дикий страх, особенно, когда я увидела лысого человека в штатском, который единственный никогда не представлялся и не называл свою должность. Куда меня забирают ночью с вещами?! Уж не на допрос ли в пресловутую «башню святого Лаврентия», что на проспекте Скорины, напротив скверика с бронзовым Дзержинским?

– Девчонки, если меня действительно выпускают, я передам вам завтра передачу с книжкой Чехова! Если передачи нет – давайте знать на свободу любым способом, что меня забрали в ГБ!

Меня выводят в комнату для досмотров. Там сидят какие-то двое зеков, по виду – уже не первая ходка. Все менты на пару минут выходят, я остаюсь с этими криминальными товарищами наедине.

Как ни странно, это менее напряжно, чем общаться со спецслужбами. Зэки смотрят почти сочувствующе.

Потом заходит вся кодла, и лысый гэбэшник начинает на меня орать:

– Отдавайте мобильник, быстро!

Я сначала рефлекторно лезу в пакет, потом вспоминаю: мобильник-то отобрали при досмотре вместе с другими вещами!

– Он же в сумочке, которую забрали!

Где мобильник, я спрашиваю?! С вашего номера только что прошел звонок!

Тут у меня вообще глаза на лоб лезут. Ведь у меня на балансе после задержания был уже глубокий минус, да и аккумулятор разрядился почти полностью.

Объясняю всё это. Идет следующий наезд:

– У вас в камере есть мобильник! У кого?! Говори, быстро!

Тут до меня начинает кое-что доходить. Чистосердечно отвечаю, что нету – тем более, его и в самом деле нет, увы... Мне кричат:

– Мы тебе добавим еще 10 суток, если не скажешь. Говори, у кого в камере запрещенные вещи!

Тут даже до меня все окончательно доходит. У нас в камере ЕСТЬ «запрещенные вещи»: маленькое лезвие и шнурки в ботинках. Но я мотаю головой.

– Будешь сидеть еще 10 суток!

Наконец меня прорывает:

«Если добавите суток – я буду голодать! Меня увезут отсюда на «Скорой», а там я уж найду, кому и что рассказать! Или сдохну тут у вас к чертовой матери!»

Меня отправляют обратно в камеру. Вот тут-то, после всего, слегка сердце и хватануло. Зато после всего – странное ощущение: забираешься под спальник на лежанке, справа плечо, слева плечо, и на душе становится легко и спокойно. Все как надо. Ты среди своих.

29.03.06 (Шестые сутки)

С утра зверски болит горло. Но «Скорую» вызывать не хочу. Как говорят, дни, которые отлежишь в больнице, в зачет нашего «срока» не идут. Значит, больница – это просто увеличение ареста, подлечишься – и снова в тюрьму?

К тому же, врачи «Скорой» забрали нашу Вику с обожженным подбородком в больницу, а там её чуть не отказались лечить, когда узнали, что она с Площади. Замордованная медсестра средних лет вообще сказала: «Катись-ка ты на..., тварь! Сумела на Площади стоять, сумеешь и в тюрьме прожить».

Бедный, бедный зомбированный народ! Народ, который научили ненавидеть собственных детей.

А как бы не помешала сейчас врачебная помощь! На полу спать – даже если хорошо стелиться и застегиваться в спальник с головой – все равно чревато простудой. Там сильный сквозняк. Я вроде и не мёрзла – и все равно простыла. Надо держаться, еще не хватало разболеться.

Примерный режим нашего дня выглядит так.

В шесть утра охранники ломятся в дверь, требуют выбросить мусор. Кто-то вяло подымается и, бормоча себе под нос что-то

вроде «подобное к подобному», передает в дверь аккуратно завязанный мусорный мешок. Спим дальше. Через час приносят кипяток. С превеликим трудом поднимаются с мест человека четыре. Дергаем остальных за ноги, они что-то бормочут и снова засыпают. На подносе – 10 кружек. Завариваем крепкий зеленый чай, заливаем для больных кипятком «Упсарин», заставляем выпить. После лекарства снова валимся спать. Иногда вместе с кипятком приносят в ведре горячей воды, и мы ожесточенно драим пол с шампунем и бактериальным мылом.

Часов в 10 утра – первый обход. Светят в камеру фонарем, выводят на коридор. Переключка.

После этого, чуть только закрывается дверь, неугомонная Ирка с закадычной подругой Яной охрипшими голосами начинают орать:

И Дуремар и Карабас

Им одурачены не раз...

Дальше первого куплета известной пародии на детскую песенку у них дело не идет, зато припев они скандируют с огромным удовольствием.

Дальше... дальше будут кроссворды, «Контакт», байки, рассказы о себе. В обед в окошечко постучится охранник, которого мы называем Петрович:

– Девочки, борщ со свеженькой капусткой и молодой бараниной!

И ему ответит хор нарочито тоненьких девичьих голосов, на мотив из «Бременских музыкантов»:

– Ни-че-го мы не хо-тим!

А вечером – очередной «концерт». В одной из соседних камер сидит девушка с оперным голосом: когда она начинает петь, все замолкают и слушают. Поем и мы у себя в камере. Вот наша «горячая десятка»:

«Одзірыдзідзіна», НРМ

«Тры чарапахі», НРМ

«Бел-чырвона-белы вожык-патрыёт», Андрэй Хадановіч

«Прекрасное далеко»
«Крылатые качели»
«Катюша»
«Надежда»
«Песенка мамонтенка Димы»
«Балада пра караля, які пакінуў свой трон»
«Рамонкі»

Потом ночной обход. После него, если дежурит наш Петрович, он иногда тихонько говорит в открытую «кормушку»:

– Держитесь, девчонки! Жыве Беларусь!

30-31 марта я дневников не вела. В ночь с 29 на 30 марта мне стало очень плохо. Температура, судя по ощущениям, была под сорок, ломило все тело, на грудь будто камень навалился, дышать было тяжело. Когда среди ночи Петрович открыл окошечко, я приподнялась и единственное что сообразила сказать:

– М-мне плохо!

Видимо, видок у меня был не очень. Охранник впечатлился и предложил (!) вызвать скорую. Когда я отказалась, милиционеры принесли мне кружку кипятку, антигриппина и каких-то антибиотиков (!!). Сочувственно смотрели из дверей, как я выбиваю зорю зубами по краю кружки. И потом еще не раз в течение дня осторожно спрашивали:

– Ну, как ты себя чувствуешь?

Антигриппин. Антибиотик (в упор не помню название). Спать. Встаю с большим с трудом, поэтому о зарядке приходится забыть. Девчонки поят меня чаем и соком. Эти два дня почти не помню: почти все время вязкое дремотное забытье. Только к обеду 31 марта прихожу в себя.

Тюремные записи продолжаются с 1 апреля.

01.04.06 (Девятые сутки)

Один и мед поэзии. Песнь о нибелунгах. Массаж

Начиная где-то со вчерашнего вечера, в камере вошли в моду долгие рассказы на ночь. Если в первые сутки из всех просто перли впечатления, то сейчас стало гораздо тише. У тех, кто простужен, просто нет сил громко говорить. Игры надоели. И что самое плохое – недостаток света. Вонючая параша в углу, грязный пол, недостаток воздуха – это плохо. Но свет... этот прокуренный полумрак – вот что самое ужасное. Потому что в камере невозможно долго читать, очень трудно писать. Через полчаса у тебя начинают слезиться и болеть глаза. Еще через полчаса у тебя заболит голова – и делать уже ничего не можешь. Если бы не это – всё было бы гораздо проще. Книг мне принесли достаточно и все – любимые. Со мной в камере Крапивин, Короткевич и Танда Луговская. Упорно, отирая слезы с горящих глаз, перечитывала «Гуси, гуси, га-га-га!»

Мы стараемся по очереди читать вслух. Вчера полдня читали Короткевича – «Книганошы», «Скрыпка дрыгвы і верасковых пусташаў». Жаль, не было в камере «Сівой легенды» и «Ладдзі распачы». Вчера вечером, когда ложились спать, народ долго не мог заснуть и попросил рассказать сказку. Мы с Юлькой Болонкиной, долго перебивая друг друга, вспоминали нашу любимую сказку «Каменное сердце». А потом меня-таки уговорили: рассказала «Ладдзю распачы».

Вообще вчера был хороший день. Днем нам приносили кипяток. Удалось вытребовать прогулку – вторую за всё это время. Подышали свежим воздухом. Помню, меня поразило, насколько яркие были все цвета там, под солнцем. Все как будто светилось изнутри, аж слезились глаза. Фиолетовая куртка Любы была как ультрафиолетовая лампа. Непривычно четкие черты лица у всех. И синяки под глазами. И – воздух, много воздуха!

После улицы глаза долго привыкали к полумраку. Но до вечера все были бодрые и веселые.

А сегодня с утра всех что-то ломануло. Болят головы и суставы, нет сил на элементарные вещи – например, встать и отыскать на подоконнике витамины. Эта вялость – хуже всего. С ней надо бороться, заставляя себя хоть что-то делать, только не валяться, тупо глядя в потолок.

Сегодня утром попросили еще чего-нибудь рассказать. Что называется, девчонки сами нарвались...

Попросила всех представить, что мы находимся в средневековом замке, за окнами метель, впереди долгий зимний вечер. И пересказала, насколько смогла вспомнить, «Песнь о Нибелунгах».

Народ слушал на удивление внимательно. Местами меня «забирало», и я будто воочию видела перед собой злые глаза Хагена, печальную и гордую Кримхильду, Зигфрида в роговой коже.

Потом немного вспомнила скандинавскую мифологию – рассказала про то, как бог Один добывал мед поэзии. Катя посреди рассказа заснула и приснилось ей, будто брат зовет её на какую-то ярмарку и говорит:

– Пойдем, там Один учит людей поэзии, и самые лучшие стихи будут воплощаться в жизнь!

Под вечер Юлька Болонкина взялась делать мне массаж. Настоящий спортивный массаж! Такой жесткий, что я хохотала, ругалась и орала от боли на всю тюрьму. Охранники даже сбегались посмотреть, все ли мы живы. Зато как похорошело спине и шее... Так же повезло и Яне, а потом наша Юлька устала так, что у нее задрожали пальцы, и легла спать.

02.04.06 – 03.04.06

Последние сутки проходили довольно-таки тяжело. Три раза спрашивали у охранников, который час. Катя жаловалась, что она не выдержит эти последние несколько часов, что они тянутся бесконечно медленно. Девчонки слонялись по камере, сидеть уже никто не мог.

Я постаралась успокоиться и представить себе, что меня ждут еще пять суток. Как Юлю Болонкину, которая лежит рядом с высокой температурой и кашлем и грустно смотрит на наше нервное расхаживание по камере. Весь день читала книжку, даже когда слезились глаза. А под вечер люди стали отключаться и засыпать – те, кто был на это способен. Сначала Катька ныла, что ни за что не сможет заснуть, а потом успешно свернулась под спальником и засопела.

Многие планировали не спать, общаться до трех ночи, но это оказалось тяжело. В общем, когда охранники пришли нас выводить, они были в шоке! Вся «палата» крепко спала, как будто никто и не собирался на свободу. Нас еле растормошили.

Сборы в суматохе, прощание с грустной-грустной Юлькой, я еле собрала свои свитера и спальники, а одеяло оставила «в наследство».

Ожидание на коридоре, пока нам вернут изъятые вещи. Подписываю какую-то бумагу, что претензий не имею. Нас провожает начальник тюрьмы.

- Ну, девчонки, дай Бог вам больше сюда не попадать!
- До свидания!
- До 27 апреля! – машет рукой кто-то из девчонок.

03.04.06 – 13.04.06

Лампады. Сцепка

Мы вышли на крыльцо, полностью уверенные, что встречать нас в три часа ночи никто не придет. Большинство девчонок даже не передавали информацию друзьям и родным, чтобы не беспокоить их перед понедельником. Решили, что не спеша пойдем к метро, подышим, посмотрим, как встает рассвет, общаемся.

Вокруг разлилась огромная глухая ночь, на фонарях висел сырой теплый туман, пахло свежей землей, дождем. Мы остановились перед крыльцом: хотелось повернуться лицом к дверям, только что закрывшимся за нами, и спеть что-нибудь эдакое.

И вдруг из-за угла показались – одна, другая, третья! – лампы и свечи. Они двигались к нам и показались мне сначала сияющим облаком. Потом я разглядела людей, которые их несли. Несколько десятков людей шли нам навстречу. Плеснули голоса, крик, смех, плач. Мы оказались в самом центре толпы, обнимались со знакомыми и незнакомыми людьми. В глаза ударили вспышки фотоаппаратов. Незнакомый дедушка тряс меня за плечи и что-то говорил. Я потом поняла, что, и взяла-таки у него алую гвоздичку.

А потом я увидела среди толпы Николая. Он стоял и смотрел на меня, свеча освещала его лицо очень ровным золотистым пламенем. И это было как рассвет, который только еще начинается после долгой ночи.

После нас развозили по домам. Люди, приехавшие на машинах, бродили среди толпы и спрашивали, кому куда надо ехать, кого надо забрать. Незнакомые люди, приехавшие в ночь с воскресенья на понедельник, перед рабочей неделей, чтобы нас встретить.

Наверное, там, перед тюрьмой, впервые возникло у меня новое ощущение, которое потом никуда не исчезло, как родник, который не может пересохнуть даже в самую засуху.

Оно росло с каждым звонком близких друзей и далёких знакомых, которые с тревогой спрашивали, как я себя чувствую после тюрьмы, и не надо ли чем-нибудь помочь. Оно пробивало себе русло, когда я слушала новые и новые рассказы. Как в ночь захвата наши близкие поднимали друг друга с постели звонками и СМСками, и к пяти утра уже никто из них не спал. Как друзья, знакомые и коллеги обрывали телефоны судов и тюрем, разыскивая нас.

Неимоверными усилиями пробивались в залы суда и на свидания. Неимоверными ухищрениями передавали записки. Держали связь с правозащитными организациями и независимыми журналистами: информация распространялась со скоростью молнии. Подстраховывали нас, где могли, на работах, брались за наши срочные дела, успокаивали наших родителей. Знакомились друг с другом, часами стоя в очередях, чтобы передать передачу. Менялись адресами и телефонами. Организовывали

каждый день передачи, договаривались, чтобы не нести одно и то же. После рабочего дня ехали в магазин, закупать продукты. А на следующий день – утром или в обед – снова отправлялись к тюрьмам.

Как Пашка написал открытое письмо всем журналистам государственных СМИ, чьи электронные адреса нашел в Интернете. В этом письме он просил не лгать, рассказывать правду, вспомнить о совести. И впервые, наверное, подписал своим полными именем и фамилией. Как каждый день в Минске шли и идут до сих пор флэш-мобы. Как в мусорницу с надписью «БТ» возле телецентра навалили гору лапши. Как люди пришли на Главпочтамт и заявили, что они хотят помочь Минскому коммунальному хозяйству, который, судя по его иску, совершенно разорился на уборке с площади остатков палаточного городка. И выстроились огромные очереди в кассы, и каждый говорил, что вот, со стипендии (зарплаты) отжалел тысячу-две, чтобы коммунальщики не загнулись от голода.

А в Музее Великой Отечественной войны, сотрудники которого заявили, что тоже якобы потерпели колоссальные убытки, перестали давать посетителям книгу благодарностей. Потому что несколько человек успели туда написать что-то вроде: «Пришел. Память ветеранов почтил. А вам должно быть стыдно за ваш иск. Вот вам ваши тридцать сребренников». Оставляли в книге мелочь и уходили.

Как мои друзья 25 марта ходили, по их выражению, «пинаться с ОМОНОм», и стояли на Октябрьской площади живой цепью, взявшись за руки, пытались остановить военных, не дать им смять и рассеять толпу. Как вышли на улицы, черт побери, 40 тысяч равнодушных людей! Жаль, что невозможно каждому из них сказать «спасибо» лично. Особенно тем, кто был избит, попал в больницу или тюрьму.

Как дворами, по-партизански, люди пробирались 25 марта на Октябрьскую площадь и к скверу Янки Купалы. Как знакомый мой, Андрей Хаданович, поэт, переводчик, преподаватель, срывая голос, то ли пел, то ли яростно скандировал перед мно-

готысячной толпой в сквере написанную буквально за сутки песню «ПАМ'ЯЦІ НАМЁТАЎ НА ПЛЯЦЫ КАСТУСЯ КАЛІНОЎСКАГА».

Памяці намётаў на пляцы Кастуся Каліноўскага

(на мотив Bella chao)

«Выбар сьдзелан, усё бяспорна, –
прасьвяшчаў, прасьвяшчаў, прасьвяшчаў эфір, –
а ў іх палатках – шпрыцы і порна,
у іх бутэльках – не кефір!»

На экране жыцьцё стабільным
абвяшчаў, абвяшчаў, абвяшчаў канал,
ды на плошчы мент у цывільным
мяне ва ўсім пераканаў.

Кожны вечар як жыць маральней
павучаў, павучаў, павучаў ТВ,
а па дарозе да прыбіральні
б'юць за мараль па галаве.

Ноч на плошчы была цікавай:
як гучаў, як гучаў, як гучаў наш сьпеў!
Ды забралі за тэрмас з кавай –
выпіць залпам не пасьпеў.

Гаварылі: «Ён адмарозак!»
Ён маўчаў, ён маўчаў, ён маўчаў пра сьцяг.
«Там, на плошчы, няма цьвярозых», –
скажуць зранку ў «навасьцях».

«Хуліганіў, – казалі сьведкі, –
парушаў, парушаў, парушаў закон».

А на плошчы жывыя кветкі
грэб у сьметніцы амон.

Значыць, будзем стаяць на лёдзе –
падкачаў, падкачаў надыход вясны.

Але свабода ізноў у модзе,
але свабодзе ня скажаш «годзе!»,
але свабода шчэ на свабодзе,
на свабодзе – нашы сны!

Как известные философы, журналисты, учёные, писатели, музыканты составили воззвание к белорусскому народу: «Праўда и свабода альбо гвалт і хлусня»:

Мы, беларускія інтэлектуалы, людзі мастацтва і культуры, журналісты, звяртаемся да сваіх калег, усіх сумленных грамадзян Беларусі з заклікам не падтрымліваць дзеянні ў рэжыму, скіраваных супраць уласных грамадзян, дэмакратычных каштоўнасцяў, нашай культуры і мовы.

Не бойцеся! Перамога Свабоды непазбежная.

Это уже не просто родник, это чувство – как река. Чистая. Полноводная. Неудержимая. И она ширится с каждым человеком, который звонит и предлагает помощь. Таким обыденным и чуть смущенным тоном предлагает пожить у него несколько месяцев. Найти толкового юриста. Помочь в поисках работы. Оказать врачебную помощь. Или просто приходит, молча обнимает меня, оставляет пакет с продуктами и смущенно высккивает из кабинета.

Так вот об этом чувстве. В окрестинских коридорах я разговорилась с омонцем и он, вспоминая штурм, сказал:

«А сначала вы хорошо держались, когда сцепились так крепко все вместе! Мы даже не знали, что делать, когда вы держались друг за друга».

В его голосе сквозило невольное уважение и даже что-то вроде одобрения. Это была очень важная фраза, она многое позволила понять. С того момента и до сих пор во мне всё крепнет и крепнет ощущение: сцепка никуда не делась, мы держимся крепко, как никогда раньше. И значит, все в порядке. Я в сцепке. Как и там, когда мы сели на площади: слева плечо, справа плечо, руки сомкнуты под локоть с соседями, сам вцепился в человека спереди, и кто-то так же крепко держит тебя сзади. И страх уходит: среди сомкнутых плеч ему нет места.

Я – в сцепке. Только эта незримая сцепка больше и сильнее, чем на площади. И она растет, крепнет с каждым днем. С одной стороны я чувствую теплые плечи «сокамерников» – всех, кто узнает друг друга по особому «политкаторжному» кашлю и, знакомясь, представляется примерно так: «Юра. 15 суток. Сидел на Окрестина».

С другой стороны, рядом в сцепке – женщина-врач, которая осмотрела меня на дому и погнала лечить острый бронхит, нажитый в тюрьме. И знакомый милиционер, который написал, что он нами восхищается и в его доме я всегда найду помощь, если буду в ней нуждаться. И друг-преподаватель, который при встрече попросил листовок: «Ну свой-то дом я точно обслужу». И многие, многие другие люди. Как говорится, смотри выше.

Сейчас в сцепке если не БОЛЬШАЯ, то достаточно большАя часть нации. Надеюсь, этот процесс уже не остановить. Критическая масса достигнута. Цепная реакция пошла, но это реакция не распада, а наоборот, объединения. Пусть медленно, пусть многие люди пока еще в растерянности и не знают, что делать. Ничего, новое время откует новых лидеров. Главное – этот глухой гул подпольного протеста, который рвётся наружу. Главное – что многие люди начали думать по-новому. Да что там – просто начали ДУМАТЬ. Мы стали другими – и те, кто стоял на Майдане, и те, кто стоял в очередях у тюрем. И это главная наша победа.

Тоталитаризм, как и разруха – не в сортирах, а в головах. Тоталитаризм – это мой отец, который слепо верит БТ. Это неизвестный коллега, «услужливо» положивший на стол моему шефу видеокассету с записью «Евроњьюс». Это студент, струсивший и проголосовавший по приказу декана досрочно. Это начальник, который увольняет сотрудника, отсидевшего 15 суток, причем делает это не потому, что так уж любит существующий режим, а из страха. Из этого слепого, темного, нерассуждающего страха, который воплощен в универсальной формуле «как бы чего не вышло».

Печально, но факт: Лукашенко в Беларуси – это было вполне закономерное явление. Тоталитарную систему не под силу установить одному человеку или даже группе людей. Для этого нужна ГОТОВНОСТЬ покорного большинства. Несвобода в стране начинается с несвободы и страха в душе отдельного человека. С готовности (и даже подсознательного желания) подчиниться, передоверить ответственность за себя, детей и страну очередному «батьке». С желания «промолчать» и «не ввязываться». С привычки жить подлостью и рабским подбострастием, унижаться, трепетать начальства, стучать на коллег, трястись за свое драгоценное рабочее место.

Но коль вся несвобода начинается с той, которая в голове, то справедлив и обратный тезис. Свобода тоже начинается в головах.

Там, на белорусском Майдане, мы обрели в первую очередь внутреннюю свободу. Когда смотрела фотографии ОТТУДА, поражалась, насколько у людей были счастливые, сияющие лица. Майдан, как грехи, отпустил наш страх. Сейчас, когда на меня пытаются надавить или запугать, я тут же вспоминаю: черная стена вокруг лагеря, белая ледяная стена на Окрестина – и понимаю, что сейчас вещи, которых я боюсь, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Потрясающее, никогда раньше не испытанное ощущение внутренней свободы – вот главное, что мы вынесли для себя с Майдана. Все получилось. Мы в сцепке, и она не распадет-

ся. Пусть на площади нас было немного, но на каждого из нас приходилось 10 человек, которые не прошли кордоны, слегли с температурой, собирались прийти с утра. И как минимум 100 тех, которые носили на площадь еду и горячий чай, готовили позже передачи и флэш-мобы, разбрасывали листовки, неделями не вылезали из Интернета, составляли списки задержанных. Писали стихи и песни. Публиковали открытые письма и заявления.

А сколько на каждого из нас приходится людей, которые наконец-то начали думать, поверили в себя и свой народ – Бог весть. Может, и по тысяче.

Сейчас Беларуси не столько нужен героизм, сколько элементарная человеческая Порядочность. Так и вижу рецепт от тоталитаризма: 100 мг Порядочности на душу населения. Ежедневно.

Порядочность – это способность отказаться от навязываемых нам правил театра абсурда и лжи. Способность сказать своё личное маленькое «нет» режиму. Не отчислять «политических» студентов и уговорить коллег этого не делать. Не увольнять сотрудников, побывавших на сутках. Не участвовать в уродских «товарищеских судах». Не писать «заказных» политических статей. Не промывать мозги школьникам. Не тянуть молодежь насильно в БРСМ.

В наших партизанских условиях и фига в кармане – оружие. Если она крепко свернута.

Народ белорусский – не быдло! Теперь я это точно знаю, и за таким знанием СТОИЛО идти на морозную нашу площадь, а потом в тюрьму. Как бы там не обернулось – я СЧАСТЛИВА, что там была. Нам было ради кого стоять.

ЭПИЛОГ

15.04.06

Ледяное стало б теплым, а горячее —остыло
 В компромиссах перемирий к окончанию войны
 Белым флагом с голубиной лапкой над сплошной могилой,
 Если б не было нам смерти и весны...

А.Непомнящий

Вчера над Минском весь день были тучи, а воздух всё же потеплел. Весна потихоньку отвоёвывает позиции.

Поздно вечером вместе с тем человеком, чьё имя я твердила в белом дворике на Окрестина, мы шли по набережной вдоль Свислочи, возле Немиги. В черной воде дрожало отражение совершенно сказочного Троицкого предместья на другом берегу. Молчаливо вздымался за деревьями огромный купол Оперного театра. Было в его молчании что-то общечеловеческое. Месяцев пять назад, забравшись туда по ржавым пожарным лестницам, в такое же ночное время с его верхней точки я смотрела на Минск.

Впереди на асфальте мы увидели рисунок мелом: ангел с огромными крыльями, на лице улыбка. И подпись: «Портрет ангела-хранителя».

А рядом были стихи, твердо выведенные цветным мелком:

Он любил три вещи на свете:
 За вечерней пенью,
 Белых павлинов
 и стертые карты Америки.
 Не любил, когда плачут дети,
 Чая с малиной
 и женской истерики.
 А я была его женой.

Эти стихи Анна Ахматова написала про Николая Гумилева, расстрелянного в 1921 году за участие в «белогвардейском мятеже».

В этот момент я поняла еще кое-что важное. Я ЛЮБЛЮ этот удивительно красивый город, где на асфальте пишут стихи Ахматовой. Притихший, подобранный, но не сломленный город, весь в маленьких траурных ленточках – молчаливом протесте. Люблю Верхний город, спрятанный, как шкатулка с чудесами, между огромными современными зданиями. Люблю гордый Свято-Духов собор, белую Ратушу с певчими часами, бронзовых Почтальона, Амазонку, Девочку с зонтиком, Фотографа и прочую братию.

Люблю людей, которые здесь живут. Пока есть кому вязать на перила черные ленточки и писать на асфальте строки Ахматовой, я не хочу, не могу, мне НЕЛЬЗЯ умереть или уехать отсюда (что, в сущности, одно и то же).

Мне нужно еще многое сделать в этом городе. Рассказать всем, кто захочет услышать, КТО и ЗАЧЕМ стоял на площади. Подсунуть ребятам в клубе книги Оруэлла и Булгакова, Короткевича и Орлова, Достоевского, Солженицына, Брэдбери, Крапивина. И «Балладу о книжных детях» Высоцкого – как эстафетную палочку.

Сходить 19 апреля в БГЭУ, где преподаватели заставляют одноклассников нашей Тани устроить над ней так называемый «товарищеский суд». Чтобы принудить студентов к такому позорищу, пригрозили разогнать группу и всех отчислить. Ничего, мы им устроим «товарищеский суд»! Придём с цветами, воздушными шариками, будем стоять, сколько понадобится. Спросим у преподавателей, помнят ли они такой архаизм – «со-весть».

А 26 апреля надо сходить на «Чернобыльский шлях». И желательно вернуться оттуда: если меня второй раз загребут на несанкционированном митинге (шествии), меня, возможно, будет ждать уголовная статья и до двух лет тюрьмы. Не хотелось бы: у меня здесь, на свободе, непочатый край работы.

Я кое-что задолжала своему городу и стране. Ни много, ни мало – жизнь. Жизнь без страха и лжи.

Далучайцесь!

P.S.

Мне хотелось бы закончить вот так – светло и ясно, но я не могу. Когда эта книга уже готовилась к печати, пришли плохие вести. Очень плохие.

У нашей Ирки Завадской умер от сердечного приступа отец. Его вызывали в деканат колледжа, он вернулся домой намного раньше дочери и жены. Его нашли уже мертвым.

На собрании в поддержку Тани Дедок люди в штатском задержали 11 человек, и где они сейчас, неизвестно. Я сама еле унесла оттуда ноги: мы спешили к метро, а за нами на дистанции 3-4 метра шли четверо гэбэшников. Улыбались. В открытую снимали на видеокамеру.

По всей стране идут аресты и задержания активистов.

Но мы держим сцепку! Площадь продолжается. Мы повторяем единственное заклинание, которое может помочь и нам, и стране:

ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Записи Фокса⁴

fox-unexisted

17.03.06

Вечером заглянул в гости к знакомым, работавшим в этой кампании на стороне Милинкевича, поинтересоваться, как на самом деле обстоят дела. Как известно, у любой организации есть три правды. Первая – внутренняя, правда руководства, вторая – правда для активистов, третья – для остального народа. Они, как правило, не противоречат друг другу, но информация при расширении круга лиц существенно сокращается. Это в наших условиях весьма разумно, но меня по жизни интересует реальная ситуация, а не чисто агитационная.

В ходе разговора стало весьма грустно. Явно вырисовывалась ситуация «Гончарик-2» [Владимир Гончарик – единственный

⁴ Воспроизводится по дневнику ЖЖ-юзера fox_unexisted за апрель 2006 года с любезного согласия автора. Источник – <http://fox-unexisted.livejournal.com/2006/04/>

кандидат оппозиции на президентских выборах 2001 года, профсоюзный деятель. – ред.]. Мало людей, неэффективность деятельности, много арестованных, упование на чудо и т.д. Хорошо еще, что обошлось без «забастовки волонтеров», как в 2001 году, что по своему смыслу было ничем не лучше «православного атеизма» Лукашенко. Взял 15 листовок, чтоб хоть в своём подъезде кинуть в ящики. За всю кампанию у нас в подъезде никто не приходил собирать подписей и никаких материалов не распространялось. Интересно, кто координировал деятельность милинкевичского штаба по Ленинскому району г. Минска? Схалтурил товарищ конкретно. Ну да ладно, вечер прошёл, листовки закинута, спать.

18.03.06

Собрались в 15-00 на вокзале, чтобы ехать на Окрестина, передачи отвозить. Там с 14 марта сидели двое наших хороших знакомых (Виталик и Андрей), осуждённых за присутствие на встрече с Козулиным 2 марта. Т.е. это уже не какие-то абстрактные Щукин и Северинец, а вполне реальные люди. Снаряд упал уже совсем рядом. Тем более, что и мы ходили на подобные встречи, а это при нынешней власти и т.н. «законодательной базе» – повод для ареста. Так что 14 марта было однозначно понятно, что девятнадцатого – надо идти. В такой редакции: отсидеться дома – потом себя не уважать.

По приезду выяснилось, что по субботам передачи не принимают. И мы поехали на Бангалор, где ожидался большой концерт, совмещённый с последним перед днём выборов выступлением Милинкевича. Народа собралось тысяч пять. Понятно, что часть из них пришла исключительно, чтобы послушать NRM, Краму и Нейро Дюбель. Но всё же...

Вспомнился концерт NRM 14 мая 1995 года, на входе в спорткомплекс БГУ. За день до первого референдума. Людей там было, правда, меньше, но не было никакой нервной обстановки и слухов о провокациях и возможных арестах. Тоже все хором пели и были бело-красно-белые флаги (тогда ещё официально государственные). Страна была другой.

А восемнадцатого – синие шарики, ленточки, много ЖЖ-шного народа, впервые увиденного в реале. Было непонятно, что будет дальше. Речи – сплошь эмоциональные, практически без конкретики. Но ещё хотелось верить, что стратегия есть, но держится в секрете. Всё ж таки, в отличие от 2001 года, в деле участвовали толковые научные деятели, а не профсоюзная братва. Концерт прошёл мирно, потом разбрелись по домам. Традиционное пиво около филармонии. Как оказалось впоследствии – последняя бутылка перед двумя неделями здорового образа жизни. А пока же просто договорились придти девятнадцатого всем в трезвом виде. Так как не надо изображать для БТ-шной картинки пьяных отморозкофф. ;))

19.03.06

С утра в интернете начали появляться панические сообщения, что площадь перекрыли и там никто не сможет собраться. Запугивания всякими превентивными мерами со стороны властей были и раньше – войска, спецсредства, ащкие дятлы, экстрасенсы, генератор ВБЖ-1 (В Бобруйск, животное!) – но в этой ситуации истерику надо было давить. Так как не смешно. Так как власть заинтересована в отсутствии массовости. Окна тут выходят прямо на площадь, так что отвечал я таким людям о возможности свободного прохода по площади, просто выглянув из окна.

В ответ начал распространяться второй слух – что пускать-то пускают, но только по особым пропускам. Пришлось выйти из дома, погулять по Октябрьской и написать о своей прогулке без всяких пропусков. На улицах было необычно малоллюдно, и общее ощущение затишья перед чем-то очень важным и серьёзным. Параноидальных телег, а не являюсь ли я при этом работником КГБ, не возникло и я мирно спал до вечера.

Вечером пришли знакомые, мотивировав свой приход тем, что хотят на площадь, но без меня им страшно. Да, напугали народ конкретно. По ходу просачивалась инфа, что за лукашенку аж 83%, а 10% – против всех. Поняв, что против всех и без

меня много, я в 19.15 пошёл на выборы и проголосовал за Милинкевича. После чего мы все спокойно дошли до пирамидки с километражом. К 20.00 собралось прилично народа, но радости не чувствовалось. Ходили, спорили, мрачно шутили: «Я всегда с собой беру, видимо, в камеру» и т.д. Кормил рядомстоящих курагой и яблоками: «Жуе Беларусь!» :)

Подходили наблюдавшие за выборами, рассказывали, как всё криво и мрачно получается. Порадовали анархисты. Когда внезапно началась мощнейшая за всю зиму метель и люди вокруг них разбрелись, они продолжали стоять с гордым видом на освободившемся пространстве и знамёна на ветру – красиво так. Было много речей – опять же чисто эмоциональных и без конкретики. В толпе понимали: если в ближайшее время никакой движухи не будет, всё закончится как в 2001.

Закончилось даже быстрее. Гончарик сдался и поехал спать в 0.55 10 сентября. Милинкевич призвал разойтись на два часа раньше, т.е. в 23.00.

Напоследок, правда, предложили возложить цветы к памятнику победе на одноименной площади. Маразм. Сначала кричать: «Перамога!», а потом возлагать цветы к памятнику ей же. И это всё?

Народ двинулся вдоль проспекта, по ходу обсуждая, что не тот цвет выбрали (синие, как Янукович, всегда проигрывают), что мы попали в книгу рекордов Гиннеса как самое большое количество террористов, собравшихся в одном месте в одно время. Куда уж до нас Аль-Каидам и бригадам Арафата!!

Дошли, помахали флагами, цветочков кинули и разбрелись. Я ещё сделал большой круг по городу и к двум ночи попал домой. В интернете уже обсуждали, что двадцатого надо идти, но если опять уйдём, дальше говорить будет некому и не о чем. Потом узнал, что будут те, кто придёт с палатками. Значит – на ночь. Уже хоть что-то оптимистичное. На этом тот день закончился.

20.03.06

Почти весь день спал. Перевод биоритмов на ночной режим. Узнал, что палатки действительно будут. Две пачки сигарет в карман, вещевое утепление и вперёд. Встретил знакомых и пришли к 19.15 на «Октябрьскую».

Народа много, но меньше, чем девятнадцатого. Несколько упустили время. Но ещё рассчитывали наверстать. Опять речи (такие же). Но – настал момент, когда мы стали в оцепление, а в круге появились первые палатки. Пафосно, с кучей журналистов вокруг, но искренне.

Всё же началось. И их становилось всё больше. Вечер прошёл – народ разбрёлся, а мы остались. Уходящие оставляли пайку и табачные изделия. Извинялись, что не могут остаться с нами. Не так уж много нас осталось, около двухсот, но всё-таки. Миллинович присоединился, так как у них штабных разработок на сей счёт не было. Так мы ушли от сценария-2001. И не за бабки, а просто потому что пришли, т.к. так было надо.

Не было полевых командиров, компостирования мозгов и паранойи (как в последующие дни). Анархо-романтическое время. Просто запомнить и удержать в памяти. Словами это интерпретировать сложно. Лучшие часы за многие годы. Кто-то, конечно, боялся, кто-то нервничал, кому-то было весело. Но мы были рады друг друга видеть: и знакомые, и незнакомые.

Вот таким и бывает НАСТОЯЩЕЕ. Без серых лиц, остеклевших глаз и коматоза. А холод и отсутствие спальников – издержки бытия, не более. Минералка со льдом во всех бутылках выглядела неплохо. Забавно смотреть ночью со стороны на собственный дом. При таком восприятии «не здесь» на некоторые вещи происходят неожиданные отклики. Едет по улице в три ночи машина, ну едет и едет себе. В обычном режиме – ноль эмоций, а тут всеобщая радость. Едет скорая помощь – ничего необычного, но она же бело-красно-белая!!! ЖЫВЕ БЕЛАРУСЬ!!!! Едет машина, развозящая почту – БЕЛПОШТА З НАРОДАМ!!!

21.03.06

Под утро часть народа начала разбредаться по домам маленькими группами. Показалось, что ещё немного и никого не останется. Но около семи утра из сотого автобуса вылезли два парня и пошли к нам. Как мы были рады их видеть! И вообще радовались, что удалось ночь простоять и не оказаться на Окрестина.

Утром народ ещё подошёл, простоявшие всю ночь ушли спать. Снова музыка и много веселья. У девушки с грузинским флагом спросили, как дела в Грузии. Она ответила, что она из Минска, а флаг ей просто дали поддержать. Я пробыл где-то до 12.00 и тоже ушёл, с планом в 15.30 вернуться. Так и получилось. Успешно просочился мимо собровцев и попал домой.

Утром (а утро, с учётом предыдущих событий, наступило в 15.30) – слегка окольными путями обратно в лагерь. Небольшой разговор с народом в оцеплении с объяснением, откуда я такой взялся. Да, дисциплины за эти четыре часа существенно прибавилось. Появились полевые командиры, один из которых вскоре отправил меня за пределы периметра, так как было принято решение: тех, кто без палаток, в лагерь не пускать.

Отзвонился на эту тему знакомым и решили-таки пронести в лагерь палатку. Поскольку об эту пору на окрестных улицах уже всюю трясли и задерживали народ с большими несомыми ёмкостями, палатку и прочую снарягу надели на себя и примотали скотчем под куртки. Так вечером и пришли в лагерь, гордо объявив, что палатка у нас есть. Затем сняли куртки и занялись установкой. И не мы одни такие были!! :)

Потом зашли ко мне домой за одеялами и свитерами. И ещё один поход по улицам – и опять прошли! Вечером объявили, что Путин признал победу Лукашенко. Сначала народ повозмущался, но потом вспомнили, что он так уже поздравлял Януковича и чем это закончилось.

22.03.06

Вторая ночь была значительно скучнее, чем первая. Музыка отличалась однообразием. Каждый новопринесенный компакт воспринимался с восторгом. Инициатива заглохла. Возникали мысли, что наиболее разумная тактика власти в данном случае – полный игнор собравшихся. Ну, просуществует лагерь две-три недели и сам по себе свернётся. Утром запустили через колонки «Магутны Божа». При этом какая-то девонька бегала по лагерю и просила снять шапки. Блин, это ж гимн, а не похороны.

Поспал часа три в палатке и в шесть утра – снова на внешний периметр и до шести вечера. Переодетый народец из силовиков, периодически подходивший совсем близко и в упор смотревший по 10-15 минут, тракторы, проезжавшие в трех сантиметрах от первого ряда якобы для уборки территории, подозрительные личности с видеокамерами и сплошная съёмка стоявших и разговаривавших с ними прохожих, мелкие провокаторы и прочее психологическое давление. Правда, при почти нулевой эффективности. Днём переустановили часть палаток – для облегчения перемещения народа по лагерю.

Около 16.00 приехали работники водоканала под охраной СОБРа и заварили люки. Ходили следить, чтобы по ходу они ничего нам не подбросили. Подходили просто прохожие с полярными мнениями от «Вас, козлов, расстрелять давно пора!» до «Поблагодарите от нашего имени родственников, что они таких сыновей вырастили!»

Вечером – опять сведения о новых арестованных. И ироничные заявления, что самое безопасное место на площади – это собственно палатки. После того, как пришедшие временно на вечер пошли по домам, начались нервные указания: всем мужикам – на периметр. Повторявшиеся каждые десять минут. Да, оцепление, где я большую часть времени был, было полезно в плане предотвращения проникновения внутрь мелких групп моральных уродов, но в плане защиты от крупных действий силовых структур – как впоследствии оказалось, совсем

неэффективно. Мы не воевать туда шли, так что и создавать напряг полевым командирам не стоило. Обстановка и так была весьма нервная.

Ночью зажгли угли в мангалах – немножко погрелись, но потом их в дисциплинарных целях переставили к девушкам на кухне-раздаче.

23.03.06

Утром опять радость – что дотянули до утра. В 11.00 шесть человек (а уходить действительно было решено большими группами, хотя, говорят, арестовывали и по шесть сразу), в том числе я и Даша, двинулись в сторону метро. На половине пути вдоль катка я увидел собровцев, перекрывавших улицу около универсама «Центральный», после чего велел остальным пятерым плавно поворачивать направо и идти через каток в сторону Немиги. Получилось успешно.

Опять задворками домой. Сбросил немножко информации народу по аське. Мрачно пошутил, что до конца вечера всё будет спокойно, а вот потом... Мы ещё не знали, что это действительно последние спокойные часы. Да и особо не задумывались об этом. В 16.00 опять был на периметре.

Всё было как обычно. Вжились в новые условия окружающего. Человек, как известно, привыкает ко всему. Даже просматривалась промежуточная цель: продержаться до 25-го марта, а тогда придут действительно многие и будет что-то новое. Даже часы начали считать до того момента. Возможно, кто-то заранее знал, что будет разгон, кто-то удачно ушёл вечером, но глобально такая инфа не распространялась. Причём в этот вечер в лагерь стали пускать всех, вне зависимости от того, есть у них палатки или нет. Всяческий не особо трезвый брсм [лукашенковский комсомол. – ред.] продолжал бродить вокруг и пытаться дестабилизировать ситуацию. В ответ придумывались мелкие хитрости: типа стать на асфальте рядом со спуском с катка, так что подходящий оказывался на скользкой наклонной плоскости и по нетрезвости быстро терял координацию и падал. Было весело.

24.03.06

Так продолжалось где-то до 2.00 ночи 24-го. Потом вокруг начались перемены. Сначала появился микроавтобус, из которого вылезли люди с видеокамерами и пошли снимать вокруг кольца. По рядам начался разговор: мол, КГБ приехало фотографировать, надо лица прятать. Ещё два микрика – с обычной милицией (человек шестнадцать) – построились в шеренгу, получили от начальства боевой приказ и присоединились к людям с камерами. «Маловато для разгона», – подумали мы. Приехал большой грузовик. Подошли дворники в оранжевом, причём было их подозрительно много.

А потом с разных сторон поехали большие фургоны. В зарешеченном окошке ближайшего дома заметил бошку в шлеме. Спецназ приехал. Выгрузились и стали в две шеренги вокруг.

Потом, в камере, долго обсуждали, можно ли было убежать в тот момент. Можно-то можно. Клином и на прорыв. Многих бы задержали, но десятков пять вполне прорывалось. Две шеренги всего и без щитов. В 1996-м они стояли мощнее, но им это не помогло. Но... Во-первых, не хотелось создавать для БТ картинку бегущих и испугавшихся, а во вторых, в лагере было много женщин и маленьких (15-18 лет), чисто физически не способных прорваться. А после прорыва мужиков они бы первыми попали под удар и тогда пустые ладони – не аргумент. Синхронная такая мысль. И – никто не побежал. И тут фраза из микрофона: «Ребята! В лагере нет ни одного журналиста!!!» Так, похоже, совсем серьёзно.

(Кстати, а куда они все подевались, может, кто знает ??? - прим. автора)

Стояли и задумчиво смотрели и слушали. Вначале – крики из шеренг: «МЯСО!!! ПЯТЬ МИНУТ ВАМ ЧТОБ С%^&*ТЬСЯ – ПОТОМ ПЗ,14\$Ц!!!!»

Вяло подумалось: «Ну вот, собрался до конца быть – так вот конец тебе уже и приехал». Женский истеричный крик в мик-

рофон, какие-то просьбы... Эх, лучше бы музыку включили, да засняли. Такой бы клип получился. Жаль.

«ДВЕ МИНУТЫ !!!!»

Стоим, молчим. Кто-то пытался кричать «Міліцыя з народам!», но как-то всё более вопросительно, глухо и неуверенно. Стало тихо. Один из спецназовцев кинулся к нам, но получил приказ вернуться. Фальстарт!! Смех у нас. Народ начал садиться на землю. Никогда не понимал этой тактики, особенно в условиях, не ориентированных на нормальное сопротивление. Бесплезно, хотя, может, и эффектно для телекартинки.

Короткая сирена и атака. Несколько рывков, нехилая боль в правой руке – отрыв от остальных. Потасили, несколько ударов по дороге, но с учётом утепления практически не ощущалось. Треск капюшона – за него, видать, пытались в фургон затянуть. Удар о лестницу – ещё рывок – подача сзади – немного проехался по полу. Уфффффффф. Вроде живой.

Теперь звонить, а то ещё вырублюсь, а потом мобилу заберут. Квест – доставание левой рукой мобилы из правого кармана штанов в лежачем положении и желательности правой рукой при этом не шевелить. Получилось. Звоню Хельге. Она ещё не спала. На удивление спокойный разговор. Инфа передана, про Дашу сообщил. Так что в лагере ещё не всех повязали, а в интернете про это уже было. Это хорошо. Фургоны заполнились и поехали. Неизвестно куда. Так что разгрома лагеря я уже не видел.

24.03.06

«Кресты». Стена

Машины ехали, останавливались, снова ехали. Многие успели позвонить знакомым. Наконец куда-то приехали. Выгрузились. О, знакомые здания.

Когда мы 18 марта везли передачи на Окрестина, я пошутил, что мол, едем на ознакомительную экскурсию. Дошутился вот, гы.

Построили вдоль стены. Рядом кто-то поинтересовался, что будет дальше. «Ну что», – говорю, – «щас пулемёт из окна выставят и game over».

Сказал – и стало абсолютно спокойно. Никаких мыслей и внутренних противоречий. Жил, куда-то шёл и вот сейчас всё закончится. Интересовало раньше, о чём люди перед расстрелом думают. Оказалось, как вариант, что вообще ни о чём. Важный момент в жизни – когда через это проходишь – потом многое гораздо проще.

«Да, похоже на то», – сказал другой, рядом стоящий, – «им бы ещё шмайсеры и овчарок, и будет как в 1941». Скрип ботинок по снегу, колючая проволока, прожекторы.

Потом начали переписывать фамилии и даты рождения. Велели выключить мобилки (они ж не знали, что кто хотел – успел позвонить).

Отойти от стены, вынуть руки из карманов (типа покомандовать дорвались).

Затем начались фразочки типа «Ну что, козлы, живе ваша Беларусь?», «Вот уж отморозки», «А чего это ваш Милинкевич вас спасать не едет?»

И чему их там учат? Для того, кто в принципе готов вместо слов услышать очередь, подобный психологический загруз вызывает необходимость сдерживать просто дикий смех. Это на самом деле смешно выглядело. Под эти рассуждения начали рассказывать друг другу всякие весёлые байки и объяснять желающим скорейшего суда, что торопиться незачем, так как пока мы задержанные, а не осуждённые, нас никто не отправит работать на благо родины, а срок исчисляется с момента задержания и мы очень удачно попали в пятницу, так как по выходным суды не работают.

Дальше было ещё веселее. У них были все фамилии по списку. Тем не менее, пришли и спросили, есть ли Морозов и Козу-

лин. Через полчаса спросили ещё раз. Через полчаса – ещё. При том, что больше никого не привозили. Да, за 12 лет не смогли карательную систему до ума довести. Всего-то несколько сотен повязали – и уже системный сбой. А если бы нас было несколько тысяч? Пока столько за раз переварить они не способны.

Был о них лучшего мнения. Зря.

Вот так и стояли. Как потом оказалось – четыре с половиной часа. До 8.30. Типа поморозить нас хотели, и так собиравшихся стоять на Октябрьской до утра и дальше.

Когда у спецназа истощился словарный запас (а может, они просто замёрзли), они ушли в здание строчить рапорты на всех задержанных, по два на каждое оппозиционное рыло. Вручную. Перед этим увели всех девушек и несовершеннолетних. А мы остались стоять во дворе. Возникла возможность закурить, что и было сделано. Мы ещё не знали, что дальше будет четыре дня абсолютно здорового образа жизни, так как при обыске отберут всё.

Взошло солнце, а мы были в тени стены. Красиво так: камешки, тряпка, привязанная к столбу, кромка льда на асфальте у стены. Местная дворничиха, поинтересовавшаяся, чего мы тут столько стоим. «Это потому, что порядка в стране нет», – ответили ей.

Подошёл кто-то из местных ментов и поинтересовался, кто из нас вчера пил водку. Ему ответили отрицательно. «Странно», – сказал он, – «мне сказали, что много пьяных привезли».

Затем занялись и нами и отвели под конвоем внутрь здания.

24.03.06

«Кресты». В тепле

Зашли в здание. Четвертый этаж. Ещё одна регистрация, при этом дежурная дискуссия с почти каждым: зачем приходили и сколько за это платили? С учётом заиндоктринированности спецназа споры были бесполезны – всё равно поверить в то,

что мы действительно не получали за это денег, было за пределами понимания спрашивающих, но часть пыталась спорить. Неинтересно как-то. Дежурное же утверждение, что, мол, с жиру бесимся. С ходу обвинение по 167-1. Взял книжку, почитал. Пятнадцать суток – максимум, жить можно.

Очевидно, хватило мозгов не начать утверждать, что в три ночи в центре города собралось 400 пьяных, размахивающих руками и ругающихся матом. В данном случае ограничились «активным участием в несанкционированном митинге». Правда, кто-то потом объяснял, что ко времени задержания это был не митинг, а пикет, но я в таких юридических тонкостях не специалист. Протокол, акт отбора вещей – и запрещённых в данном заведении, и разрешённых. Особо не повезло пришедшим в шнурованной обуви – шнурки тоже запрещены. Это же, вероятно, касалось и тех, у кого штаны без ремня сваливаются. Так что на будущее – некоторым стоит задуматься, в чём приходиться, чтоб неудобств себе не создавать.

Обнаружились знакомые, тоже в ту ночь там оказавшиеся. И – в очередь на дальнейшее перемещение-распределение. Не совершеннолетних отпустили. Коридор, вдоль стен которого на полу было много 18-22-летнего народа. В основном спали. Суды, отсидки, проблемы и прочее – это всё потом. Это потом, задним числом пойдут споры-перетягивания одеяла: кто ставил первые палатки или хотя бы придумал всё это. Кто-то не только отыграет утраченное, но и окажется в неплохом плюсе. На романтику напоздуют бизнес-ориентированные действия. Пока же они оказались в тепле и уснули. Им действительно было тяжело.

За эти дни поговорил со многими пришедшими из нашего поколения (1970-1976). Мнения были практически одинаковые. «Милинкевич - не лидер, Козулин на морального урода похож (ещё со времён своего ректорства в БГУ), но идти надо». Мы помнили, какой была оппозиция при Пазыняке и какой стала при «5+/10-»[«Пять плюс»] - оппозиционная коалиция; потерпела сокрушительное поражение на парламентских выборах 2004 года. – ред.]. Помнили ночь 9-10 сентября 2001 года и чем

это закончилось [9 сентября 2001 года прошли президентские выборы, которым сопутствовали массовые фальсификации; в знак протеста штаб единого кандидата оппозиции и его сторонники заняли Дворец профсоюзов, а 10 сентября Гончарик бросил своих сторонников, проигнорировав акцию протеста на Октябрьской площади. – ред.] – и не хотели повтора, к которому упорно шла и эта кампания. Были просто выводы из увиденного ранее и не было страха. А вот восемнадцатилетним пришлось многое преодолевать в себе и вокруг. Они вырастут и, если не сломаются, замечательные люди будут. Жаль, что их было мало. Большого студенческого выступления в Минске не было.

Поскольку на Окрестина действительно случилось переполнение, нас сначала загрузили в предварительные камеры по 26 человек. Ввиду отсутствия табачных изделий – переход в сонно-отвлечённое состояние. И вообще, действительно, при попадании в места не столь отдалённые курить надо бросать, чтоб не создавать способа давления на себя. Впрочем, это общеизвестное старое утверждение. Вот только авторства не помню. Так, в вялотекущих разговорах прошло часа три. Примерно, конечно, так как при отсутствии часов время становится весьма относительным понятием. Потом скомандовали на выход и загрузили в автобусы. Опять под спецназовским конвоем. Намечалось перемещение «по этапу».

Жодино (до суда)

Опять куда-то поехали. Предварительно обсуждались варианты завезти нас в: Глубокое, Новосады, Жодино. Очевидно, в связи с отсутствием возможности везти на Колыму – там другое государство.

С категорическим приказом из окон не высовываться и ничего не говорить. На выезде с территории у ворот было человек пятьдесят, протестовавших против нашего задержания. Эффективности никакой, конечно, но это порадовало. Поехали весьма окольными путями – через кольцевую. Хотя с учётом конечной цели дешевле было через центр города, но, видно, не хотели

светить вереницу автобусов. Так что пожгли казённого бензина неплохо. С учётом последующего перемещения нас из Жодино по судам и из судов – обратно в Жодино, ещё больше.

По дороге психологическая обработка продолжалась, но по весьма шаблонной схеме, т.е. с последовательным чередованием утверждений:

- Ну, ребята, вы попали, там вам точно 3,14\$%^& !!!!!!!!!!!!!
- Да всё нормально будет!
- Ну, ребята, вы попали, там вам точно 3,14\$%^& !!!!!!!!!!!!!
- Да всё нормально будет!

При обсуждениях и спорах студентам, естественно, говорили, что они ещё ни хрена не сделали и ничего в жизни не понимают.

Явным не-студентам – что-то вроде «ну, может, в чём-то ты и прав, но таких, как ты, единицы, и вы ни на что тут не повлияете».

За этими разговорами и приехали в Жодино. Там у них был целый день на подготовку нашего заезда, так что загрузка по камерам прошла достаточно быстро. Перед отбоем даже принесли пожрать. Капусту с водой в такой редакции едой назвать сложно, но в тот момент привередничать не приходилось. Впрочем, несколько человек в других камерах объявили голодовку. Полагаю, что главным образом не из идеологических соображений, а из заботы о собственном здоровье. Там действительно лучше 15 дней не есть, чем потреблять содержимое мисок. Впоследствии оказалось, что обитание в Жодино обходится в 2500 в день, что дешевле, по сравнению с окрестинскими 4500, но там, говорят, хоть есть можно [В Республике Беларусь заключенные оплачивают свое пребывание в тюрьмах. – ред.].

К цифре 2500 их бухгалтерия пришла значительно позже, а до этого с приходивших с передачами сдирали по 3900 за день пребывания адресата. Излишек, естественно, потом не вернули, прямо заявив по телефону, что претензий не имеют. Естественно, никто не будет иметь претензий к дарящим им по 7 USD. Ну, рано или поздно они этими денежками подавятся. Оно конечно, можно ПОДАТЬ В СУД НА ТЮРЬМУ, В КОТОРОЙ СИДЕЛ!!!, но это уже из серии «постмодернизм отдыхает».

В дальнейшем вечерняя капуста перешла в нашей камере в разряд «дембельского ужина», т.е. когда кто-то откидывался в следующую ночь, на тех бралась одна миска и соответствующее количество ложек, после чего происходило совместное потребление капусты. Кстати, о ложках. Один раз их дали на одну больше, чем народа в камере. Тут же возникла идея её заначить и сделать заточку (быстро мы привыкаем к новым реалиям). Правда, от этой идеи отказались и впоследствии резали сало из передач обычными тупыми ложками. :))

Утром второго дня две новости: плохая – подъём в 6.00 и хорошая – уже один день отсидели, так что оставалось уже 9-14, в зависимости от последующего приговора. Бытие особыми нюансами не отличалось, кроме того факта, что хотя и было кем-то ещё на Окрестина заначено две сигареты, но охрана с двух попыток попросить спичек не отреагировала и было принято решение дальнейшими просьбами не унижаццо. Так что проверенная на практике народная мудрость «не верь, не бойся, не проси», по сути, является просто хорошим способом избежать нервных срывов и связанных с ними проблем. Кроме того, это давало бонус в виде полностью здорового образа жизни и не действовало на нервы некурящему народу. Впрочем, тем, кто не курил, стало весьма неуютно после первой же передачи. :)

* * *

К утру понедельника (27 марта) прошло три дня с момента задержания. В пересчёте – 7-12 оставшихся дней по срокам. Было бы, конечно, менее хлопотно и дешевле для государства просто привезти судей в Жодинское СИЗО, но в итоге было принято решение везти нас в Минск (раз не Магомет к горе, так хоть гору к Магомету потащим). Типа экскурсия в различные районные суды. Долгое составление списков, построение, опять спецназ (5-я рота) ;) – во двор. Вместо автобусов – мазовский фургончик. Но туда уже народа грузили умеренно, а не как сельдей в бочку при задержании.

Само судебное заседание в присутствии судьи и секретаря (т.е. даже не «тройка»), ну и конвоира, естественно (шоб не убе-

жал). Зачтение окрестинских креативов, пара несущественных вопросов, торжественное зачитание приговора (10 суток) и всё. Минут шесть максимум. Конвейер. Спорить бесполезно, так что действо надо воспринимать совершенно спокойно и нервов не тратить, ибо не казённые. Большую часть времени заняло написание заявления об отказе от адвоката. На подобных судах вообще от адвоката лучше отказаться, памятуя историю о двух моих знакомых, задержанных за одно и то же (2 марта – собрание сторонников Козулина). Первый был на суде без адвоката – 7 суток. Второй – с адвокатом – 12. Приговоры раздавались совершенно randomным образом, разве что девушкам в среднем дали меньше. Потом больше всех радовались именно получившие по 10. С мотивацией – если 3-4, то считай, почти не сидел (у нас человека, вышедшего на улицу без документов, могут спокойно на три дня задержать, просто для выяснения личности). Пятнадцать – это мрачно, а 10 – в самый раз.

Как известно, в соответствии с действующим законодательством вынесение решения о конфискации имущества вообще или о частичной конфискации имущества (как средства совершения преступления) – исключительно судебная прерогатива. Ни в одном из приговоров участникам лагеря на Октябрьской такого определения вынесено не было. Однако большое количество нашего имущества испарилось в неизвестном направлении. Таким образом, имел место быть случай, предусмотренный ст. 206 (часть 4) УК РФ, в просторечии – грабёж, совершённый группой лиц. А если к тому же учесть, что совершался сей грабёж сотрудниками КГБ и правоохранительных органов, с примкнувшими к ним дворниками – забавная ситуация. Только вот не понятно, почему все до сих пор про это молчат. Понятно, что сейчас что-то сделать особо без шансов, но в своё время вернёмся и к этому вопросу.

И точно также молчат про выводы из результатов второго референдума (ноябрь-1996).

Там был вопрос: «Согласны ли Вы, что финансирование всех ветвей власти должно осуществляться гласно и только из государственного бюджета?»

Большинство народа проголосовало против. Т.е. народ посчитал допустимым тайное финансирование власти из частных источников, таким образом, фактически дав добро на дачу взяток. Но соответствующую статью из Уголовного кодекса не убрали и людей по ней продолжают сажать.

Потом, уже в Жодино привезли мне бумажку под названием «Постановление по делу об адм. правонарушении». Это – в рамочку и на стену. Поскольку анекдот. По тексту:

1. Вначале утверждается, что я был на площади с 1.00 до 3.05 ночи 24 марта. ДВА ЧАСА. Потом сообщается, что обвиняемый подтвердил, что действительно ДВОЕ СУТОК там находился. То ли с логикой у них проблемы, то ли с математикой.

2. «Громко выкрикивал лозунги антигосударственного содержания – «Ганьба!»»».

Во-первых, у суда проблемы с соотношением единственного и множественного, а во-вторых, с удивлением узнал, что у нас слово «ганьба» теперь табуированное и антигосударственное.

3. «На неоднократные требования прекратить несанкционированный митинг и разойтись не реагировал». Ну, о том, что это были за требования, я уже писал. А потом подумал, что ведь мог бы действительно РАЗОЙТИСЬ! Срок бы получил существенно больше – зато честно выполнил бы требование.

На первом этаже Ленинского суда есть бетонные комнатки-«стаканы» для содержания в них до суда привезенных обвиняемых. Но так как нас завезли довольно много, то и напихали в них народу под завязку (по шесть-семь человек) и закрыли. Не особо уютно, ввиду того, что там, вследствие небольших размеров замкнутого помещения, быстро становится жарковато, но всё равно было весело. Знали же, что не в сказку попали.

Пока судьи в поте лица оформляли кучу свалившихся на них дел, день почти прошёл. Вечером – снова загрузка в автобус,

и временно опять на Окрестина за отобранными вещами. Для последующего возвращения в Жодино.

Пересказывать отсидку в хронологическом порядке – весьма скучно, ввиду многочисленных ежедневных повторов одного и того же. Поэтому выделю я, наверно, ряд отдельных ситуаций и про них напишу.

Итак, о негативе:

1. Внезапное нервное восприятие реальности

Было иногда у нас и такое. Но на первой же фразе очень эффективно гасилось ответом кого-либо из рядом находившихся. К примеру:

– Да надоело уже тут восьмой день торчать!!!

– Гы, а ты подумай, какой же ты оппозиционер, если ты не сидел!

(общий смех)

– Меня же девушка на свободе ждёт, хнык!

– А ты представь себе, КАК ОНА БУДЕТ СЧАСТЛИВА, когда ты откинешься!!!

– Что за идиотские правила, блин, нельзя так!!!

– А ты к последнему бою готов? Если готов – давай протестуй. А если нет – помни, что рёбра у тебя не казённые!

2. Временное «самоотупление»

Как многими утверждается нынче, народу в те дни вышло мало, поскольку всем страшно. Т.е., бояться. А бояться как раз того, что произошло с нами. ;))

Но, как известно, дубина, занесённая над головой, всегда страшнее удара самой дубиной. Мы остались теми же. Теперь-

то уже понятно, что далее будут только количественные, а не качественные отличия. Не видел я в камере серых лиц и остекленевших глаз. Думаю, что у большинства побывавших в Жодино мнение об окружающем не поменялось. Так что все эти мрачные условия, спецназовские шутки и прочее давление имеют за собой единственную цель – хоть как-то придать внушительность той же самой дубине, поднятой во второй раз.

Самая простая защита от этого – переход в туповатое состояние. Причём сознательно! Механическое выполнение распоряжений и временное отсутствие мыслей. И всё. Повлиять несильными методами на такого человека – без шансов.

НО !!! Необходимо было помнить, что при выходе на свободу на дворе будет уже 3 апреля, а арестованные на площади так и оставались в информационном плане ночью 24 марта. Явное отставание от жизни. Доходили, конечно, известия о том, что 25 марта было много людей (но поскольку источником было государственное радио, было понятно, что полную картинку удастся понять только после освобождения). Что оранжевые в Украине выиграли выборы. Что кто-то с кем-то сыграл вничью в футбол. Очень мало на самом деле. И чтобы преодолеть это отставание, 3 апреля придётся мозги включать по максимуму, читать, видеть и понимать. А если выйти в режиме «тупняка», возможны действительно серьёзные проблемы. Т.е. «тупняк» – это, конечно, хорошо, но вот вход/выход из него надо хорошо контролировать. Так что по мере сил мы и с этим боролись и вполне успешно. Правда, к примеру, правила игры в «контакт» до некоторых дошли с четвёртого раза, но так поняли ведь!!! и выдавали по ходу очень интересные завёрнутые определения. :))

Карты в сизо запрещены, поэтому озадачились изготовлением шашек и шахмат. Естественно, хлебных, с применением пепла сожжённых газет при изготовлении чёрных фигур. Для костра подобрали «мёртвую зону», т.е. пространство в камере, не видимое в «глазок». Чемпионат камеры по этим играм тоже неплохо избавлял от отупления. :))

Много дискуссий с массой интересной информации, и при этом – никакой ругани. Даже при наличии полностью противоположных взглядов.

3. Бытовые нюансы

Здесь всё зависит от восприятия каждым конкретным человеком. Кого-то жутко раздражает прокуренный полумрак, а кто-то в это же время, но в другой камере усиленно эту самую прокуренность создаёт.

При втором приезде в Жодино нам из отобранного на Окрестина разрешили взять в камеры всё то, что там можно держать. Вот и дорвались до своих табачных изделий после четырехдневного перерыва.

Кого-то напрягает сортир прямо в камере, душ раз в 5-10 дней и отсутствие горячей воды. Кого-то – нет.

Обычные бритвы и даже станочные – запрещены. Разрешены только электрические. Но их, во-первых, не было, а во-вторых, при отсутствии розеток они бесполезны. Зато удалось в итоге временно обзавестись неплохой бородой. В обычной жизни так бы не вышло – надо ж каждый день бриться. И т.д. и т.п. Но привыкнуть на самом деле можно. Практически ко всему. И придумать по ходу ряд технических улучшений. Типа греть в пластмассовых бутылках воду на батарее, чтоб не было противно бошку холодной водой мыть.

Записи Александра Кашко⁵

Про площадь много писать не буду – об этом можно прочитать везде. Буду писать только про нас. Когда разбили палаточный городок, мы решили постоять подольше, хотя уже подумывали над тем, чтобы пойти домой. Нас (в нашей тусовке) было много: мама, её подруга, мамин друг, мой друг, его девушка, друг брата с девушкой, однокурсники брата. До этого были ещё мои ребята – шесть моих друзей, но они пошли по домам пораньше. Потом нас осталось только пятеро – я, братик, его друг с девушкой и мамин друг. Около одиннадцати я развёз всех по домам и поехал на площадь. Мама уговорила заехать домой погреться и даже уговорила поесть. Я начал собираться. Встал со стула младший брат и тоже направился в прихожую. Я спрашиваю: «Ты куда?» Он мне: «Ну, я же не оставлю тебя одного...»

⁵ Публикуется с любезного согласия автора, двадцатипятилетнего блоггера из Минска.

Часть 1. Начало

Мы поехали. Проезжая мимо площади, мы посигналили. Было классно. На самом деле – знаю, когда стоишь на Площади и тебя кто-то поддерживает, пусть даже незнакомый тебе человек в проезжающей мимо машине, ты чувствуешь себя намного лучше и веселее, даже теплее становится. Гаишники нас не остановили за бибиканье. Машину я оставил на парковке около Жако, на площади Победы. Идём на Площадь, на нашу Площадь. Ещё не успели перейти через Свислович, как нас останавливают два мента. Один худой, а второй (поглавнее будет) – здоровый, может, просто толстый такой. Здоровый-толстый попросил нас предъявить документы. Мы дали паспорта. Он посмотрел, поинтересовался, куда мы направляемся. Саня (брат) начал прикалываться, типа мы идём девчонок искать. Я поддержал: «Скучно, мол, так и так, а тут, говорят, можно познакомиться с кем». Мент спросил: «Судимость есть?». Мы ответили, что нет. Малой мент говорит: «Значит, будет. Как говорил Дзержинский, если у кого-то нет судимости, то это не чьё-то достоинство, а наша недоработка». На этой мажорной ноте мы и расстались. Дальше до площади дошли без приключений. Хотя было немного боязно – на каждом шагу стояли менты.

На Площади мы с братиком никого не знали. Получилось так, что народ там уже скучковался по группам и болтал между собой. Ну, мы тоже стояли и болтали. Потом начали ходить, так как было довольно холодно (у меня так вообще нет зимней куртки, я же в машине всегда езжу). В половине третьего случился какой-то инцидент в переходе около Дворца профсоюзов. Пострадала девушка. Что там точно было, мы так и не выяснили. Мама звонила через каждые 15 минут. Мы решили, что немного побудем и пойдём к машине – слишком холодно было, и мы промёрзли уже полностью. В 2 часа 52 минуты я позвонил маме и сказал, что мы выходим к машине. И мы пошли...

Через подземный переход мы не стали переходить, решили спуститься к цирку и там уже перейти дорогу. Мы от площади отошли больше чем на двести метров, когда увидели, что к

людям, которые шли впереди, стали подходить лица в чёрной форме. Я предложил братику пойти назад на Площадь, на что он мне сказал: «Да ладно, пошли, не бойся – прорвёмся». Ну, мы и пошли «прорываться».

Один омоновец, а в чёрном были именно омоновцы, уже бежал к нам. Перед нами шли четыре человека – вроде студенты, молодые совсем. Они поступили более благоразумно и пошли назад. Когда братик сказал, что мы прорвёмся, мы немного ускорили шаг, чтобы омоновец первым подбежал к нам, а не к четвёрке, которая уже пыталась потихонечку уйти. Когда мы с ними поравнялись, я им сказал: «Ребята, сваливайте быстрее, а мы пока вас прикроем, быстрее только!». Через две секунды омоновец уже просил у нас документы.

Мы достали паспорта. Он сверил наши лица с фотографией на паспорте и, убедившись, что это мы, сказал нам спускаться к улице Янки Купалы (там стояло несколько омоновцев). Мы с братом как законопослушные граждане пошли вниз, а омоновец побежал догонять четвёрку, которая отошла за это время метров на 30!!! Я просто балдею: сказал же им сваливать, а они как на вечернем променаде, вразвалочку идут. Ладно, пока мы шли к перекрёстку (до него было около тридцати метров), я в кармане набрал мамин номер, младшему сказал, чтобы не показывал телефон – я свой сдам, если что, а он пусть свой спрячет (как потом убедились, это была правильная идея). Когда я понял, что мама уже подняла трубку я достал руку с телефоном из кармана и быстро произнёс: «Мама, нас задерживает СОБР». На меня полетел один из омоновцев с криком: «Выключить телефоны!» Тут я уже понял, что мы попали. Я быстро выключил телефон и показал ему, что телефон не работает. Это было в 2 часа 55 минут (время указано из распечаток моих телефонных разговоров).

Нас взяли за куртки и повели через улицу Янки Купалы. Потом повернули на 45 градусов влево и повели в парк (не знаю, как называется; говорят, это сквер Янки Купалы – там потом 25 марта на День Воли соберётся большое количество народа). Стало несколько жутковато: нас вели в темноту, там ничего не

освещалось. Нас не просто вели, а нас «бежали», то есть нас толкали и заставляли бежать. Потом я услышал, как один омоневец сказал моему брату: «А с тобой я хочу сам поговорить по-мужски».

Меня он кинул другому омоневцу, который не заставил себя долго просить и ударил меня. Куда, я уже не помню. Да я, собственно, и не знал... Потому что через полсекунды я уже лежал на снегу около автобуса и меня дубасили ногами несколько человек. Помню только, что старался увидеть замах ботинок и подставить руки. Ещё старался закрыть почки и голову. Как я оказался в автобусе, помню очень смутно, вроде сам залез, а меня толкали... Первая мысль, когда пришёл в себя: «Где брат?»

Часть II. Пятая рота

В автобусе было где-то пять омоневцев. И 23 вроде задержанных – это потом мы узнали (по версии брата – 16 человек). А теперь представьте: маленький автобусик типа «ПАЗ». Представили? Теперь вспомните размеры проходов между сиденьями по левому и правому борту, а также длину этого самого прохода. Вот там мы все и лежали. На полу, друг на друге. На сиденье сидели только омоневцы и одна девушка, назовем ее Дашей (это не её имя).

Я лежал ближе к передней двери головой к задней части автобуса, подо мной тоже лежал человек. Я пришел в себя и услышал «команду» омоневца: «Так! С...! Всем, у кого есть телефоны – всем сдать! У кого найдем – п... тому будет!» Все, у кого были телефоны, начали их сдавать. Я немного приподнялся и повернулся, чтобы отдать свою мобилу, и посмотрел на улицу через переднюю дверь – там был мой брат. Лицо в крови. Его закинули в соседний автобус (в скверике было вроде два буса), чуть позже мне удалось увидеть его силуэт у дверей. Поехали наши автобусы не сразу. Я могу предположить, что наш автобус был уже заполнен, а мы ждали заполнения второго. Пока мы стояли, омоневцы орали на нас матом и били по головам,

если замечали, что ты начинаешь поднимать голову, так как по их «правилам» мы должны были лежать лицом вниз и не шевелиться.

Потом зашел их командир или кто, и дверь закрылась. Далее ход событий был довольно хаотичный, и я бы разделил все на несколько эпизодов, в точной хронологии которых я не уверен.

Эпизод 1. Журналист «Радио Полония»

Омоновец (О): Ну что уроды, революции вам захотелось, да? Счас, б..., мы вам устроим революцию... Ты какого х... в желтой куртке, а? Пид... *(это он обращается к парню – журналисту «Радио Полония»)*. Ты откуда вообще?

Парень (П): Я журналист «Радио Полония», у меня аккредитация есть.

О: Так ты поляк?

П: Нет, я белорус, но живу и работаю в Польше.

О: Ты вот за кого голосовал? За батьку?

П: Нет. *(звук удара)*. Я вообще не ходил на выборы.

О: Ах ты, с...! Почему на выборы не ходил! *(Снова звук удара)*.

П: Мои родители за Лукашенко голосовали.

О: Так ты радиожурналист, да? Давай мы послушаем твои записи. А ты, урод, может, и счас нас пишешь? Давай диктофон!

П: Вот он, можете вставить любую кассету, а сейчас я не записываю – у вас же всё.

Омоновцы вставляют кассету, слушают: там вроде голос Милинкевича.

П: Это у Милинкевича на избирательном участке интервью...

О: А у батьки интервью почему не брал?

П: К нему не пускали, там специальная аккредитация нужна.

О: А теперь повторяй за мной – «Милинкевич п... и ...».

П: Я вообще не за Милинкевича.

О: Повторяй, ...! (*звук удара*).

П: «Милинкевич п... и ...».

О: Так, уроды, а теперь, если будете умными, то не получите п... Все отвечаем на вопрос: «Кто ваш президент?» Ты отвечай, с... (*обратился к кому-то*).

Кто-то ответил: Наш президент – александр григорьевич.

О: Весь автобус повторил!

Все вместе: Наш президент – александр григорьевич.

О: Я не слышу, громче, п...! (*звук удара*)

Все вместе: Наш президент – александр григорьевич.

О: Ну смотри, ..., если ты нас писал (*к журналисту*) тебе будет.

Эпизод 2. Француженка (Ф)

(потом получила вроде 5 или 10 суток – точно не знаю)

После того, как омовцы уже перестали всех подряд дубасить и даже начали говорить с П., рядом со мной подняла голову девушка и говорит (на русском):

Ф: у меня самолёт в 4.30, мне надо в аэропорт.

О: Счас, с..., ты у нас на Куропаты полетишь, у...

Ф: Я наблюдатель, была в Витебске, и у меня самолёт, мне надо ллететь домой, во Францию.

О: А ты откуда во Франции?

Ф: Я из Лиежа. У меня самолёт (*уже почти в истерике и в плаче*).

О: О, это там вроде в легион принимают... Да заткнись, ты, ..., а то счас полетишь нах...

Тут я решил, что француженке не обязательно в ту ночь получать по лицу. Я приподнял голову и на французском, тихим, но максимально твердым голосом (чтобы она послушалась)

сказал ей успокоиться и молчать, пока не приедем. И она замолчала – просто лежала рядом и уже ничего не говорила и не плакала (по крайней мере, не вслух).

Эпизод 3. Даша Лисица (Д)

(тоже дали сколько-то суток)

О: А ты у нас откуда такая?

Д: Я вообще здесь случайно. Я у подружки была в гостях, домой ехала.

О: А сама откуда?

Д: Из Могилева.

О: А к нам как попала?

Д: На вокзал шла, на поезд.

О: Какой такой поезд в три часа ночи?

Д: Он просто дешевле всех, я всегда на нем езжу.

О: А что у тебя в сумке? Ну ка, дай я посмотрю. Ах ты б..., да у нее там сигареты, термос, что в термосе, с...? На площадь шла, д...?

Д: *(уже совсем плача)* Да нет, мне подружка с собой кофе сделала, чтобы я в поезде не спала, а я кофе очень люблю.

Тут мы остановились.

О: Как тебя зовут?

Д: Даша.

О: Пошли, Даша, покурим, а то там, куда мы приехали, ты долго не сможешь покурить.

Д: Я уже не хочу курить.

О: Да пошли, я тебе говорю. Не будь плохой девочкой. Смотри, что мы делаем с плохими девочками

(омоновец протягивает ей к лицу свою мобилу и включает видео).

У Даши начинается истерика. Ей показывают еще что-то (как потом она рассказала, ей показывали порнуху).

О: Да ладно, Даша, я тебя не буду трогать, у меня жену Даша зовут.

Как я узнал позже, парень Даши лежал в том же автобусе на полу. Несчастные ребята, надеюсь, дальше по жизни им будет везти.

Еще у нас были два брата (белорусы) и два брата (украинцы), пара пацанов с длинными волосами. Над ребятами тоже издевались, били. Просто сил нету все это описывать.

Минут 15-20 мы где-то стояли, нам в это время говорили: «Ну что, революционеры конченные, сейчас вам всем по укольчику и туда, где вас никто не найдет... и вы, уроды, уже никому ничего не расскажете».

Часть III. Окрестино встречает

Как я уже сказал, мы куда-то приехали и стояли около двадцати минут. Затем нам сказали: «Ну что, смертнички, выходите, приехали!» Поднялся я не очень быстро – я отлежал ногу и старался (насколько это возможно, когда тебе дают подзатыльники) без резких движений выйти из автобуса и дойти туда, куда нас привезли. Это было Окрестино. Нас ввели в здание с длинным коридором и всех поставили вдоль стенки. Так как в автобусе я был почти ближе всех к дверям, то в том здании я оказался в конце коридора. Нас поставили лицом к стене, руки за спиной. Было запрещено разговаривать, поворачиваться и смотреть по сторонам. У всех было чувство облегчения: Слава Богу, нас наконец вывели из этого долбаного автобуса.

Те, кто были в нашем автобусе, я думаю, согласились бы, что хуже, чем в автобусе, нам уже быть вряд ли могло. Хотя... у нас все может быть. Но была радость, хоть горькая, непонятная и противоречивая, но радость. Омоновцы ходили по коридору – типа, шутили. Не буду писать эпитеты в их адрес – думаю, и так все понятно. Подошли к какому-то парню, прямо перед

ментами вмазали ему по почкам. Я был в шоке: милиционеры (которые должны вроде как нас охранять) просто переглянулись между собой и улыбнулись. Это были офицеры. Не понимаю, что они испытывали, когда видели это. Могу предположить, что страх, а улыбки – ими просто прикрывались. Офицеры... Честь мундира... Эти понятия для них исчезли, наверное, уже давно. Не для всех, но для большей части. Я очень хотел бы ошибаться.

Глазами я пытался найти братика. Я знал, что он ехал в соседнем автобусе. Я смотрел вдоль стены и не находил его. Потом, когда омовцы отошли, я спросил у офицера, не видел ли он моего брата, я ему все объяснял, просил... Ноль реакции – только покачивание головой и слова: «Никуда он не денется». Ага, с этими – не денется. Проехал бы этот офицер с нами в автобусике, так надолго улыбаться перестал бы. Брата в коридоре не было. Я был в панике, это ужас, не буду описывать все те мысли, что крутились у меня в голове те два часа, что я стоял у стены. Если бы можно было плакать, я бы плакал.

В коридоре всех по одному куда-то уводили, начали от входа. Когда пришла моя очередь, почти всех уже разобрали по камерам (осталось в коридоре нас трое). Пришла и моя очередь: меня повели в комнатку, там подвели к столу и сказали забирать свои вещи. Мне чуть не стало плохо: на столе лежали фотоаппарат (я даже не помню, как у меня его забрали), телефон (я сам отдал) и два паспорта. Трясущимися руками я схватил паспорта и мои опасения оправдались: один из них был мой, а второй – братика. «Где мой БРАТ????!!!» – беззвучно кричал я. Меня что-то спросили, я что-то ответил. Потом, наконец, смог спросить, где мой брат. Менты ответили, что не знают, но должен быть здесь, если забрали. Искать, разумеется, никто никого не хотел.

С меня сняли ремень, шнурки, цепочку. Всего в описи моих вещей было 24 наименования (зажигалки, сигареты, деньги, документы и т.д.). Меня повели в отдельную камеру, где на штативе была установлена видеокамера. Там меня поставили у стены и начали снимать. Спросили фамилию, имя, отчество,

где родился и прочую ерунду. Потом попросили повернуться боком, задом, снова боком. Всё это время снимали на камеру. Затем меня повели по лестнице наверх. Не помню, на какой этаж. Ввели в кабинет, там было три офицера. Два мужчины и женщина – следователи. Мне сказали, что я должен подписать протокол. Я начал читать протокол. На меня начали орать, что из-за меня им (следователям) не дают поспать, а я тут еще вы ...сь, читать протокол начал. Я дочитал протокол. Мне сказали подписывать. Читаю место для своей подписи (то есть то, что я должен подписать): «С протоколом и ст. XXX КоАП (кодекс об административных правонарушениях) ознакомлен». Резонен мой вопрос:

Я: А что в кодексе написано в этой статье?

М: Там про твои права – ничего особенного.

Я: Так зачитайте мне мои права.

М: Подписывай, б..., сказали же, что там ничего, что тебе может пригодиться!

Я: Дайте мне кодекс, я хочу сам прочитать.

М: С...!!! Подписывай, тебе говорят.

Ну что тут скажешь... Я начал писать, благо в той графе было много места: «С протоколом ознакомлен, со ст. XXX КоАП – не ознакомлен. Подпись».

Я говорю: «Подписал». Мент подошел, посмотрел. Смотрю, рожа офигевшая, глаза уже кровью наливаются. Думаю: «Ну всё: конец сейчас будет, довыпендр...». Додумать я не успел: мент хватает меня двумя руками за горло, начинает душить, трясти, при этом умудряясь кричать: «Да я тебя, ублюд..., тут сгною, су..., ты, бл..., у меня в одиночке сидеть будешь, пиз...ть буду каждый день». И так далее. Я уже и думать совсем перестал. И дышать тоже. Наконец он меня отпустил. Я почему-то улыбнулся девушке (милиционеру). Она улыбкой мне не ответила. Понял, что не самое лучшее место для знакомства.

Мент перевернул протокол – там место для объяснения – сказал мне: «Пиши «согласен» или «не согласен». И подписывай». Я спросил, можно ли написать объяснение и, получив отрицательный ответ, написал: «Не согласен». Подпись. Как-то надоело мне уже в то «прекрасное» утро играть роль груши, на которой всякие гады будут оттачивать свое «мастерство».

Меня вывели из камеры, и повели вниз. Там закинули в какую-то камеру. По дороге, в коридоре я увидел журналиста «Радио Полония», над которым издевались в нашем автобусе. Его и тут омовцы не могли оставить в покое: он стоял около стены в неестественной позе (не буду ее описывать – просто жаль парня), а рядом стояли два омовца и ржали. Животные.

В камере, рассчитанной на четыре человека, нас было около десяти человек. Я начал спрашивать, может, кто ехал в автобусе с моим братом. Никто. С того автобуса никого не было. В который уже раз я прочитал молитву и сел на лавку, опустил голову на руки и попробовал заснуть. Было очень холодно: как оказалось, это был новый корпус Окрестино, его только в понедельник сдали в эксплуатацию – подготовились к нашей встрече.

Когда я проснулся, было уже светло. Нас вывели из камеры и построили вдоль стены. Там уже стояло много народа. Всем выдали их вещи (в пакетах) и повели в другой корпус (старый). По дороге я решил, что надо слямзить из своих вещей телефон и из камеры попробовать позвонить. Я был бы не я, если бы мне не пришла в голову такая сумасбродная идея и я не решился бы ее реализовать :). В общем, телефон я закинул в карман, пока мы шли по дворику из одного корпуса в другой. Мы зашли в здание, там у всех по очереди забирали вещи. У половины проверяли их соответствие описи и дополнительно обыскивали. Мне как-то стало не по себе. В суматохе я засунул телефон в ботинок, потом постарался научиться ходить не хромяя. Почти получилось. Решил выкинуть из вещей опись, достал ее, но потом положил назад: вдруг ее отсутствие вызовет подозрение. В общем, не «шмонали» меня (не обыскивали).

После того, как забрали вещи, меня и еще девять человек определили в камеру №1. Там мы сидели до вечера. С телефоном получился облом, что-то из истории: «Профессор – дурак, но аппаратура при нем». Оказалось, что омоновцы навводили в мой телефон неправильных PIN-ов и при включении мобила говорила: «Введите PUK». Полная подстава. Был вариант, что кто-то из камеры попросит взять из своих вещей лекарства, еще что-нибудь и незаметно возьмет свою сим-карту (ее проще пронести в камеру, чем мобилу), пара человек даже почти согласилась, но в результате так и не решились. Где-то к 5 или 6 вечера меня и еще несколько человек вызвали из камеры, вывели на улицу, загрузили в машину. Мы поняли, что нас везут в суд.

Записи ЖЖ-юзера zhannik⁶

События 25 марта моими глазами

Предисловие

Вот, решила и я записать то, что видела вчера. Скажу сразу, 2 марта на митинге Милинкевича я была, 19 марта, благодаря обещанию маме, на митинг не пошла. Идти ли 25 марта на День Воли, я раздумывала. Создание палаточного городка я не поддерживала, считая, что ничего этим добиться нельзя и живут в нем люди уже не столько ради идеи, сколько ради адреналина, одновременно являясь игрушкой в руках и оппозиции, и властей.

Первые показывают, на что они способны организовать людей, хотя из уст палаточников я слышала, что в большинстве своем они туда шли не ради конкретных персон, а ради своих идей свободы. Вторые показывали, какие они демократичные и не трогают «этих несовершеннолетних отморожков, наркоманов, алкоголиков». Я не приходила поддерживать палаточный городок после работы по этим причинам, даже не проезжала мимо них, однако в четверг вечером мы все же пришли туда с моим парнем, после долгих убеждений подруги, что там особый дух, играет хорошая музыка, выступают интересные люди. Духа мы не почувствовали, музыка была только в записи, и то плохо слышна, никто не выступал – в общем, пробыли мы там недолго и ушли, решив, что через несколько дней, если власти их трогать не будут, жители городка сами разойдутся. Но ночью этого дня случилось то, что случилось.

Из Интернета я узнала, что среди арестованных трое моих знакомых. И в этот момент я поняла, что на День Воли я пойду. Мое мнение только укрепилось, когда я увидела по телевидению, сколько лжи и грязи вылили на них. И, придя 25 марта на проспект Скорины (извините, Независимости; интересно,

⁶ Публикуется с любезного согласия автора, жительницы Минска ЖЖ-юзера zhannik. Источник – <http://zhannik.livejournal.com/418.html>.

какую независимость имел в виду Лукашенко), я поняла, что сделали эти люди, которые сейчас арестованы и не видят того, что происходит благодаря им. Они действительно всколыхнули наше сознание, только они заставили выйти на улицы эти тысячи людей, которые почувствовали единство ради цели – свободы.

Отвечая применительно к себе на вопрос тех обывателей, которые за батьку, которых все устраивает: «Чего вам плохо живется? Что не устраивает? Вам не вовремя платят зарплату, ваши бабушки не вовремя получают пенсию?», я хочу сказать, что у меня действительно хорошая жизнь. Я живу с родителями, по белорусским меркам нормально зарабатываю, хватает, чтобы путешествовать за границу. Но, бывая там, я не понимаю, почему я не могу жить лучше. Да, по минским меркам я зарабатываю нормально. Но почему моя сестра, уехав в Америку и работая там нелегально, за год заработала себе на машину, снимает дом, поступила учиться в университет, платя немаленькие деньги за обучение. Когда я смогу себе такое позволить в нашей стране без помощи родителей, я не знаю, а уезжать за границу я не хочу. Но на самом деле не экономическая сторона важна, а то, насколько люди чувствуют там себя свободно, насколько они не запуганы и радуются жизни.

Я видела, как они валяются на газоне у Пизанской башни, чтобы посмотреть на нее с лежачего положения, как они выплясывают и поют песни также на газоне у собора, а идущие мимо люди либо присоединяются, либо начинают радостно улыбаться.

Я видела, как в Праге все пытаются заглянуть в окна президентского дворца или сфотографироваться рядом в обнимку с охранником, стоящим на посту, а те не гоняют людей, а только улыбаются.

Я видела, как на Украине около президентского дворца сидят с палатками шахтеры, бьют о землю своими касками, и никто их и не думает разгонять.

Я видела, как мэр итальянского городка купается в море на городском пляже, и это считается нормальным.

И после всего этого я не понимаю, почему, гуляя по скверу, я не могу заглянуть на трибуну, на которой раз в год стоит президент во время демонстраций, почему, когда я прихожу на бывшую работу, мне знакомые боятся рассказывать о положении дел, так как вероятно подслушка, а подруга по рабочему телефону вообще отказывается о чем-либо говорить, кроме погоды и здоровья, так как им прямо сказали, что телефоны прослушиваются, почему я не могу выйти на площадь и сказать то, что я хочу сказать (я не ругаюсь матом и оскорблять никого не собираюсь), почему пародия на государственное руководство в Литве считается хорошей шуткой, а у нас подвергается уголовному преследованию. А самое главное, я не понимаю, почему я должна слушать столько неприкрытой лжи по государственным телеканалам и радио.

И не говорите мне: «Не слушай и не читай», это не выход, так как независимого телевидения у нас создать не дают.

И я не понимаю, как люди могут так врать, как у дикторов поворачивается язык говорить такие вещи и как после этого они могут идти домой к своим детям и смотреть им в глаза, спать спокойно и жить нормальной жизнью. А еще я не понимаю, по какой мизерной цене надо было продать Белтрансгаз, чтобы купить и заткнуть рот россиянам. От российских журналистов я этого не ожидала.

Это было предисловие...

События

А теперь то, что я видела 25 марта 2006 года.

С утра мама рассказала мне, как они ходили в начале и середине 90-х на митинги Позняка и как их разгоняли, перекрестила меня и отпустила. Она почти не пыталась отговаривать меня, только попросила быть осторожной. В районе 12.10 я приехала на площадь Восьмого марта, что около собора. Там стояло много милицейских автобусов. Они были пусты, и в них были оставлены щиты и каски. Это немного обнадежило. На площадь со стороны Миноблисполкома (ул. Энгельса) нас,

естественно, не пустили. Мы пошли в обход по улице Ленина. Там я встретила со своими знакомыми.

Народа было много, но передвижение было свободно, и мы подошли к Центральному универсаму, где толпа и остановилась. Через дорогу, около входа в метро и пиццерии была толпа милиции, людей туда не пускали. Такого количества милиции я в своей жизни еще не видела (во второй половине дня оказалось, что можно увидеть и большее количество).

Нас стала окружать милиция и прижимать к Центральному универсаму. Мы видели, что около ГУМа и Нацбанка происходит примерно то же. Видно было, что около Нацбанка группа людей вырвалась на проезжую часть, но во много раз превышающая их толпа милиции затолкала их обратно; говорят, там нескольких арестовали.

В это время у нас выбраться из толпы стало невозможно. Началась небольшая давка. Потом, уже придя домой, из Интернета я узнала, что омоновцы специально нас стали сдавливать, но зачем – непонятно; может, боялись, что мы прорвемся на площадь. Через какое-то время ОМОН стал клином рассекать нашу толпу на две части. У людей началась паника, мы боялись, что ближних к площади, т.е. нас, начнут арестовывать. Демонстранты начали выталкивать омоновцев, не давая разбить себя на группы. И нам это удалось, мы их вытеснили.

В эти моменты чувствовалось единство и солидарность демонстрантов. Совершенно незнакомые между собой люди помогали друг другу, девушек пытались поднять на выступ около окон универсама «Центральный», уже стоящие на выступлениях говорили о направлениях действий милиции. Поняв, что рассечь толпу на части не удалось, людей начали выпускать на улицу Ленина.

Через некоторое время (в районе 13.30) прошла информация, что Александр Милинкевич направился в сквер Янки Купалы, и мы двинулись туда. До Немиги мы шли по коридору из милиции и омоновцев. Лица большинства из них были молоды, в их глазах не читалось агрессии. Только на участке дороги около городской ратуши в оцеплении стояли чины, у которых на по-

гонах было не менее трех звездочек, у некоторых из них было даже две больших, т.е. стоял кордон из офицеров.

Мы спустились к метро на Немиге, там оцепления уже не было. Толпа пошла по улице Богдановича через мост, далее около больницы и Оперного театра повернула направо к Купаловскому скверу. Людской поток был очень большой. Большинство проезжающих машин нам сигналили. Люди открывали окна и махали нам, мы махали им в ответ, даже некоторые водители общественного транспорта нам сигналили. Подойдя к скверу, мы увидели большую очередь из милицейских автобусов и грузовых машин, в которых перевозят военных.

В сквере мы стояли далеко от выступавших и почти ничего не слышали. Услышалось и запомнилось только яркое выступление жены Милинкевича и Андрея Хадановича. Его песня, посвященная палаточному городку, вызвала, на мой взгляд, самую большую реакцию присутствующих (надеюсь, мне удастся добыть ее слова). Издали мы видели, как закидали снежками журналистов БТ, после чего они и заявили о ЧМТ и других побоях. Все вместе кричали «Ганьба БТ». Видели, как закидали снежками оператора спецслужб, который залез на дерево, чтобы лучше снять присутствующих. Около нас разместились журналисты телекомпании «Мир», их никто не трогал. Рядом стояло человек десять украинцев из «Поры», которым удалось просочиться через границу. Митинг закончил Милинкевич, сказав, что необходимо расходиться по домам и вновь собраться 26 апреля, чтобы провести «Чарнобыльські шлях».

Мы не слышали призыва Козулина идти к Окрестино, да даже если бы и слышали, то не пошли бы. После окончания наша компания распрощалась, знакомый провел меня до метро на Немиги и мы направились по домам.

Дальше все происходило со мной не как с участницей незаконного шествия, а как с простой обывательницей города Минска, на месте которой мог оказаться любой.

Сев в метро, чтобы доехать до вокзала и сесть на 81 автобус, я вспомнила, что обещала купить своей подруге журнал «Итоги», который продается только в одном месте Минска (по

крайней мере, других мест мы не знаем): в подземном переходе на пересечении улицы Ленина и проспекта Независимости. Я доехала до Октябрьской, купила журнал (к тому времени там было уже все спокойно) и решила ехать в свою Малиновку на 75 автобусе. Насколько я помню, автобус по расписанию отправлялся в 15.48. Я спокойно в него села, позвонила подруге, что через полчаса буду, открыла журнал и начала читать.

Уткнувшись в журнал, я не заметила, что творилось на Немиге и Городском валу. Подняла глаза только около центрального отделения Беларусбанка, немного не доезжая до театра Музкомедии. По тротуару шла колонна демонстрантов, скандируя: «Свободу палітвязням» и «Далучайся». В это время с левой стороны нас стали обгонять автобусы с милицией. Интересно, что они смотрели на демонстрантов с интересом и фотографировали их на свои мобильные телефоны. Что они теперь говорят своим друзьям и родным, показывая эти снимки?

Когда мы доехали до кольца, гаишник не разрешил автобусу ехать по положенному маршруту прямо, а заставил повернуть. Тогда водитель автобуса прямо на кольце открыл двери и сказал, что дальше не поедет. Все пассажиры вышли из автобуса и пошли пешком в сторону Московского исполкома (когда я рассказала это маме, то она пообещала написать жалобу в Минсктранс). Среди нас были и женщины с детьми.

Пройдя несколько метров, мы увидели, что около Московского исполкома омоновцы (или собровцы, я не знаю разницы, но они были в форме цвета хаки, в масках, шлемах и с металлическими щитами) перекрывают дорогу и начинают идти на нас, стуча дубинками по своим щитам. Сзади мы увидели митингующих, которые перешли дорогу и шли пока по тротуару, хотя транспорт, в связи с перекрытием дороги, уже не ездил. Таким образом, мы оказались посередине. У ребенка, идущего рядом со мной, началась истерика. Они начали карабкаться по склону. Я, пробежав несколько метров навстречу собровцам, за метр до их колонны успела вскочить на лестницу, идущую на железнодорожный мост.

Поднявшись на несколько ступенек, я увидела, как они прошли мимо меня. Думаю, останься я внизу, они бы меня не тро-

нули, максимум, могли бы оттолкнуть, так как шли они по ширине всей проезжей части и тротуаров (но мне все равно было страшно).

Я поднялась на мост и стала наблюдать за всем сверху. Собровцы остановились как раз под нами. В это время демонстранты остановились и стали выходить на проезжую часть. От них отделился Козулин, священник с высоко поднятым крестом, еще несколько человек и журналисты с камерой и микрофоном. Они подошли к силовикам, которые не переставали стучать по щитам и что-то выкрикивать. Женщина, стоящая рядом сказала, что они кричат «волки, волки» – это их позывной. Козулин начал разговаривать с руководством. Из-за шума мы, естественно, ничего не слышали, и вдруг собровцы пошли на них. Священник пытался один их остановить, но они, толкая перед собой эту группку из нескольких человек, стали быстрым шагом приближаться к демонстрантам. Позже я слышала, что какой-то мужчина лег перед ними на дорогу, чтобы остановить, но они просто перешли через него.

В это время демонстранты взяли за руки и растянулись вдоль дороги (по-моему, это было сродни самоубийству). Когда собровцы вплотную приблизились к демонстрантам, прогремел первый взрыв. По-моему, дымовая шашка была брошена со стороны силовиков. Потом прогремел второй взрыв.

Люди стали бежать. Были слышны крики, часть демонстрантов стала карабкаться по склонам. В общей сложности я слышала четыре взрыва. Далее собровцы нас выгнали с моста, и я некоторое время не видела, что происходило на дороге. Когда мы стали опять на мост, то увидели, что собровцы перекрыли дорогу около кольца, за остановкой общественного транспорта, на которой до начала этих событий стояло человек 10-15. Вполне возможно, что среди пострадавших могли оказаться и они.

В этот момент я увидела такое количество милиции и других силовиков, которое раньше никогда не видела. Их было значительно больше демонстрантов. Это было жутко. Они прибежали к мосту и опять перекрыли дорогу. Часть демонстрантов, которые до этого взобрались на склоны, оказались окружены.

В этот момент стало ясно, как удачно Павлюченко [Дмитрий Павлюченко – командир Минского СОБР; по утверждению бывшего начальника Минского СИЗО №1 Олега Алкаева, возглавлял так называемый «эскадрон смерти», ответственный за исчезновение политических противников Лукашенко. – ред.] выбрал место. Это дорога с узкими тротуарами, по бокам которой довольно высокий склон и, даже взобравшись на него, ты упираешься в высокий забор. Деться просто некуда. Сразу за милицией к мосту подъехали две скорые и два больших МАЗа для перевозки арестованных. Милиции, видно, был дан приказ, и она стала хватать, бить окруженных людей и тянуть их в машины. Это выглядело ужасно. Потом милиция стала взбираться к нам на мост и все наблюдавшие кинулись врассыпную. Хотели они нас арестовать или нет, мы так и не узнаем, но страх у нас всё равно был большой.

Подойдя к остановке общественного транспорта около Московского исполкома, на которой стояла большая группа простых жителей города, я увидела шеренгу автобусов (10 штук только на проспекте Дзержинского, с другой стороны я не считала) и грузовиков для перевозки военных (шесть штук).

Милиция и собровцы перебежками возвращались и рассаживались по автобусам и машинам. В руках собровцев я увидела красные баллоны и глупо сказала вслух: «У них огнетушители». На что рядом стоящая женщина сказала, что это не огнетушители, а баллоны с газом «Черемуха». Использовали они их или нет, я не знаю.

После этого мы увидели возвращавшегося Павлюченко, в окружении телохранителей. Он подошел к какому-то большому чиновнику в милицейской форме (был это Науменко или еще кто, я не знаю), они начали смеяться, жать друг другу руки, явно поздравляя друг друга. По остановке прошел ропот возмущения видевших это людей.

Мне позвонил знакомый парень и сказал, что СОБР перекрыл возвращавшимся дорогу у здания «Лукойла». Людей хватают и сильно избивают, а сбежавших с побоища людей хватают на Немиге, причем ходят слухи, что хватали и в самом торговом центре.

Через несколько минут общественный транспорт начал работу и я поехала к подруге. Мир зажил своей старой обычной жизнью. Люди обсуждали погоду, поведение мужей, смеялись, рассказывая веселые истории. Впереди был еще один выходной день и это должно было навевать хорошее настроение. Создавалось впечатление, что ничего не произошло. Но на самом деле то, что происходило в течение этой недели в Минске, многое изменило.

МАТЕРИАЛЫ

Эти материалы практического характера позволяют почувствовать атмосферу мартовского Минска. Во время событий эти рекомендации вывешивали в интернете, распечатывали, их брали с собой в палаточный городок. Мы приносим благодарность Татьяне (Танде) Луговской – поэту, литературному критику, редактору журнала «Мир фантастики» – которая поделилась с нами этими документами, а также иным лицам, которые предпочли сохранить анонимность.⁷

Как лучше всего быть готовым к митингу

Одежда

Одеваться надо удобно и тепло, ведь стоять достаточно долго. Потому пальто, каблуки и юбки не подходят. Одежда в идеале должна быть неброская. Девушкам нежелательны украшения и каблуки. При выборе «очки или линзы» – линзы. Если вдруг заберут, то отберут шнурки и ремни. Потому лучше обувь без шнурков и джинсы :)

Флаги

Если есть флаг и вы хотите его принести. Флаг – это очень хорошо. Но для начала его нужно пронести на площадь. Приносить их лучше, обмотав вокруг талии, еще лучше, если талия будет женской. Лучше под свитером, а не под курткой. Когда менту придет в голову поискать под свитером, можно визжать и сопротивляться. На защиту девушки встанет даже отъявленный лукашист. Под палки для знамен хорошо использовать удочки-телескопы (легко проносятся в рукаве). Крепятся флаги значками, полосками ткани и т.п.

⁷ Авторы рекомендаций неизвестны; вероятно, в большинстве случаев речь идет о коллективном творчестве.

Татьяна Луговская

Если «древка» нет, во флаг можно завернуться как в плащ – и тепло, и полезно, и если снять, то ни один мент потом не узнает.

На голову, рукава можно (и нужно) повязывать ленты. На площади атрибутику будут раздавать, но можно сделать и самому: в ГУМе, ЦУМе и т.п. те же ленты в свободном доступе, стоят копейки.

Документы

Лучше иметь с собой только паспорт.

Средства связи

Мобильники возьмите (и не забудьте зарядить и положить немного денег на счет перед этим:), но сильно на них не рассчитывайте: связь могут временно отключить. Поэтому с друзьями лучше заранее договориться о том, как и где друг друга найти.

Идя на митинг:

- Не берите с собой детей и людей, неспособных позаботиться о себе самостоятельно, склонных к истерикам.
- Не берите с собой острых (колющих, режущих) предметов и того, что ими может стать (например, бутылок); если это невозможно, то постарайтесь избавиться от них хотя бы тогда, когда толпа начнёт уплотняться.
- Обойдитесь без сумок, папок, портфелей, рюкзачков, зонтиков, головных уборов.
- Не надевайте галстук и шарф.
- Обойдитесь без украшений.
- Обувь должна быть устойчивой, без шнурков и ни в коем случае не на каблуках.
- Застегните одежду на все пуговицы (молнии), чтобы она плотно облегалась фигуру.
- Не надевайте широкие пальто или плащи.
- Не надевайте яркую одежду; постарайтесь идти в том, чего будет не жалко.
- При выборе «очки или контактные линзы» – выберите контактные линзы.
- Длинные волосы соберите в максимально компактную причёску.
- Не берите фотоаппарата или кинокамеры; если не брать невозможно, позаботьтесь о том, чтобы он(а) не отсвечивал(а).
- Возьмите с собой документ, удостоверяющий вашу личность (поместите во внутренний карман); вложите туда справку или записку с указанием группы крови и резус-фактора.
- Еще стоит взять с собой записку с важными номерами телефонов:

- родственники;
- представитель вашей организации, если вы где-то состоите;
- консульство, если вы иностранец;
- знакомые журналисты или прямые телефоны службы новостей электронных СМИ;
- адвокат.

Крайне желательно основные номера телефонов помнить наизусть: когда появится возможность позвонить, у вас может не оказаться под рукой записки.

ИЗ ПАМЯТКИ УЧАСТНИКУ МИТИНГОВ И ДЕМОНСТРАЦИЙ

[что иметь с собой на митинге; вариант списка]

1. **Номера телефонов** людей в городе, которые могут вам помочь, телефоны правозащитников, журналистов. Лучше – выучить их наизусть. Соберите контактную информацию, которая может пригодиться. Это телефоны знакомых, телефоны партийных организаций и избирательных штабов, телефоны участников собрания, телефоны отделений милиции, больниц и поликлиник, мейлы людей, собирающих информацию, админов сайтов, контакты журналистов, контакты местных и общественных (особенно правозащитных) организаций. Не упускайте возможности пополнить базу контактов.
2. **Паспорт.** Обязательно имейте при себе паспорт. Поместите во внутренний карман. Паспорт обязателен на митинге! Причем держать только в руках и НЕ ОТДАВАТЬ. Потребуют перелистывать – перелистывайте. Здесь обязательно нужны свидетели, потому и надо уходить «десятками». Знакомые-незнакомые – «прибивайтесь» в конце митинга к какой-либо компании и идите с ними.
3. Вложите в паспорт **записку с указанием группы крови и резус-фактора.**
4. **Заранее подготовленные SMSки.** Садясь на транспорт, перед тем, как идти куда-то, напишите и сохраните SMSку «задержан там-то», указывая место, куда вы направляетесь. Вы сможете оперативно отправить SMS «группам поддержки», если всё же задержат.

Постоянно редактируйте SMS в соответствии с местом нахождения, пунктом назначения и т.п.

5. **Юрист в группе.** Если есть возможность, ходите на собрания группами и включайте в каждую юриста.
6. **Шоколад.** Самый универсальный продукт.
7. **Очки для плавания** на случай применения слезоточивого газа.
8. **Нарезанный лимон** на случай применения слезоточивого газа (прикладывается к векам).
9. **Ни в коем случае не надевайте одежду камуфляжной расцветки.** Милиция во время тренировок отрабатывает техники между собой, для них противник в камуфляже – не гражданский, а тренировочный объект, и вдобавок это психологически переводит избивание гражданских в разряд «отражение атаки иностранного агрессора». Если вы припомните телекадры из уличных потасовок за границей, даже самых крутых, едва ли вам запомнился кто-то в таком пятнистом наряде. А если и запомнился, то уже в «разгрузке» и с автоматом.

НА МИТИНГЕ

Поведение в толпе

- Не стойте возле мусорных контейнеров, урн, детских колясок, бесхозных чемоданов – часто именно в этих местах закладывается взрывчатка.
- Находиться рядом с работниками милиции опасно, так как на них часто направлено недовольство толпы.
- Старайтесь находиться в наиболее безопасном месте толпы: подальше от трибун, от центра толпы, от стеклянных витрин и металлических оград, стен зданий, деревьев. Держитесь подальше от низко находящихся электропроводов, которые могут быть оборваны.
- Никогда не принимайте на веру слухи в толпе. Верьте только тому, что видите!
- Сопровитвляйтесь массовому психозу. Ищите в толпе также не поддающихся психозу, пробивайтесь к ним, вставайте рядом.
- Если в толпе возле вас объявился паникёр, как угодно, но заставьте его заткнуться.
- Будьте готовы принять на себя роль лидера. Толпа склонна подчиняться властным командам уверенного в себе человека.
- В толпе нельзя: оказывать физическое сопротивление, пытаться сдерживать соседей, хвататься за случайные неподвижные предметы, тормозить общее движение.
- В разреженной толпе дрейфуйте к ее окраинам, в монолитно текущей – наоборот, держитесь от них как можно дальше. Любые выступы стен, декоративные решетки, водосточные трубы, крылечки, витрины, отдельно стоящие фонарные столбы, киоски, афишные тумбы, деревья, рапелеты ограждений смертельно опасны.

- Чтобы не задохнуться в толпе, выставьте руки перед грудью, со сцепленными в замок пальцами или выставленными кулаками. При каждом вдохе отжимайте руки от себя, выигрывая дополнительный объем для лёгких. Нельзя поднимать руки вверх или опускать вниз – изменить положение рук потом будет невозможно.
- Если в толпе рядом нашлось несколько здравомыслящих людей, можно попытаться оказать совместное сопротивление общей панике. Для этого надо сцепиться руками друг с другом, выставив сжатые в кулаки руки вперёд, и по команде одновременно качаться в избранном направлении (не против движения, а по ходу, постепенно забирая вбок). При этом в острие клина должны располагаться наиболее сильные мужчины, а в центре – защищаемые дети и женщины.
- Отрезвляющее действие на окружающих могут иметь громко скандируемые такими людьми команды. Если этот островок сопротивления не будет сразу смят, то он начнёт обрастать новыми, зацепившимися за него людьми. А это способно погасить панику.

При возникновении экстремальной ситуации

- Просчитайте, где и когда она может возникнуть. Помните, что любое сужение улицы, равно как улица, оканчивающаяся тупиком, котлованом, обрывом – капкан. Прикиньте, где ваша толпа может соединиться с другой и где её может поджидать милиция.
- Уходите в сторону – в боковые улицы, переулки, проходные дворы, подъезды. В крайнем случае – разбивайте витрины магазинов и идите к служебным выходам, а от них по проходным дворам выбирайтесь на другие улицы.

- Как самое крайнее средство – можно взбираться на козырьки, магазинов, крыши низких зданий, капитальных киосков. Любым способом поднимайтесь над толпой. Обязательно смотрите, чтобы то, на что вы забираетесь, было прочно и надёжно стояло на земле.
- Если на «вашу» крышу влезают всё новые люди, забирайтесь через окна в квартиры ближайших домов или ползите выше в поисках подходящей для спасения площадки. Путь вниз отрезан!
- Можно также (но предельно опасно) искать укрытия на уровне земли: забираясь под трамваи, тяжёлые грузовики, в слуховые окна подвалов.

Чтобы не упасть

- Перейдите на семенящий шаг – он наиболее устойчив.
- Затяните пояса штанов и юбок, а если это невозможно, сбросьте их – лучше быть смешным, чем мёртвым.
- Не нагибайтесь за уроненными вещами, что бы вы ни потеряли. Не реагируйте на боль в ногах и теле, не пытайтесь рассмотреть нанесённые вам повреждения.

В случае падения

- Если вы упали – немедленно поднимайтесь. Быстро подтягивайте ноги к себе, группируйтесь и резким и сильным рывком, разжимаясь, подобно пружине – прыгайте вверх. Если вы не упали, а осели на колени, поставьте одну ногу полной подошвой на землю и вставайте резким толчком. Во всех случаях – поднимайтесь по направлению движения, а не против него.
- Если подняться вам не удалось, подтяните колени к животу, наклоните голову к груди, обхватите её руками, прикрыв локтями бока, по возможности откатитесь за любое препятствие на земле и, не реагируя на боль и удары, сохраняйте данную позу. НО: шансов выжить у лежащего мало.

Для детей, оказавшихся в толпе, единственный шанс выжить – находиться над толпой.

Рекомендации в случае задержания

На площади держаться группами по 5-10 человек. Если начался хапун, 10 человек «скрутить» не так легко, как двоих-троих, к тому же 10 создадут больше шума, а шум – это журналисты и международный скандал.

Своих не отдавайте! Зовите на помощь, не стойте, когда кого-то тянут люди в форме или без нее! Запоминайте тех, кого забрали. После их надо будет отыскивать по опорным пунктам.

*

Если вдруг попали в отделение, вас будут просить подписать разные бумаги. Кроме протокола и бумаги о личном досмотре, ничего не подписывайте! (Протокол лучше подписать, чтобы не могли держать бесконечно долго в отделении – подпись подтверждает время задержания).

*

При этом в протоколе вы имеете право записать все свои замечания и комментарии по задержанию! Если нарушения были и они будут вами зафиксированы на бумаге, это давит уже на психику милиционеров и иногда эти протоколы просто «тихо исчезают».

*

Для студентов: при составлении протокола на вопрос «где учитесь», отвечайте: «имею среднее образование» (говорить, в каком вузе учитесь, необязательно).

*

Ничего другого не подписывайте! Даже когда будут говорить, что это опись ваших вещей. Делайте вид, что не умеете писать или не понимаете по-русски.

Есть возможность позвонить/скинуть SMS – делайте это максимальному количеству людей! Сообщите, где вы, сколько с вами еще людей.

Что делать, если для разгона митинга были применены водометы?

Надо иметь в виду, что струя воды – это реальная ударная сила. Тот, кто получил ей в упор, может иметь десяток сломанных рёбер и кашу вместо внутренних органов.

*

С человека, попавшего под струю холодной воды на морозе, необходимо срочно снять мокрую одежду, переодеть во что-нибудь сухое и убрать подальше с мороза (если такая возможность, конечно, есть). Так можно избежать обморожения.

*

Если избежать не удалось – укутать в тёплую одежду или обмотать ватой (в идеале надо переливать тёплый физраствор). Но тут лучше сразу обмотать и с запозданием перелить, чем сразу растереть и принудительно нагреть. Необходимо помнить, что убивает ткани не холод, а отогревание участков, если оно наступает до восстановления кровоснабжения, а оно восстанавливается медленно и массажем его толком не восстановить. На микроуровне сохраняется спазм.

Что делать, если для разгона митинга был применен газ?

При первой возможности быстро покинуть место применения газа. Следует уходить от облака газа перпендикулярно направлению ветра, закрыв рот и нос платком, смоченным любой жидкостью. Попав в облако, накрывать лицо – с запасом, но плотно, чтобы небольшой порцией воздуха под курткой можно было дышать какое-то время. Необходимо быстро и часто моргать, чтобы слезная жидкость смыла химическое вещество.

Нельзя допускать рефлекторной остановки дыхания. Если это случилось – делать искусственное. В тяжелых случаях применять кислород.

*

Когда наконец удастся выйти из зоны применения газа, надо промыть глаза теплой мыльной водой. Ни в коем случае не стоит это делать холодной водой. Следует умыться и поменять одежду. Применительно к CS и CN слово «газ» – это не всегда правда. Чаще это возогнанные кристаллы, на холодном воздухе быстро кристаллизующиеся обратно в виде мелких крупинок. Грубо говоря, человек попал в облако дыма, закрыв глаза и не дыша. Вышел из него, отдышался, протер глаза – и полный эффект как от попадания в самый центр. Потому что руки и одежда перепачканы этой дрянью.

КАК УХОДИТЬ С МИТИНГА

Снимите и спрячьте все нашивки и отличия демонстранта. С вами никто не играет, поэтому пионерские игры в «спасение знамени полка» неуместны.

Нельзя уходить одному. Уходить нужно группами не меньше 5-6 человек. Лучше – уходить десятками. Таких, даже при активном их участии, стараются не трогать.

Штат сотрудников силовых органов ограничен. МАКСИМАЛЬНО затрудняйте им работу, идите группами как можно дольше – две-три остановки – вместе. Эффективно вместе влезать в автобус. Если к вам нет ну просто ОЧЕНЬ особых претензий, от вас отстанут и бросятся искать «отщепенцев» (группки по 2-3 человека), одиночек. Редко пристают к супружеским парам, но все может быть.

Двое наблюдают, один ведет переговоры. Ещё – если остановили двое и более, обязательно сразу старайтесь распределить роли в вашей «десятке»: двое наблюдают за КАЖДЫМ из подошедших. Иначе возможна провокация. Т.е. подошли к вам двое – у вас должно быть не менее 5 человек. Двое «берут» одного «сотрудника», двое – другого и еще у вас остается человек, который ведет переговоры.

Сопровождайте активистов. Если какие-то люди выделились на митинге активностью, обязательно сопровождайте их. Полиция их тоже заметила и будет пытаться вязать. Сопровождайте их как можно большим количеством людей и как можно дольше – таким образом вы и им, и себе обеспечиваете безопасность.

Договориться с родственниками, чтобы встретили. Возможно, окажется, что необходимо позвонить домой/знакомым, чтоб они встретили вас. Этим увеличиваете численность группы + не останетесь один даже возле своего дома. Подождите их в ближайшей кафешке.

Если вас вычислили, то остерегайтесь:

а) групп людей на пути вашего движения, которые будто бы о чем-то разговаривают между собой или кого-то ждут, посматривая демонстративно на часы;

б) незнакомых, которые издали вам улыбаются и идут навстречу, приветливо размахивая руками – они отвлекают внимание, вас сейчас схватят сзади.

Раз и навсегда забудьте все, что вы видели о подобных ситуациях в кино, даже не пытайтесь друг перед другом демонстрировать отвагу.

Если вы способны на спринтерский бег – убегайте, молодость и адреналин вас выручат, но это если вы можете не только рвануть хотя бы на километр, а и знаете, что не бежите в сторону РОВД. Этот шанс следует попробовать, «спецы» набираются по признакам шкафоподобности и мордovorотности, а это с бегом несовместимо. В конце концов, через 10 секунд сами увидите, гонится кто-то за вами еще или нет.

***Рекомендации для немедика,
не располагающего специальными средствами,
но способного оказать первую помощь⁸***

При оказании медицинской помощи

1. Проверь, дышит ли человек. Если человек при смерти – брось его, занимайся другими. Ты не реаниматор, ему ты уже не поможешь, а время потеряешь. Занимайся теми, кому можешь помочь. Если требующих помощи много – сначала занимайся теми, кто в сознании.

2. Общий порядок действий – сначала остановить кровь, всё остальное потом. При шоке – сначала вывести из шока. Тут единственный вариант – алкоголь, причём типа водки-коньяка как минимум, но брать с собой стекло не советую категорически. Пластиковую бутылку с водкой-коньяком – стоит, выведению из при первой стадии шока способствует.

3. Дальше. При артериальном кровотечении – кровь светло-алая, бьёт фонтаном – зажимаешь ВЫШЕ раны. При венозном – кровь тёмная, течёт куда медленней – сначала НИЖЕ раны, потом выше. Во всех случаях – потратить две секунды, вложи бумажку со временем наложения жгута. Это чтобы синдром длительного сдавливания с последующей гангреной не развился – врачам надо будет знать, сколько лежит жгут.

Накладывать жгут туго. Закручивать при помощи палки. Артериальный жгут – это не резиновая трубочка, минимум ремень. Накладывать поверх наложенной материи.

При ранах бедра, спереди, даже если кровь не хлещет, обязательно – жгут немедленно! Прижать в паху артерию и перетянуть, скажем, ремнем, ногу прямо в верхней части бедра. Там может пойти кровотечение в мягкие ткани, и человек потеряет литр с лишним легко за пять мин. Снаружи ничего, но летальный исход гарантирован. Под ремень можно на передней по-

⁸ Публикатор не несет ответственности за содержание рекомендаций.

верхности верхней трети бедра подложить плотный давящий валик.

4. Если подозреваешь травму головы, во всех случаях, сколь можно, голову не трогай. Исключение: если иначе затопчут, если человек рискует захлебнуться слюной или рвотой. Потому что с шансами можно шею повредить, причём непоправимо.

Если шея, скорее всего, не повреждена – под голову что-то невысокое.

5. Если сердечный приступ – не класть человека, а усаживать (класть – слишком сильный перепад давления). Ноги по возможности чуть выше головы.

6. Если в человека что-то воткнули – нож, штырь, пр. – НЕ ВЫТАСКИВАТЬ! Вытащишь и не сможешь сразу оказать хирургическую помощь – это смерть, а так человек до больницы продержится.

7. Дальше. Пока возможно, используй эректильную фазу шока для того, чтобы человек тебе сам помог – в ней на первой стадии он идти может; дальше он тебе не помощник. И помни, что шок развивается лавинообразно.

8. При сильном ударе в живот – подозрение на разрыв, человека необходимо сразу везти в больницу.

9. При травме спины и отсутствии других травм – положить на ровное безопасное место. Это, как правило, менее срочная травма – придётся выбирать, кому оказывать помощь первому.

10. Дальше. Травмы сонной артерии/яремной вены – зажать рукой.

11. Травма лёгких, проникающее – плотная повязка, на рану кладется кусок пластика или плёнки, по возможности стерильный.

Поверх плотно бинтуется. И быстро в больницу, конечно. Признак ранения в лёгкое – сначала пузырится кровь на поверхности раны – воздух выходит из спавшегося лёгкого (это чтоб отличить от удара вдоль ребер), но это быстро прекращается.

12. При переломах руку можно прибинтовать и к корпусу, ноги друг к другу.

13. Если давать таблетки, особенно анальгетики – записать, какие и сколько.

14. Минимальная защита себя. Проверить, нет ли на собственных руках повреждений. При большом скоплении народа получить от перевязываемого гепатит или ВИЧ – не самая малая вероятность.

С собой стоит иметь (если в ряд – что угодно из этого набора):

- Йод, зелёнка, перекись водорода, спирт
- Анальгетики
- Спазмалгетики
- Бинты
- Вата
- Бинт эластичный
- Спиртовые пластинки
- Пластырь
- Жгут
- Валидол
- Нитроглицерин
- Альбуцид
- Нашатырный спирт
- Ножницы
- Булавки английские
- Сахар
- Несколько пакетов из плотного материала
- Несколько пачек активированного угля
- Фталазол
- Тетрациклин

Оказание медицинской помощи

При серьёзном ранении, травме, переохлаждении старайтесь не потерять сознание. Ибо шансов выжить у неотключившегося человека намного больше. Считайте, разговаривайте сами с собой. Не давайте себе отключиться и расслабиться.

При общей слабости, граничащей с потерей сознания, для активизации мозга требуется надавить ногтём пальца, ребром монеты или другим предметом чуть выше носогубной борозды под нос, вектор давления направлен под углом вверх, к макушке головы.

(Добавление ТЛ – также помогает сильное надавливание ногтём или чем-то сходным чуть ниже основания ногтя мизинца на обеих руках. Это акупунктурная стимуляция работы сердца.)

Поражение носа. Характеризуется обильным кровотечением. Для экстренного его прекращения запрокиньте голову и ребром ладони нанесите несколько ударов по затылку на 2-4 пальца выше основания черепа.

Кадык. При травме из-за рефлекторного отёка гортани наступает смерть от удушья. Проткнуть трахею, ограничив длину ножа пальцами (длина 2-3 см). Делается надрез на 1-2 кольца трахеи ниже кадыка и вставляется любая полая трубка. Хоть от авторучки с обкусанными концами.

Порез запястья. Глубокий порез внутренней стороны запястья при отсутствии немедленной мед. помощи ведет к потере сознания от потери крови через 30 секунд, смерти еще через 30 секунд. Запястье закладывается за отворот куртки, ремень, и сильно прижимается к грудной клетке для уменьшения кровотечения. Время до потери сознания увеличивается в 2-3 раза.

Глубокий порез локтевого сгиба. Время до потери сознания может быть ещё меньше. Рука максимально сильно сгибается в локте. Очень хорошо положить в сгиб продолговатый предмет. Согнутой рукой схватиться за отворот куртки.

Ранения бедра. Опасны в любом месте. Особенно, если задеты бедренная артерия или её ветви. Жить тогда вам несколько минут. В первую очередь убрать нагрузку с ноги. Здоровую ногу отвести назад, перенести на неё вес. Раненая нога разгружена и опирается на носок. Перемещаться прыжками на здоровой ноге.

Ранение голени. Риск значительно меньше. Действия аналогичны.

Ранение органов брюшной полости. Если вас хорошо ткнули ножом, заточкой в живот, и вы ещё двигаетесь, значит, всё в порядке. Брюшную аорту не задели. Вы будете на ходу, возможно, даже более суток. Потом у вас появится горячка и наступит смерть от заражения брюшины (перитонит).

Спокойно завершаете бой/эвакуацию/что вы там не успели, принимаете 5 таблеток суммамеда (мы не в армии, поэтому едим антибиотик ударной дозой) и отправляемся к врачу. Три шанса из четырех, что выживете. В эти шансы не входит ранение почек или селезёнки.

Рассечение брюшной полости и нарушение герметичности брюшной полости. Если нет отягчающих обстоятельств, вы 6-12 часов будете в порядке, потом горячка, перитонит. Шансы 50\50.

Если петли вашего кишечника выпали наружу, ни в коем случае нельзя заправлять обратно в живот!!! Прикрыть кишки рубашкой и, придерживая их рукой, к врачу.

Поражение грудной клетки. Колотые ранения легких и перикарда (сердечной сумки), а так же касательные по сердцу не влекут за собой быстрый (в течении нескольких минут) выход из строя. Но если не хватает воздуха, а из раны выдуваются кровавые пузыри...

Затыкаете отверстие рукой, по мере возможности накладываете целлофан или плотную бумагу, плотно фиксируете (пластырь, бинт, да хоть рукой!!!) и бегом к врачу.

Колотое ранение сердца или сонной артерии. Совсем плохой вариант. Но шанс выжить есть всегда.

Если в ране торчит нож, заточка, края одежды - не в коем случае не трогать!!! Любой предмет в ране сдерживает кровотечение. Зафиксировать предмет пластырем, бинтом или одеждой и постараться без лишних движений попасть в медпункт.

Если противник выдернул предмет из раны, то необходимо заткнуть дыру пальцем, буквально засунуть его туда.

Поверхностное рассечение шеи (при глубоком вы и сказать ничего не успеете...). Максимально согнуть голову в поражённую сторону и постараться прижать к ней плечо. Это уменьшит кровопотерю. По завершении схватки/освобождении рук поднять руку с противоположной порезу стороны, прислонить кусок скомканной одежды и прибинтовать к поднятому плечу.

Если вам отсекали ухо, часть носа, скальпа или щеки. Перевязаться, подобрать ампутированные части в пакет и в медпункт. Ткани лица обладают очень высокой жизнеспособностью. У вас в запасе около 40 минут.

При остановке сердца, прежде чем делать непрямой массаж сердца, нанесите удар кулаком между левым соском и грудной. Резкий, но не очень сильный (действие аналогично электрошокеру). После этого проверьте пульс на сонной артерии. Если пульса нет – повторите. Если не помогло – начинайте делать непрямой массаж и искусственное дыхание.

При аресте

РАССМОТРЕТЬ УДОСТОВЕРЕНИЕ! ПОЛНОСТЬЮ! ВСЕМ ЧЛЕНАМ ГРУППЫ! Требуйте, чтоб удостоверение держали долго и КАЖДЫЙ из вас должен его тщательно прочесть – они такого не любят, но ОБЯЗАНЫ делать. И ОБЯЗАТЕЛЬНО вы должны запомнить хотя бы фамилии. Причем их ПРОГОВОРИТЬ вслух, как бы читая: «Так, капитан такой-то?» Начальство милицейское ОЧЕНЬ не любит, когда приходят жалобы на КОНКРЕТНЫХ людей. ОЧЕНЬ. После такого приема вас могут и отпустить.

Милиция в форме, фсбшники в штатском. ФСБ всегда посылает на митинги одних и тех же сотрудников, и те, кто часто устраивает митинги, их знают чуть ли не поименно. Милиция более туповата – ее на такие задержания, требующие известной доли сообразительности, не посылают. Сотрудники милиции подходят в форме – они считают, что так выглядит «страшнее», и говорит тогда старший по званию. ФСБшники же поумнее – а здесь как раз начинается словесная игра, кто кого переговорит. Конечно, если документы у вас при себе. Но везде бывают исключения...

Если при вас паспорт, то вас куда-то вести не имеют права; если нет, то если-таки отобрали паспорт (вы выпустили его из рук), старайтесь дозвониться любым знакомым, родителям и говорить, куда вас повезли.

Не отмалчивайтесь, но и не давайте ответов. Отвечайте вопросами на вопрос. Отвечайте на половину ответа. Переспрашивайте. Рассказывайте анекдоты, если вы уже в машине! Проститесь сразу с лишними деньгами, лучше иметь несколько мелких купюр и пол-горсти мелких монет – если на вас нашьют хулиганов, им можно бросить это в глаза и выиграть пару секунд. При необходимости переходите на доступный для

задерживающих язык: на уличный жаргон и т.п. Если Бог вам дал родиться евреем или хотя бы подобным, намекайте на антисемитизм «правоохранителю». Почти никогда не ошибетесь, погромный зуд в них прививало еще КГБ.

Не дергайтесь, если на вас надели наручники – они могут от этого автоматически сильнее заклациваться и сломать кость.

Крики входят в ожидаемое поведение, на них не реагируют. Ваши вопли типа «убери руки!» будут действовать наоборот, вы ведете себя ОЖИДАЕМО. Можете сесть на землю и сказать спокойно, что или сами пойдете ногами, «или несите».

Если вас бьют ногами на земле, помните, что надо задержать дыхание. Ребра ломаются НА ВЫДОХЕ! Не бойтесь ударов в лицо – синяки в вашу пользу, бойтесь ударов в затылок и виски. Яйца...да, это больно. Не дергайте ногой, а сведите колена.

Имитируйте ожидаемый эффект от удара (крики и т.п.), утрируйте. Лучше быть побитым, чем быть убитым.

Не говорите ничего! «Я мимо шел, а меня взяли!» Если что-то сказали, будете виновны! Ну, а если начнут бить, то терпите или давайте размазанные показания.

К примеру: Отвели нас, куда следует. Подержали немного. Потом к нам присоединился ещё один парень с митинга. Он был с паспортом, но его всё равно задержали. Не знаю, был ли задержан кто-то ещё. Других я не видел.

В этой ситуации не верить! Тот парень, коего «присоединили», мог быть осведомителем, но не обязательно. Вы его ЛИЧНО знаете? Он стал с вами разговаривать про митинг, возмущаться? Вообще заводить какие-либо разговоры, чтобы вы сказали что-то про митинг? Если говорил – очень вероятно, что это была «наседка».

Вывод: при попадании в такую ситуацию и до выхода из кулуара ни с кем не обсуждать митинг, просто громко возмущаться, что «я мимо шел, а меня взяли!».

Всегда надо говорить: «Я шел мимо! Ничего не знаю». – Транспарант держал?! – Да мужик убежал отлить, попросил подержать, а я не знал куда его выкинуть, вот и держал! – И говорить эту версию всем, в том числе и «сокамерникам», и «добрым» сотрудникам, готовым «идти на митинг, если не форма бы». Говорить, пока не отпустят. Никогда и никому не признавайтесь, что вы к чему-либо причастны.

Если вы что-то признали, то на вас повесят штраф или срок, а если вы всё сделали правильно, то отпустят! Поэтому очень ВАЖНО от всех таких «административок» открещиваться как только можно.

Тщательно прикрывать активистов – ищут именно их. Не верьте в доброго дядю, которые дает вроде умные советы. Отказывайтесь от всего. ЗАПОМНИ: они ВЕСЬ митинг контролируют и ищут «козла отпущения». Вспомни обалдевшие глаза полковника, который не смог НАЙТИ ЗАЧИНЩИКА митинга! Это им надо ОБЯЗАТЕЛЬНО – они погоны так зарабатывают. Слышал идиотов, которые орал: «На дорогу!», «Переворачивай машину!»? Вот это все наверняка зафиксировано ОПЕРАТИВНОЙ СЪЕМКОЙ, которая ведется ОБЯЗАТЕЛЬНО. Вот это бы всё на тебя и повесили, и ты бы не отмазался. Поэтому старайтесь прикрывать основных активистов, не бросать их на улице по одному, желательно следить за хвостом.

Если бы у милиции был приказ получить инфу, а не схватить активистов, вас бы били. Поэтому надо постараться не попадаться.

В случае задержания кого-либо из вашей или любой другой группы:

1. Соберите всю возможную информацию.
2. Сообщите ее, кому посчитаете нужным из вашей базы контактов (прежде всего журналистам и правозащитникам).
3. Организуйте телефонную атаку на отделение милиции, где содержится задержанный (спрашивайте, есть ли такой, почему задержан, предъявлены ли обвинения, дали ли ему позвонить и т.д.) Также – на районное, городское, областное управление милиции. Звоните регулярно, в идеале – с таким шагом звонков, чтобы регулярно слышать: «Доставили». Позаботьтесь о том, чтобы с теми же вопросами позвонили журналисты.

Меры против провокаторов и отморожков

Провокаторы

Не допускать провокации. Особенно на Несанкционированном митинге. Если вы стоите, обратите внимание на своих соседей. Если у вас ВНЕЗАПНО появился ранее незамеченный АКТИВНЫЙ сосед, который подбивает пойти «дать топором по башке Пуху» – это штатный провокатор. Пример: «21 числа всё получилось просто здорово, несмотря на наличие в толпе большого числа провокаторов. Одного знаю лично – адвокат ОГНЁВ ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ. Не видел, что он делал у мэрии, а на площади ходил по толпе и подбрасывал идейки: «Вон те, в папахах, вот кого п...ть надо!» Увидал меня и сдулся.»

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВЯЖИТЕ ЕГО САМИ! Это его цель – заставить вас ЭТО сделать! Если вы имеете довольно шкафистый вид – «зацепитесь» за него ХВОСТОМ, так чтоб он видел, что вы за ним просто ходите и следите, но не трогаете НИКАК. Такое «сотрудники» не любят и отваливают. А сотрудников – мало. Так что несколько бдительных участников митинга могут создать бо-о-ольшую головную боль «организации».

Более того, по возможности СДАВАЙТЕ провокатора ближайшему сотруднику милиции. Но только тогда, когда вы 100% УБЕДИТЕСЬ что этот человек бегаёт туда-сюда и, аккуратно выкрикнув провокацию, исчезает. Засвеченный провокатор – облом милиции.

И ещё – от замеченного провокатора отталкивайте журналистов. Просто нагло лезьте в камеру, когда провокатор пытается толкнуть речь. Лезьте с любой глупостью, которая придет в голову. Или нормально отвечайте на вопрос, который провокатору задал журналист.

Отморозки

Главным условием победы в любом деле является организация людей, которые точно знают, к какой цели они желают прийти. Применительно к защите гражданских свобод – это защита от антинародных действий власти и сил, которые она использует против людей, в том числе отморозков-бандитов.

Обезвреживание. Отморозки обычно нападают толпой и стремятся в первую очередь сломить психику людей. На организованные сообщества они практически не нападают. Поэтому вид людей, готовых к отпору любой ценой, их значительно отрезвляет. Однако, необходимо быть готовым дать и физический отпор. Обычно отморозки (рядовые шестерки, обычно бывшие уголовники) идут на людей пьяными или под наркотой. В таком состоянии им тяжело контролировать окружающее. Это можно использовать таким образом. Группа из 3-4 человек заранее распределяет роли. Один, малого роста и хорошо одетый в теплую одежду (защита от ударов и ножей), шапку (толстую) с завязкой под подбородком и хорошую обувь, при приближении отморозков на расстояние 2-3 метра с разгона бросается отморозкам под ноги с целью сбить с ног одного-двух. Два человека прыгают на отморозков, лежащих на земле, и отталкивают других отморозков, стоящих по бокам, а затем пробуют пробить строй отморозков глубже. В этот момент в прорыв необходимо вбегать новым людям с целью разрыва строя отморозков и выхода им во фланг и тыл. Первый человек практически в безопасности, так как, сгруппировавшись, человек способен без вреда вынести на себе 2-3 человек. В тылу своих должны оставаться наиболее слабые и женщины. Они, в случае крайней необходимости могут просто придавить лежащих отморозков собой, а их визг, в такой ситуации, всегда толкает мужчин на выполнение своей главной функции в природе – защиты женщины. Лежащих отморозков надо сразу же вязать всем, чем угодно. Очень эффективно расстегнуть верхнюю одежду на отморозке и, отведя руки назад, закрутить ту

часть одежды, что на туловище. При этом образуется как бы тугая веревка, которая обездвиживает руки. Для связывания ног приспускаются штаны до состояния выше колен и в этом положении перематываются ремнем или любым подходящим способом между ногами. Со спущенными штанами и связанными руками отморозок практически безопасен и его можно оставить под охраной женщин и подростков. Полежав 10-15 минут на холодной земле, он теряет агрессию и бандитский запал.

Если отморозки вооружены – разрешено все. Если отморозки вооружены, то ситуация сложнее, но не безнадежная. В этом случае защита от отморозков – законная самооборона, и тут уж разрешено все. Единственное условие – это готовность идти сразу и до победы, т.е. бить сразу и наповал. В качестве оружия можно использовать любые подходящие предметы, даже такие экзотические, как женские чулки или колготки, набитые землей, песком или мелкими камнями. Эффективно растереть табак (сигареты или папиросы) и бросить в смеси с песком в глаза. Оторванный рукав рубашки, набитый песком или землей – также прекрасная дубина, которая, к тому же, не оставляет следов. Но главное – бить первыми, сильно и наповал. С оружием к Вам идут уже не люди, а двуногие опасные животные.

Определить заранее пути отхода. Необходимо заранее определить возможные пути подхода отморозков, а также пути маневра, куда отвести женщин и подростков и куда можно отступить для защиты от превосходящих сил.

Расклейка листовок

Чем клеить

Начнём с клея. Вообще-то можно клеить чем угодно, однако самый простой и удобный вариант – клейстер. Он производится из обычного картофельного крахмала, продающегося в гастрономах. Он неядовит и безопасен для окружающей среды. К его достоинствам можно отнести также лёгкую смываемость с рук и одежды. Некоторые считают, что для приклеивания листовок лучше подходит суперклей, но это будет стоить на порядок дороже, а большой выгоды не будет.

Рецепт

Одну-две чайные ложечки крахмала размешать в холодной воде (4-6 чайных ложечек), потом, размешивая, заливать кипятком. Получившаяся густая масса и есть клейстер. Если получилось слишком густо, долить кипятка. Если масса получилась слишком жидкой, то её нужно подогреть, постоянно помешивая.

Таким клеем можно пользоваться 6-8 часов, потом придётся готовить свежий.

Как подготовиться

Во-первых, не надевайте одежду, которая вам ещё пригодится для других, более чистых целей. Клея листовки, не запачкаться очень тяжело, особенно не запачкать рукава. По той же причине рекомендуется одеваться во что-нибудь тёмное – так следы меньше видны.

Сумка

В ней вы будете носить листовки. Она быстро испачкается, поэтому лучше брать что-нибудь старое, либо купить простень-

кую хозяйственную тканевую сумку или просто полиэтиленовый пакет (только непрозрачный). Лучше всего то, что можно повесить на плечо – руки нам понадобятся свободными. Важно также подобрать сумку, из которой будет как можно проще доставать листовки.

Бумага

Бумага не должна быть слишком тонкой, иначе будет рваться, когда пропитается клеем. Слишком толстая плохо клеится. В принципе, обычная офисная (60-80 g/cm³) подходит.

Можно использовать цветную бумагу. В таком случае стоит подумать, какой цвет лучше всего соответствует настрою вашего послания, а также, будет ли текст легко читаться.

БОНУС

Татьяна Луговская

Май-данность

*Фоксу, Даше, Диме и остальным
Его спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».*

Александр Галич

Не от нечего делать – а потому, что темно,
Либо свечка в окне – либо тёмное окно,
Даже если там люстра в триста ватт и разливают бульон,
Там тебе объяснят, что на самом деле как,
Что политика – игра, а ты – наивный дурак,
И разумных доводов на этот счёт приведут миллион.

И так всё логично – мурашки аж!
Все расскажут тебе, что свобода – блажь,
Что на площадь не пойдёт, кто в своём уме.
А ты понимаешь: нет, так дальше нельзя,
От обиды и гнева закипают слёзы в глазах,
И лучше в тюрьме, чем всю жизнь по шею в дерьме.

А тебе говорят: беды не зови,
Ты хлебай помои, ты смотри ТиВи,
Ну диктатор – но людей не жрёт, не Бокасса, нет,
На улицах порядок, эх, страна хороша...
А ты понимаешь – больше нечем дышать,
Вьжгла воздух ложь – в твоём доме, в твоей прекрасной стране.

– А тебе говорят: всё это Запада рука,
Ты за доллары продался, а иначе никак,
Вот уже покажут вам, наймиты, кузькину мать!
Тех, кто это говорит, ты звал когда-то «друзья»,
А сейчас понимаешь – нет, не сможешь ничего доказать,
Не услышат, не увидят, не поверят, не хотят понимать.

А ещё говорят: нет смысла у борьбы,
В девяносто первый год я сам на баррикадах был,
Свергнут гадину одну – готово место для сволоты другой,
А вы – толпа, слепцы, бараны, вас подставить легко...
А ты идёшь на площадь вовсе не за жоаком,
Не за президентом, не за богом во плоти – ты идёшь за собой.

Ты идёшь за собой, это твоя струна,
Да, жизнь одна – так ведь и совесть одна,
Это твоя страна, это правда твоя, это выбор твой.
Твоё оружие – воздушный шарик, окуджавский мотив,
Круглый выдох-вдох, сияющий на солнце – его попробуй запрети!
Ты отпускаешь шарик – и на свободу, в голубой небосвод.

Март 2006 года

Песню на эти стихи можно скачать на http://www.antigreen.org/serg/Dorojka_2.rar. Исполнитель и автор музыки – Эрени Корали (<http://www.diary.ru/member/?142735>).

Андрей Хаданович
Сергей Минскевич

Бел-чырвона-белы вожык-патрыёт

Альтернативный проект
государственного гимна
Республики Беларусь

(Петь на мотив Yellow Submarine)

Не працуюць санвузлы,
Не нясуць дзяцей буслы.
Не шанцуе па жыцці,
У паход пара ісьці.

Бел-чырвона-белы бусел-патрыёт,
Бусел – патрыёт,
Бусел – патрыёт
Разам з намі крочыць у паход,
Крочыць у паход,
Крочыць у паход...

Нават вожык на грыбы
Не раскатвае губы,
Ён выходзіць на прасьцяг,
Несучы на голках сыцяг.

Бел-чырвона-белы вожык-патрыёт,
Вожык-патрыёт,
Вожык-патрыёт
Разам з намі крочыць у паход,
Крочыць у паход,
Крочыць у паход.

Хай за намі папаўзе
Лепшы трактар МТЗе.
Ён у полі дыр-дыр-дыр,
Мы - за дружбу, мы – за мір!

Бел-чырвона-белы трактар-патрыёт,
Трактар-патрыёт,
Трактар-патрыёт
Разам з намі крочыць у паход,
Крочыць у паход,
Крочыць у паход.

Годзе жыць нам у дрыгве,
Зажывем, як сьвет живе.
Трэба пні нам карчаваць,
Каб усіх прахарчаваць.

Бел-чырвона-белы бусел патрыёт,
Вожык-патрыёт,
Трактар-патрыёт
Разам з намі крочаць у паход,
Крочаць у паход,
Крочаць у паход...

Из альбома «Партизанская школа»

Эту песню и другие песни протеста можно послушать и скачать на <http://www.za-svabodu.org/mt/t.pl?entry=89>.

ПАРТИЗАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Акции протеста в Минске 19-25 марта 2006 года

Авторы: *Д. Костенко, Фокс, А.Кашко и др.*

Редактор: *Е. Михайловская*

Корректор: *В. Кошкин*

Компьютерная верстка и оформление: *А. Петрушин*

Ёжик: *Historiae animalium, lib. I*

Лицензия ИД №03713 от 12.01.2001

Подписано в печать ****.08.2006 Формат 60x84 1/16

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ.л.***

Тираж 1000. Заказ № ***

РОО Центр «Панорама»

113184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 1, стр. 3

119019, Москва, Г-19, а/я 236. Тел/факс: +7(495/501) 787-63-38

www.scilla.ru

info@panorama.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Момент»

